M., 1923
BB271
M672

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии Всех Стран, Соединяйтесь!

BB271
M672

ОТТО Ф. МОЗЕР

КРАТКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОБЗОР МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИЗДАНИЯ
Высшего Военного Редакционного Совета.

ГЕОГРАФИЯ.

География РСФСР и сопредельных стран. Составл. по П. Белохе.
Снесарев, А.—Афганистан.

СВЯЗЬ.

Гусев, А.—Службы связи. (Краткое руководство).
Слюсарев, Н.—Спутник начальника связи полка.
Магнушевский и Слюсарев.—Катехизис для надсмотрщиков полевых радиостанций.

КОННИЦА.

Шапошников, Б.—Конница.
Мясоедов.—Езда и выездка.

ТЕХНИКА.

Муравьев.—Курс радиотелеграфного дела, часть II.
Таблицы времени регулярных сношений радиостанций.
Брикс, Ф. А.—Параллельная теория гребного винта, часть I.
Белухин.—Описание устройства приборов „Обри".
Ковалёнков.—Элементарный курс авиационного радиотелеграфа, часть I.
Баженов, В.—Инструкция по приспособлению полевых радиостанций к радиотелеграфированию.
Юрьев, Б.—Графо-аналитический способ расчета гребного винта.
Яковлев, И. Военно-химическое (газовое) дело.
Крживицкий, А.—Исследование средств механической перевозки грузов.
Келер, С.—Краткий учебник броневого дела.
Крюгер, В.—Танки, их возникновение и применение на войне.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Уставы, наставления и руководства).

Руководство для обучения строевому полевому уставу.
Наставление для ведения занятий с гренадерами.
6-дм. крепостная гаубица системы Шнейдер, лист V.
Таблицы траектории стрельбы полевых орудий в разных расстояниях.
Приказ РВСР за № 2312. Перечень обязанностей личного состава по уходу за оружием
Образцы 76 м/м. 3-х дм. гранат и меры предосторожности при стрельбе ими.
Образцы 122 м/м. (48 лин.) и 12 сант. снарядов и меры предосторожности при стрельбе ими.
Образцы 107 м/м. (42 лин.) и 152 м/м. фугасных снарядов и меры предосторожности при стрельбе ими.
Чертежи дистанционных трубок.
Дисциплинарный устав Красного флота.
Краткое описание материальной части 42 лин. скоростр. полев. пушки обр. 1905 г.

ОТТО Ф. МОЗЕР

КРАТКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОБЗОР МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ.

Перевод с немецкого
А. И. МЯЛКОВСКОГО

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва
1923

К.
П1986
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
ВВ271
М672

152232 У

Главлит № 5727. Тираж 2000 экз.

В.В.Р.С. № 723. Типография „Красная Печать", аренд. В. В. Р. С. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От редакции I

От переводчика III

Предисловие V

Краткий стратегический очерк.

1914 г. 1
1915 г. 5
1916 г. 9
1917 г. 14
1918 г. 19

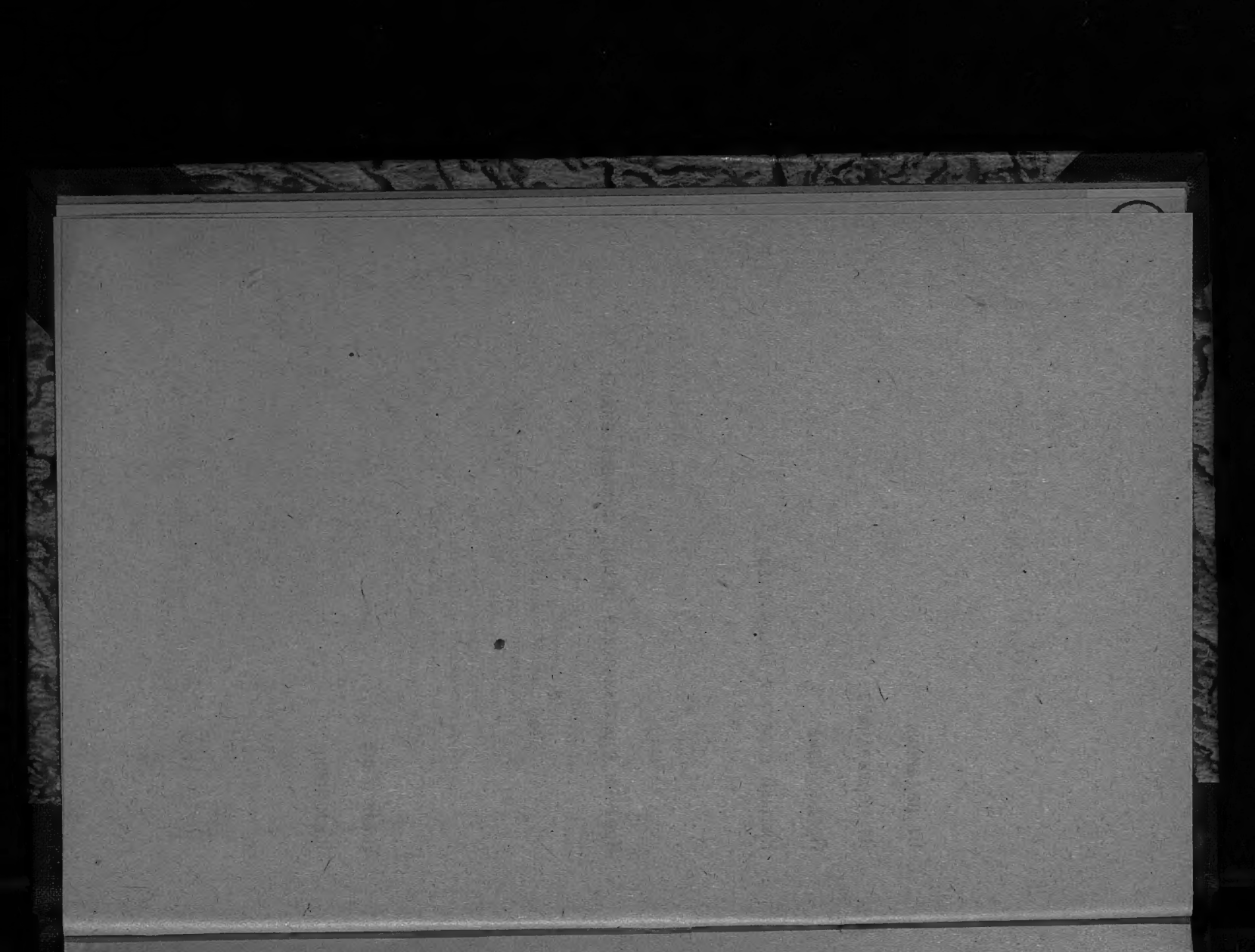
Краткая стратегическая оценка мировой войны.

Стратегическая оценка 1914 г. 25
Обстановка к концу 1914 г. 47
Стратегическая оценка 1915 г. 56
Обстановка к концу 1915 г. 80
Стратегическая оценка 1916 г. 90
Обстановка к концу 1916 г. 103
Стратегическая оценка 1917 г. 110
Обстановка к концу 1917 г. до наступл. 1918 г. 121
Стратегическая оценка 1918 г. 136

Заключение 157

Приложения.

1914 г. . . . . Карта 1.
1915 г. . . . . 2.
1916 г. . . . . 3.
1917 г. . . . . 4.
1918 г. . . . . 5.
Второстепенные театры военных действий в Азии и Африке. . . . . 6.



ОТ РЕДАКЦИИ.

Краткий стратегический обзор мировой войны, составленный Мозером, представляет бесспорно огромный интерес для русского военного читателя. Изучение мировой войны еще далеко не закончено. Появляющиеся теперь очерки следует рассматривать лишь как материал для будущей истории. Среди попыток, сделанных до сих пор, работа Мозера отличается четкостью и законченностью.

Автор очерка насквозь пропитан всеми теми предрассудками, которые царили в монархической среде германского офицерства. Само собою понятно, что не прусскому юнкеру постичь и понять те силы, которые столкнулись в мировой войне. Когда автор выходит за пределы военных действий, он выступает перед нами в роли ограниченного патриота, пропитанного ненавистью к врагам германского величия, бессильного не только понять, но даже более или менее объективно излагать ход событий.

Мы позволим себе привести несколько образчиков политического „глубокомыслия“ автора.

На 18 странице мы читаем: „Положение Германии и Австро-Венгрии в продовольственном отношении ухудшилось, духовные силы этих стран еще более понизились. Кроме того, внутренняя политическая борьба, которой неприятельская пропаганда содействовала всеми средствами, привела к дальнейшему подрыву монархической и государственной идеи в Германии". В этой маленькой цитате вся философия автора. Монархическая идея смешана с государственной, а внутренняя борьба является результатом иностранной пропаганды.

Само собою понятно, что автор говорит с благоговением о благородном кайзере, „одушевленном возвышенными желаниями" (стр. 28), о высокочтимых доблестных генералах (стр. 35) и мечет громы негодования против коварных англичан и предательских славянских войск (стр. 36 и 52).

Жажда мира кажется автору неимоверным злом. Классовая борьба рисуется ему в виде раздоров и партийной жажды власти (стр. 107). Все злодеянья германского империализма в пору его побед он оправдывает „стратегической необходимостью" (стр. 112).

В очень редких случаях автор обнаруживает некоторые проблески политического разумения. Он, например, чует, что мир, навязанный России в Бресте, был ошибкой. Но он полагает, что в этой ошибке повинны, с одной стороны, немецкие дипломаты, а с другой—честолюбивые представители Австро-Венгрии (стр. 127).

Мы отметили только несколько „перлов" политической „мудрости" автора. Их в книге значительно больше. Само собою понятно, что с таким политиче-

ским багажем нельзя дать верной картины мировой войны. Вместе с тем, при вдумчивом и критическом к ней отношении, книга все же является серьезным вкладом в историческую литературу и этим самым заслуживает быть переведенной для пользы русского читателя, вооруженного новым методом оценки исторических событий вообще и военных в частности.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Труд Мозера дает оценку событий мировой войны исключительно со стратегической точки зрения. Политические и другие вопросы затронуты автором постольку, поскольку они влияли на стратегию.

Большой боевой опыт, высокая военно-научная подготовка и умелое владение пером позволили автору оценить события мировой войны удивительно сжато, но вместе с тем разносторонне.

Сравнивая труд Мозера с произведениями других немецких военных писателей, нельзя не отметить его более высокую объективность. Автор сумел сохранить независимость мысли в частности, и в том отношении, что не может быть отнесен ни к числу сторонников Фалькенгайна, ни Людендорфа, представляющих собой два враждебных лагеря. Необходимо отметить, однако, что автору не удалось вполне избавиться от излюбленных выражений немецких военных писателей о „четверном“ и т. д. превосходстве противников и выигранных в то же время немцами сражениях. Некоторые положения автора спорны и даже неверны, как например, рекомендуемая им теория вылазок в

качестве одного из планов войны в 1918 г.; миролюбие кайзера и других немецких деятелей и т. п.

Недостаток солидной литературы по истории мировой войны в странах Антанты побудил автора написать свой труд сознательно с немецкой точки зрения. Тем не менее, важнейшие решения командования армиями Антанты нашли себе соответствующее отражение в труде.

Для русского читателя особый интерес приобретает стратегическая оценка операций на русском фронте. Страницы посвященные разбору этих операций, свидетельствуют в общем о большой храбрости и настойчивости русских войск, а также о решительности и умении русского командования, несмотря на то, что отдельные операции были проиграны русскими в силу грубых ошибок командования. Отмечая успехи немцев на русском фронте, автор не раз подчеркивает, что им свыше года сопутствало *редкое боевое счастье—возможность чтения радио-приказов русского командования*... Тем не менее русская армия неоднократно ставила армии центральных держав в критическое положение.

В области политики автор является поклонником монархической идеи; в отдельных строках труда проглядывает даже шовинизм. Но и в оценке политических вопросов Мозер значительно умереннее, чем большинство немецких военных писателей.

Все эти данные позволяют считать сжатый, но цельный по изложению труд Мозера прекрасным пособием, вводящим читателя в круг событий мировой войны, имеющих стратегическое значение.

А. Мялковский.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Всего лишь несколько лет прошло со времени окончания мировой войны. Тот, кто берется уже написать стратегический обзор ее, должен попытаться доказать свое право на это. Какая бы то ни была личная потребность дать военно-историческую оценку событий мировой войны не является сама по себе достаточной данной для этой цели, хотя я верю, что необходимость такой оценки поддерживается не только всеми участниками войны—военными по призванию и случайными,—но и многими гражданскими исследователями войны. Подобный стимул побудил меня, еще молодого тогда офицера, написать в 1893 году стратегический обзор крупнейшей войны прошлого, а именно войны 1870—71 г. Замечательно, что такого обзора не имелось 22 года спустя после заключения мира. Правда, в 1893 году для составления обзора войны 1870—71 г. имелся богатый и надежный материал, как в своей стране, так и у противника. Но я не имел тогда широкого личного боевого опыта и руководился только живым интересом к войне. В

период дальнейшей моей военной карьеры, как войскового начальника, офицера генерального штаба и преподавателя военной академии, мне пришлось заняться рядом военно-исторических, тактических и стратегических вопросов от батальона до армейского корпуса. Результаты моих работ были опубликованы, при чем в каждом отдельном случае имелась в виду будущая война. В мировую войну я смог приобрести богатый личный боевой опыт благодаря тому, что мне пришлось принять участие на важнейших театрах военных действий Востока и Запада в должностях от бригадного до корпусного командира включительно и вести борьбу против французов, англичан, русских и сербов. Этому содействовало также личное общение и обмен мнений со значительным числом высших и средних немецких войсковых начальников и их помощников не только на служебной почве, но и по причинам личных взаимоотношений, установленных еще в мирное время. Мне пришлось участвовать в наступательных боях 1914 г. на западе вплоть до Аргонн, в походе на Ярославль—Брест-Литовск—Пинск в 1915 г., в сербском походе, в боях у озера Нарочь—Поставы на востоке в 1915 г., в боях во Фландрии и на Сомме в 1916 г., в боях у Арраса и Камбре в 1917 г., в подготовке большого немецкого наступления в 1918 г. Я даже пытался влиять на стратегическое ведение войны. С этой целью в 1915 г., будучи раненым, я представил немецкому верховному командованию докладную записку с предложением провести большой прорыв на западе в пункте стыка англо-французских армий у Амьена. С другой стороны, в 1917 г. на мою долю выпало руководство несколькомесячными подготовительными курсами для

старших начальников западного фронта. Это дало мне возможность влиять на тактические формы ведения войны. Именно такая подготовка мирного времени и школа войны и дают мне важнейшее оправдание в деле составления данного труда. Я могу сказать, что чувствовал пульс войны на себе как в тактическом, стратегическом, так и политическом отношениях, поскольку вообще политика доходила до фронта. Конечно, я должен был спросить себя, насколько достаточен для этой цели материал, опубликованный до сего времени. На этот вопрос я считал себя в праве ответить в положительном смысле после того, как главнейшие руководители войны опубликовали отчеты о важнейших побудительных причинах своей военной деятельности с такой откровенностью и полнотой, какие только были возможны при современных чрезвычайных обстоятельствах. Эти отчеты лежат в основе моего труда на ряду с моим собственным опытом. Я не мог и думать о том, чтобы серьезно учесть весь поток военно-исторической литературы, появившейся уже к данному времени. Тем не менее мною обследована значительная часть ее.

Если это и оправдывает создание стратегического обзора мировой войны, то все же необходимо на ряду с исторической оценкой событий мировой войны учесть и другую практическую цель, в особенности в данное время. Копаться в собственных ранах побежденного немецкого народа не следует. Извлечение военных уроков для будущего неосуществимо в данное время, так как это потребовало бы полного раскрытия военных архивов противников, для чего еще не наступило время. Поэтому я ищу практическую цель в другом направлении, а именно, главным

образом в том, чтобы дать немецкому народу цельный обзор мировой войны, картина которой искажена и затуманена многими личными впечатлениями и суждениями, зачастую умышленно искаженными. Созерцание картины того великого, что было проделано, может дать немецкому народу утешение в его несчастии. В частности же практическая цель данного обзора может быть обоснована тем, что он даст возможность участникам войны найти место своим переживаниям в надежных рамках обзора войны в целом.

Из предыдущего становиться ясным, что *исчерпывающая критика* в полном смысле этого слова не является собственно целью моей работы. Мы слишком близки к событиям и действующим лицам, чтобы дать такую критику. С другой стороны, нам недостает материалов противной стороны; наконец свои материалы еще частью противоречат друг другу, частью не обследованы. В силу этого моей задачей скорее является, хотя и красочное, но бесстрастное изображение, об'яснение и оценка стратегических событий мировой войны с суб'ективной точки зрения, ищущей об'ективной правды. Но и такая постановка вопроса потребовала выявить определенное отношение к крупнейшим решениям командования, т.-е. высказать и обосновать свое мнение, отступающее от его взглядов, и, таким образом, ответить на вопрос, который терзает немецкое сердце и мозг, о том, не мог ли быть иным исход войны для Германии. Все это делается не с целью вызвать затем справедливые упреки, а для того, чтобы раз'яснить, разрешить и рассеять сомнения. Только ясность и правда о причинах наших великих побед, как и о нашем конеч-

ном и ужасном поражении, помогут нам правильно оценить прошлое и будущее немецкого народа. Моя книга написана сознательно с немецкой точки зрения, так как оценка этой точки зрения мне скорее всего доступна в данное время, а также потому, что мировая война в своей основе велась за мировое положение Германии. В общем книга написана для всех, говорящих или не говорящих по-немецки, которые стоят выше односторонне-слепой ненависти к немцам.

Естественно, как показывает название книги, мой очерк стремится к возможной сжатости. Это можно было достигнуть лишь благодаря тому, что, во-первых, обследовано и оценено, главным образом, лишь фактически выполненное, а не намечавшееся, как бы интересно оно не было: во-вторых, отмечены лишь события, важные в стратегическом отношении, так что даже большие бои позиционной войны едва затронуты, если они не влекли за собой стратегических последствий; в-третьих, я принципиально отказался от самых заманчивых и намечавшихся исторических параллелей и военно-исторических цитат. Кроме того, обзор был сокращен тем, что я принял лишь важнейшие и наиболее побудительные мотивы тех или иных действий вождей. Из-за стремления к сжатости книги события на второстепенных театрах военных действий упоминаются лишь постольку, поскольку они оказывали влияние на стратегическую обстановку на главном театре военных действий. Область политики обследована в той же мере. Многое, я могу сказать почти все, что сегодня является общеизвестным, принимается, как предпосылка, исходя от той цели, что я хотел заслужить скорее упрек в

слишком большой краткости, чем растянутости изображения и оценки событий.

В отношении изучения общеизвестных фактов менее продолжительных, а потому более доступных для оценки войн, как, например, войны 1870—1871—1905 г., установлено, что даже военные по призванию, следовательно, тем более гражданский элемент, могли обнять в достаточной мере только начало, с трудом исследовать средину, в недостаточной мере охватить конец и совершенно не оценить войну с стратегической точки зрения. Этот вывод тем более применим к рассматриваемой в данном случае мировой войне, тянувшейся свыше четырех лет и обнявшей весь мир. Это и было причиной того, что в начале данной книги помещен *„Краткий стратегический очерк"* в хронологическом порядке, который должен служить основой для главной части труда—„Краткой стратегической оценки войны", где события войны изображены и оценены в их существенной части. При таком плане работы возможность неизбежных повторений была принята во внимание.

Схематические карты, приложенные к книге, изображают по годам главные стратегические события, изложенные в „Стратегическом очерке" в такой мере, чтобы пространные соотношения на разных театрах военных действий выступали наглядно. За изготовление этих схем я обязан ценному сотрудничеству моего прежнего товарища по полку, генерал-майора Флайшлена в Ульме, изготовившего, в частности, и схемы для моего обзора войны 1870—1871 г.

Исны в Альгеу, гора Людвига,
апрель 1921 г. *Автор.*

Краткий стратегический очерк.

1914 г.

В начале августа немецкие кадровые боевые силы неожиданно захватывают Льеж (7/VIII); французское наступление в Верхний Эльзас (8/VIII, Мюльгаузен) отбито.

В середине августа (18/VIII) немецкие главные силы (1—5 армии) вторгаются *на Западе* в Северную Францию через линию Лонгви—Брюссель, выдвинув вперед свой правый фланг, и отбрасывают подошедшую ей навстречу англо-французскую армию (Жофр—Френч) после ряда встречных боев (от Лонгви до Кантэн, (23—30/VIII) назад к Марне; немецкая армейская кавалерия подходит к окрестностям Парижа (французское правительство—в Бордо, 3/IX). Почти одновременное большое наступление французов в Лотарингию (Заарбург, 20—23/VIII) отбито (6-я и 7-я немецкие армии) и приступлено к преследованию и прорыву между Туль—Эпиналь.

Между тем *на Востоке*, в середине августа, две русские армии вторглись через восточную и южную границы Восточной Пруссии; австро-венгерская армия (Конрад) перешла в наступление своей массой из Северной Галиции против западного фланга русской южной армии (главной) у Люблина—Холма (23/VIII до 4/IX).

Белград обстреливается; предпринят первый австро-венгерский удар против Сербии. *В конце августа* (28) южная армия (Наревская, Самсонов) уничтожается у Танненберга (8-я немецкая армия; Гинденбург—Людендорф). Япония выступила на стороне Антанты (23).

На Западе в начале сентября об'единенное контр-наступление англо-французской армии (Жофр) вынуждает предоставленную самой себе немецкую западную армию (Мольтке) в сражении на Марне (6—10) к отступлению за Энь (Суассон). От этого пункта до швейцарской границы возникает позиционный фронт в 400 кил., правый фланг которого Жофр напрасно старается охватить и раздавить в сентябре месяце. Одновременно *на Востоке*, в сражении у Мазурских озер (8—11) русская северная армия, вторгнувшаяся в Восточную Пруссию (Неманская армия, Ренненкампф), выбита из нее. *В середине сентября* (11—15) австро-венгерская армия, после первоначальных успехов (Красник, 25/VII; Замостье 1/IX), должна была отступить перед значительно превосходными русскими силами через Сан за Вислоку и на гребень Карпат, понеся очень тяжелые потери в людях и боевом материале, а также значительно подорвав внутреннюю спайку армии (бои за Львов). Главная русская армия следует в тесном соприкосновении южнее Вислы. *В конце сентября на Западе* осаждается и обстреливается Антверпен (28/IX; взят 9/X; главная масса бельгийской армии уходит на запад). Вскоре после этого в Бельгии (Гент) создается новая немецкая армия (4-я) для проведения наступления на Кале (новое немецкое главнокомандование,—Фалькенгайн, с 14/IX); этой армии противоставляется новая англо-французская армия в районе Иперна для активной выручки Антверпена.

В октябре—ноябре на Западе заканчивается обоюдным изнеможением ожесточенная и кровавая борьба немцев и англо-французов за выигрыш фланга, точно так же, как и попытки прорыва, имевшие целью Кале и Антверпен (бои в районе Иперна). На участке Энь—Остенде война тоже становится позиционной, обнимая таким образом общий фронт в 700 кил. до швейцарской границы.

На Востоке главные немецкие силы перебрасываются еще в конце сентября непосредственно на левый фланг австро-венгерских войск у Кракова. Немецко-австрийское наступление (9 немецкая армия; Гинденбург), предпринятое *в середине октября* по обеим сторонам Вислы у Кракова в направлении Лодзь — Ивангород — Варшава, приостановило-было вначале

русское наступление, угрожавшее австро-венгерской армии в Силезии. *В конце октября* (27) немецко-австрийские войска отходят на Краков под угрозой глубокого охвата левого немецкого фланга со стороны русских из района Варшавы (Николай Николаевич). Турция переходит на сторону центральных держав (28). Благодаря этому возникают новые боевые фронты на значительно удаленных, трудных и бедных путями сообщений театрах военных действий — Дарданеллы, Палестина, Месопотамия и Армения. Англия об'являет Северное море зоной военных действий и организует дальнюю блокаду центральных держав, уберегая свои боевые суда от решительного сражения. Беззастенчивый поход клеветы против центральных держав ведется с самого начала войны.

Уже *в начале ноября* англо-французский флот обстреливает Дарданеллы и делает в течение следующих месяцев напрасные попытки захватить их. На *европейском востоке* главная русская армия переходит в новое наступление из района дуги Вислы у Ивангорода и от Сана против немецко-австрийских войск, которые она считает разбитыми, а также против Силезии, Моравии и Венгрии. Но в середине ноября (с 11-го) русские принуждены остановиться, благодаря неожиданному и сильному удару Гинденбурга вдоль Вислы от Торна против их правого фланга (бои Лодзь—Лович; момент наивысшего напряжения—17/XI).

По прибытии подкреплений с запада *в середине декабря* русская армия начинает отход севернее Вислы у Кракова на Варшаву, южнее на Львов (австро-венгерская победа у Лиманова 12/XII).

Австро-венгерская армейская группа (Потиорек) переходит Дрину и Саву и вторгается *в ноябре* в северо-западную Сербию, ведя тяжелые бои (Белград занимается 2/XII). Цинтау падает после храброй защиты (7/XI).

В начале декабря (8) немецкая эскадра крейсеров (Шпее), одержавшая славную победу в ноябре над одной из английских эскадр (1, Коронель), уничтожается у Фальклендских островов превосходящей ее в силах английской эскадрой. Превосходство Антанты в морских силах кладет вскоре конец набегам немецких крейсеров и вспомогательных судов, давших

блестящие отдельные успехи («Карльсруэ», «Эмден»). Благодаря этому блокада становится действительной. Она расчитана на лишение центральных держав продовольствия и боевых припасов. В ответ на это Германия готовит подводную и воздушную войну с фландрийского побережья (цеппелины, бомбометательные эскадрильи; к декабрю потоплено полдюжины неприятельских боевых судов). *В середине декабря* сербское контр-наступление вынуждает австро-венгерцев к полному очищению Сербии.

В конце декабря немецко-австрийское наступление *на востоке* переходит в позиционную войну. Общий позиционный фронт немецко-австрийской армии на востоке равняется теперь более, чем 1000 кил. от Ковно через Лодзь до румынской границы. *На западе* в декабре отбиты многочисленные и сильные отдельные атаки, предпринятые по преимуществу французами на всем фронте.

Турецкая армия ведет наступательные бои против русских войск на армянском восточном фронте и готовит удар против Суэцкого канала. Английские войска занимают Басру в Месопотамии.

Важнейшие стратегические результаты

за 1914 г.

Основная мысль немецкого плана войны—быстрое наступление и уничтожение западных противников в маневренной войне—потерпела крушение; восточная опасность устранена для Германии, а для Австро-Венгрии сильно ослаблена. На западе и на востоке маневренная война приняла позиционный характер на необыкновенно громадных фронтах. Война, правда, ведется по преимуществу на неприятельской территории, но в стратегическом и тактическом отношениях она выдвигает новые тяжелые и невиданные с технической стороны задачи и требования, почти непосильные для блокированных центральных держав. Однако, немецкое патриотическое воодушевление с августа 1914 года и немецкая боеспособность остаются

непоколебимыми, несмотря на тяжелые потери в лучших силах кадрового офицерства и немецкой молодежи. Менее спаянные австро-венгерская армия и народ поражены уже смертельно. Немецкий боевой флот господствует на Балтийском море; английский и флот держав Антанты—на Северном и Средиземном морях и на океанах; турецкий флот, усиленный двумя прорвавшимися немецкими боевыми крейсерами, господствует над русским флотом в Черном море.

1915 г.

В течение первых четырех месяцев (январь—апрель) после того, как немцы нанесли несколько отдельных, сильных и успешных ударов *в январе* (Суассон, Краон), противниками было проведено по одной крупной боевой операции. *На западе*, в виде первой крупной попытки прорыва со стороны французов в Шампани (16/II по 9/III), сопровождавшейся атаками в Артуа и Вогезах (Гартмансвейлеркопф, Рейхсакеркопф), но без заслуживающего внимания успеха. *На востоке* — зимнее сражение в Мазурских озерах (7 по 21/II), благодаря которому Восточная Пруссия была окончательно очищена от противника, при чем северная русская фланговая армия была уничтожена (Августов; 10 немецкая армия; Ейхгорн).

В противовес этому левый фланг русских армий снова серьезно потеснил *в марте* истощенную австро-венгерскую армию после того, как она предприняла безуспешное наступление в январе и феврале (сражение в Карпатах), взял Перемышль и стал угрожающе приближаться *в апреле* к венгерской низменности. В то же время крупные попытки прорыва французов на Маасе (Мозель, высота Комбр, Пристервальд, Сен-Миель) и англичан у Лилля были отбиты немцами с переходом в контр-наступление у Иперна, где впервые были применены газы. Обстрел и атака Дарданелл продолжаются. Они сопровождаются значительными потерями Антанты в боевых судах. *В конце апреля* англо-французский десант высаживается в Галлиполи. В Армении продолжается с переменным успехом кровопролитная, но второстепенная

русско-турецкая война за кавказские, персидские и армянские пограничные области и крепости. В Месопотамии начинается английское наступление на Багдад. *В феврале* турецкая армейская группа предприняла наступление на Суэцкий канал, но без существенного успеха; в апреле эта группа отошла к турецкой границе. Надежда поднять мусульманские народы Азии и Северной Африки на священную войну против Англии разбилась уже в этот момент. Англия увеличивает свою армию (добровольцы) всеми средствами (Китченер) при содействии всех составных частей государства и колоний (Индия). Франция несет главную тяжесть войны, повторяя свои атаки на западе (Артуа, Аргонны, Вогезы) с целью оказания содействия другим фронтам и уничтожения противника. Она пополняет свой недостаток в людях все с большим успехом при помощи цветных войск. Воздушная война приобретает большее значение благодаря бомбометательным атакам (в марте—атака цеппелинов на Париж; в мае—на Лондон). Еще большее значение получает подводная война против торгового флота, открытая центральными державами в середине февраля (18). Германия об'являет водное пространство вокруг Англии сферой боевых действий; Англия организует плавание под нейтральным флагом; немецкая собственность об'является вне закона.

Во вторые четыре месяца (май—август) центральные державы (Фалькенгайн, Конрад) достигли *на востоке* длительного облегчения положения австро-венгерской армии, сильно теснимой русскими войсками, благодаря значительным подкреплениям со стороны германской армии (южная армия, Бескидский корпус). Решение было достигнуто прорывом немецких и австро-венгерских войск у Горлицы в мае месяце (2/V; Макензен). Затем *в июне и июле* русская армия принуждается к отступлению из Галиции, Польши, Литвы и Курляндии, неся большие потери. Этот результат достигнут развитием немецко-австро-венгерского наступления в направлении Холм, Люблин; затем, нанесением сильного немецкого удара (Гальвиц, 15/VII) от Прасныша на Пултуск; успех был завершен вынужденным отходом русских войск от Вислы и Нарева и взятием крепостной линии Ковно—Брест-Литовск—

Луцк. Наступление французов и англичан с целью облегчения общего стратегического положения, предпринятое ими *на западе* в эти четыре месяца (особенно в *мае и июне)*—во Фландрии и Артуа (сражение у Лоретто, 9—15/V), между Маасом и Мозелем и в Вогезах, не имело серьезного успеха. Но Антанта получила *в конце мая* приращение военных сил благодаря переходу на ее сторону Италии, которой по Лондонскому соглашению (26/IV) обещаны Триент, Триест и весь Южный Тироль до Бреннера в качестве военной добычи. Еще не обстрелянная итальянская армия (Кадорна) ведет безуспешные атаки *в июне и июле* против вновь образованного австро-венгерского юго-восточного фронта в районе Триент—Триест (1 и 2 сражения на Изонцо). Потопление *в мае* (7) «Лузитании» с американцами на борту резко обостряет отношения между центральными державами и Северо-Американскими Соединенными Штатами. Враждебно-резкий протест президента Вильсона побуждает Германию в конце августа (27) к отказу от неограниченной подводной войны, которая не проводилась однако с полной решительностью, не считая отдельных геройских подвигов подводного флота.

Центральные державы сохранили центр тяжести борьбы и *в последние четыре месяца на востоке* (сентябрь—декабрь). Общее немецко-австро-венгерское наступление продолжается против русских *в сентябре и октябре* на широком фронте до линии Черновицы—Луцк—Пинск—Двинск—Рига (царь принимает верховное командование; Николай Николаевич назначается на Кавказ). По окончании этой операции Гинденбург и Конрад предпринимают почти одновременно крупное наступление на русские железнодорожные узлы Минск и Ровно. Это наступление отбито русскими в сентябре—октябре, и уже в декабре—январе они опять ведут сильные, хотя и безуспешные атаки против южного фланга немецко-австро-венгерских укрепленных позиций (новогоднее сражение в Галиции и в Буковине—с 24/XII 1915 до 15/I 1916).

Сербская армия в значительной своей части уничтожается, частью же вынуждается к бегству со своей территории *в октябре и ноябре* после вступления Болгарии в ряды центральных держав. Решение достигнуто охватывающим на-

ступлением австро-венгерских, немецких и болгарских войск (Макензен; 6/X—переход через Дунай; 23/XI—сражение на Коссовом поле). Все попытки Антанты облегчить участь сербов оказались безуспешными, а именно: *на западе в сентябре и октябре*—общее массовое наступление англичан и французов, впервые подготовленное несколькодневным ураганным огнем (осеннее сражение в Артуа и Шампани 25/IX до 12/X; Хэг заменяет Френча); *в октябре и ноябре*—два дальнейших итальянских наступления (3 и 4 сражения на Изонцо) и наступление англо-французских войск, высаженных с запозданием в октябре в Салониках для поддержки и принятия на себя сербской армии. Войска Антанты создают у Салоник сильно укрепленные позиции, дающие возможность вторжения в Болгарию. Противник отказывается от атак на Дарданеллы, которые велись в течение целых 10-ти месяцев и стоили большого расхода в людях и материале, но стали безнадежными, благодаря храбрости турок и более умелому управлению (Лиман).

Англичане, проникшие в Месопотамии вплоть до Багдада, терпят поражение от турок *в ноябре* (Ктесифон, 23), отбрасываются к Кут-ель-Амаре и здесь окружаются. Из числа больших немецких колоний Юго-Западная Африка потеряна в июле; но немецкая Восточная Африка (Леттов—Форбек) и Камерун обороняются и в конце года, несмотря на громадное превосходство сил противника. Немецкий флот доказал и в этом году свою предприимчивость дерзким обстрелом английского побережья и расширением сферы действия подводных лодок против неприятельских боевых судов (Средиземное море).

Важнейшие стратегические результаты

за 1915 г.

Западный немецкий фронт удержался с честью против значительно превосходящего в силах противника без существенных территориальных потерь. Немецко-австро-венгерский фронт продвинулся к востоку на сотни километров. Польско-

русская крепостная система, вся Польша, Литва, значительная часть Курляндии, Сербия, Черногория и часть Албании были завоеваны; установлено сухопутное сообщение с Турцией. Однако, немецкая армия должна была сильно напрячь и израсходовать свои силы, несмотря или, вернее, благодаря своим великим деяниям, для своей страны или для своих союзников в наступательных и оборонительных боях, на всех театрах военных действий и во все времена года. Расходование сил германской армии продолжается. Но потери австро-венгерской армии в людях и материале ведут все более и более к ее разложению в связи с расширением боевых фронтов (итальянская граница, Албания) и становятся непосильными для нее. Влияние больших немецких успехов поддерживает боевое настроение и чувство доверия немецкого народа еще на высокой ступени, несмотря на растущие заботы по продовольственным вопросам и начинающийся моральный упадок, а также несмотря на рост враждебной агитации. Австро-Венгрия с трудом поддерживает боевое настроение страны.

1916 г.

На первую половину года выпадают четыре крупных наступления и попытки прорыва (два — центральных держав; два—со стороны русских), тесно связанных друг с другом.

1.—В конце *февраля* (21) *на западе* начинается немецкая внезапная атака открытой силой *Вердена;* она ведет к быстрому завладению северным предфортовым поясом на правом берегу Мааса (Дуомон), распространяется на левый берег, но вскоре принимает характер упорной позиционной войны, несмотря на повторные частные атаки немцев вплоть до августа месяца.

2.—В середине *марта* (18) русские пытаются сделать прорыв у *Нарочского озера* и у *Постав* при помощи массовых атак, но безуспешно. Цель—оказание поддержки французскому Верденскому фронту и изгнание немцев из русской территории.

3.—В середине *мая* (15) австро-венгерское наступление в горах из Тироля (Конрад) угрожает итальянскому фронту прорывом и окружением (Азьяго, Азьеро) после отбития 5-го итальянского наступления в марте с целью содействия общему положению Антанты (5-е сражение на Изонцо). Но это наступление приостанавливается уже в конце мая благодаря сопротивлению итальянцев, а в июне—июле совершенно прекращается, потому что

4.—В начале *июня* (4) русское *Брусиловское наступление*, направленное против чрезмерно ослабленной австро-венгерской армии, опрокидывает последнюю (Луцк, Коломея) и притягивает на восток не только все австро-венгерские, но даже и немецкие резервы для организации обороны, которая удается в *июле и августе*, после очень тяжелых кризисов и очень кровавых боев (Барановичи, Луцк, Карпаты).

Англия готовит свою армию к решительным боевым действиям (всеобщая воинская повинность).

На второстепенных театрах военных действий Антанта усиливает в *январе* Салоникскую армию последними Дарданелльскими частями. Австрийцы занимают Черногорию и отесняют итальянцев в Албанию, в окопы у Валоны. Англичане терпят в Месопотамии, в конце *апреля* (25) осязательное поражение (сдача Кут-ель-Амары) благодаря храбрости турок и немецкому руководству (фон-дер-Гольц). Но начиная с *лета 1916 года*, англичане переходят в планомерное наступление в Палестину и Сирию (постройка железных дорог) в ответ на второе безрезультатное турецкое наступление на Суэцкий канал, при этом среди арабских племен организуются восстания.

Английские, белгийские и португальские войска, предназначенные для окружения слабых немецких сил в Восточной Африке, доводятся до состава армии. Камерун потерян после храброго сопротивления. Эрзерум, Трапезунд, а с ними почти вся Армения переходит в руки русских (февраль и март).

Новое решение усилить подводную войну откладывается сначала немецким канцлером в *январе* на февраль 1916 г., а затем совершенно снимается в начале мая вследствие угро-

жающей ноты Вильсона по поводу потопления невооруженного парохода «Суссекс» (март). В *конце мая* новый немецкий командующий флотом (Шеер) ищет и находит случай, ожидаемый с начала войны, чтобы померяться с британским флотом (Скагерак, 31). Немецкий флот выдерживает это испытание со славой, хотя и без решительного результата из-за преднамеренного уклонения от решения со стороны командующего английским флотом.

В *июне* Англия отказывается окончательно и формально от Лондонской морской правовой декларации и усиливает блокаду давлением на нейтральное судоходство и вывоз. Самые смелые немецкие предприятия (рейды Меве) и высокая немецкая изобретательность (торговая подводная лодка) остаются бессильными. Воздушная война (бомбометательные эскадрильи) принимает все большие и большие размеры на обеих сторонах.

Во *второй половине года* часть французской армии и значительно усиленная английская армия переходят на *западе* 1-го июля в согласованное на этот раз наступление на широком фронте Гоммекур—Шольнь после семидневной обработки немецких позиций ураганным огнем (сражение на Сомме). Атаки длятся с перерывами в течение более чем пяти месяцев вплоть до *ноября*. В бой введены небывалые по размерам боевые средства в виде орудий, снарядов и летательных аппаратов (сражение техники; доставка боевых материалов со всего света, в особенности из Северной Америки). Несмотря на все эти условия, а также большое превосходство в силах, противник не смог прорвать немецкого фронта и достиг лишь территориальных приобретений, не имеющих решительного значения. Итальянцы продвинулись в направлении на Триест (Герц взят в августе) в августе, сентябре, октябре и ноябре (6, 7, 8 и 9 сражения на Изонцо). Но крупнейшее решение достигается на *востоке* в оживающей вновь маневренной войне крупного масштаба, на новом театре военных действий по нижнему Дунаю, после выступления Румынии на стороне Антанты (27 августа). По об'явлении войны Румынией Австро-Венгрии и одновременно Италией Германии Гинденбург и Людендорф ставятся 29 августа во

главе немецкого верховного командования вместо Фалькенгайна; оно вскоре (6/IX) становится верховным командованием для четверного союза. Новое верховное командование немедленно (1-я неделя сентября) прерывает бой за Верден и собирает все наличные резервы центральных держав против Румынии. После кратковременного вторжения в Семиградию *в начале сентября*, румынская армия терпит решительное поражение от немецких, австро-венгерских, болгарских и турецких войск к началу 1917 года и отбрасывается за Серет и рукава Дуная, несмотря на свое почти четверное превосходство и русскую поддержку. Первый удар нанесен *в сентябре* южнее Дуная при первом наступлении Макензена в Добруджу (болгаро-турко-немецкая Дунайская армия); следующий удар последовал в сентябре—октябре севернее Трансильванских Альп при наступлении одной из немецких армий (9-й; Фалькенгайн; Германштадт, перевал Турм, Кронштадт) и австрийской армии (1-й), двинутой севернее в связи с 9-й немецкой армией, а также вторым наступлением Макензена в Добруджу (Констанца). Наконец, последний удар нанесен в ноябре и декабре соединенными силами 9-й и Дунайской армий, перешедшими в победоносное наступление с севера через перевал Чурдук, с юга—через Дунай у Систова и вторгнувшимися в Валахию через Бухарест. В то же время в *октябре* (потерян Дуомон), *ноябре и декабре* сильные французские атаки у Вердена оттеснили немецкие войска на этом фронте, состоявшие по большей части из пострадавших в боях войсковых частей, почти в их исходные февральские позиции. Салоникская армия ответила контр-наступлением на удачное в начале наступление болгар в Македонии (август), направляя на решительный западный фланг вновь сорганизованную сербскую армию. В результате болгары были отброшены в ноябре за город Монастырь; в связи с этим потребовалась немецкая помощь. Наступление англичан в Месопотамии на Багдад возобновлено усиленными частями; кроме того, ими начато наступление в Синай (декабрь).

Мирное предложение центральных держав (12 декабря) отклонено Антантой с презрением. Посредничество Вильсона (18 декабря), задуманное, повидимому, не серьезно, точно

также не дало результата. Следующие события имеют частью политическое, частью стратегическое значение: *ноябрь*—объявление Польши королевством (5), переизбрание Вильсона (7), смерть императора Франца-Иосифа (21); *декабрь*—смена Асквита Ллойд-Джорджем, назначение Чернина вместо Буриана и Нивелля—вместо Жофра (в начале 1917 г.).

Важнейшие стратегические результаты

за 1916 г.

Немецкая армия еще раз показала, вопреки всем ожиданиям, удивительную боеспособность, как на западе, так и на востоке, в начале и в конце года (Верден и Румыния); четверной союз еще раз был сохранен от разгрома, конечно, благодаря самоотверженным боевым действиям. Но Верден и Сомма потребовали такого расхода крови и нервов у лучших элементов немецкой армии, что на западе стала возможной только оборона. Благодаря этому была совершенно потеряна стратегическая инициатива на важнейшем театре военных действий. Австро-Венгрия бесполезно пожертвовала наиболее здоровыми наличными кадрами своей армии на пункте, не имевшем решающего значения в стратегическом отношении. Благодаря Луцкому поражению она понесла громаднейший ущерб в людях (потери, пленные, перебежчики), материале и авторитете.

Болгары и турки храбро соперничали в борьбе за поражение Румынии. Но боеспособность этих армий сильно падает; они требуют усиленной поддержки со стороны немецких сил; тем не менее эти армии сковывают крупные силы Антанты. Все большее и большее усиление блокады ухудшало внешнее положение центральных держав. Усиливая блокаду, державы Антанты отказывались от всяких международных правовых норм и беззастенчиво проявляли насилие над нейтральными. Пропаганда держав Антанты, распространенная теперь на внутренние области центральных держав, увеличила внутренние затруднения до опасной степени. Как то

так и другое, а также подавленность духа, вызванная большими потерями, явились причинами военной усталости и жажды мира в широких слоях Германии; Австро-Венгрия была всецело охвачена этими чувствами. Благодаря слабости внутренней политики, во всех странах четверного союза возникли явления, которые причиняли ущерб моральному состоянию населения (жажда наживы и удовольствий, дезертирство, агитация против исполнения гражданского долга, забастовки). Вновь созданные государственные учреждения,— Военное Управление (закон вспомогательной службы) и Военно-Продовольственное Управление, — не обладали полнотой власти; военные общества, создавшиеся для проведения в жизнь программы Гинденбурга, не отличались бескорыстностью. Между армией и страной начинает образовываться трещина, роковая для дальнейшего ведения войны.

В общем, стратегическое положение четверного союза к концу 1916 года было настолько благоприятным по внешности (успехи на полях сражений и завоевание новых областей), насколько во внутреннем отношении оно вызвало тяжелые заботы вследствие истощения боевых сил, особенно немецких, и внутренних затруднений.

1917 г.

Первое полугодие. На востоке в январе операции на румынском фронте на Серете принимают также характер позиционной войны. Затем в марте на всем восточном фронте наступает боевое затишье вследствие русской революции (16 марта царь низлагается), которая начинает разлагать русскую армию. На итальянском фронте *в мае* австро-венгерцы оттесняются дальше на Триест (10-е сражение на Изонцо), несмотря на храбрость и выносливость австро-венгерских войск, проявленную ими на этом театре военных действий против двойного превосходства противника. На второстепенных театрах военных действий—в Месопотамии англичане достигают своей первой оперативной цели—Багдада, после того, как им удается загладить свою неудачу у Кут-ель-Амары (февраль); в марте и апреле английские войска ата-

куют, правда, в начале безуспешно, турецкие укрепленные позиции у Газы, храбро обороняемые турками. Точно также не удаются и атаки болгарских позиций (февраль, март; высший пункт напряжения—май); Антанта принимает меры насилия по отношению к Греции (Константин изгоняется в июне).

Центр тяжести операций переносится в это полугодие на продолжительное время на *запад* — в этот раз благодаря мероприятиям Антанты.

В марте немецкое верховное командование отводит средний участок немецкого расположения на западе, который благодаря своему положению (выступ) и состоянию (растрелянность) почти невозможно было удерживать, на позиции Зигфрида (Гинденбурга) у Аррас—Лан, подготовленные несколько месяцев тому назад, чтобы отбить определенно ожидавшееся англо-французское общее наступление на более коротких и укрепленных позициях. (Немецкая главная квартира — Крейцнах; австро-венгерская — Баден у Вены. Арц заменяет Конрада). Атаки немецких позиций разгораются в апреле (9) на английском фронте у Арраса и на французском—в двойном сражении на Эн и в Шампани между Суассоном и Верденом (16), следовательно, и в этот раз наступление ведется в целях захвата «в клещи» об'ектов атак. Атаки заканчиваются в мае у Арраса значительными территориальными приобретениями; на остальных же участках они не дают решительного успеха, несмотря на ужасные потери, особенно у французов. (Бунты во французской армии; Петэн сменяет Нивелля).

5-го апреля Соединенные Штаты об'являют войну Германии. Внешним поводом для этого послужила неограниченная подводная война, которая серьезно проводилась с 1-го февраля. Выступление Соединенных Штатов дало сперва значительную моральную поддержку державам Антанты. (За Аргентиной и Чили на сторону Антанты выступают постепенно все внеевропейские государства, как «союзные или ассоциированные»); в связи с этим начинают ощущаться военная помощь и прирост сил у держав Антанты (первые американские силы высаживаются в июне).

В июне англичане занимают немецкие позиции у дуги Вичет, минированные задолго до этого. Этот успех дает толчек второму крупному наступательному предприятию Антанты во Фландрии, направленному против баз немецкого подводного флота. Намеченное наступление турок на Багдад (Ильдерим) под немецким управлением (Фалькенгайн) оказывается невыполнимым.

Во второе полугодие на востоке новому русскому властелину—Керенскому, поддерживаемому Антантой всеми средствами, удается еще раз поднять русскую армию в общее наступление в *июле* (1) против уже давно надломленного австро-венгерского фронта у Львова. Наступление развивается вначале успешно (Зборов, Калиш), но вскоре оно ликвидируется, главным образом при помощи немецкого контр-наступления (Зборов, 19/VII), которое отбрасывает русских на 150 клм. назад и разрушает их последнюю боеспособность. *С 31-го июля по ноябрь на западе* английская армия во Фландрии, усиленная бельгийскими и французскими войсками, пытается силой проложить себе дорогу к Брюсселю взятием немецких баз подводного флота; в дело вводятся громадные живые и материальные силы; наступление не удается однако благодаря необыкновенной силе сопротивления немцев, сопровождаемого жгучими страданиями бойцов (грязь и поля воронок). Точно также, как это большое четырнадцатинедельное сражение с англичанами во Фландрии, одновременные крупные французские атаки с целью отвлечения немецких сил у Вердена (август) и в районе Лаон (октябрь—ноябрь; дорога Шмен-де-Дам) дали французам только местный успех, но не прорыв.

В противовес этому большое и неожиданное немецко-австро-венгерское наступление *в октябре* у Флича и Толмеина (12 и последнее сражение на Изонцо) удается вполне после того, как итальянцы тяжело потрясли боеспособность австро-венгерской армии в *августе* (11 сражение на Изонцо), близко подошли к Триесту и создали таким образом жизненную опасность для него. Итальянская армия отбрасывается с очень тяжелыми потерями за Тальяменто, а в *ноябре*—за Пьяву (Диац сменяет Кадорну). В то же время на восто-

ке немецкие войска занимают Ригу и острова Даго и Эзель в Рижском заливе—*в сентябре и октябре*. Затем на востоке—боевое затишье (Россия в ноябре—Советская республика; Ленин, Троцкий); с 15-го декабря—даже перемирие и ведутся переговоры о мире на всем русско-румынском фронте. На западе же *ноябрь—декабрь* дает еще одно короткое, но драматическое большое сражение у Камбрэ (20/XI—5/XII): английская неожиданная атака, доведенная непосредственно к городу (танковый бой у Камбрэ) и успешная контр-атака немцев (наступательный бой у Камбрэ).

В Месопотамии до *ноября* англо-индийская армия продвинулась дальше в направлении Моссула; в Палестине *в ноябре* англо-арабские войска взяли турецкие позиции у Газы и Яффы; *в декабре* был взят Иерусалим. Геройские защитники немецкой Восточной Африки были оттеснены к концу года на португальскую территорию и непоколебимо продолжали здесь неравную борьбу.

152232

Важнейшие стратегические результаты

за 1917 год.

На востоке немецкая армия, спасая в последний раз австро-венгерскую армию от уничтожения, окончательно сломила русскую боевую мощь и, кроме того, завоевала столицу Курляндии. На западе она не только с честью выдержала испытание во французско-английских боях—прорывах и их наступательных боях с целью отвлечения сил, но и ответила даже сильным контр-ударом в конце года. Но все это потребовало дальнейших, слишком тяжелых и незаменимых потерь. Сверх того, бедственное положение австро-венгерцев на итальянском фронте вынудило Германию направить и туда значительные силы. В лице армии Соединенных Штатов возник новый опасный противник тем более, что силы его все время увеличивались, как на море, так и на суше.

На второстепенных театрах военных действий к концу года увеличилась опасность для Турции в то время, как

БИБЛИОТЕКА

сила ее сопротивления понизилась еще более. (Плохое снабжение, ненадежные арабские пополнения, массовое дезертирство). Положение Германии и Австро-Венгрии в продовольственном отношении ухудшилось; духовные силы этих стран еще более понизились. Кроме того, внутренняя политическая борьба за власть, которой неприятельская пропаганда содействовала всеми средствами, привела к далнейшему подрыву монархической и государственной идеи в Германии. Весь мир определенно узнал об этом благодаря отставке немецкого канцлера Бетмана-Гольвега (14-го июля) и принятию большинством Рейхстага слабодушной мирной резолюции (19 июля). Кроме того, Антанта узнала из попавшего в ее руки чрезмерно пессимистического тайного сообщения Чернина об еще бо́льших экономических затруднениях Австро-Венгрии, частью об отсутствии единодушия, частью о готовности к восстанию населения Австро-Венгрии, а со времени вступления на престол Карла о сомнительной, колеблющейся союзной верности высших австро-венгерских кругов. Наконец, оставшийся в Софии американский посол способствовал осведомлению врагов о дикой борьбе болгарских партий, перенесенной также и в армию. Благодаря этому Ллойд-Джорджу и Клемансо (французский министр-президент с ноября) удается поддержать боевое настроение их народов, несмотря на все жертвы и военные неудачи. К тому же усиленная подводная война, несмотря на ряд новых геройских подвигов моряков и большого ущерба, причиненного неприятельскому тоннажу и подвозу, не смогла дать того, что от нее ожидали и чего боялись (пересечение британского жизненного нерва и воспрепятствование перевозке американских войск), благодаря контр-мерам, доведенным с американской помощью до высшей степени действительности. Но важнее всего то, что немецкая западная армия к концу года оказалась совершенно потрясенной из-за недостаточного питания, заполнения рядов сомнительным пополнением, а также чрезмерного напряжения в 1917 году. С другой стороны, главная масса немецкой восточной армии отвыкла в значительной своей части от тяжелых боев и потеряла свое боевое настроение вследствие многомесячного бездействия.

В среде моряков немецкого флота, осужденного также на бездействие, летом появились первые опасные признаки разложения, против чего принимались лишь слабые меры.

Таким образом, положение четверного союза к концу 1917 года было чрезвычайно серьезным, несмотря на новые успехи в течение года на всех театрах военных действий, как в обороне, так и в наступлении: ослабление немецких и союзных войск и народов, в противовес значительному усилению Антанты, представляют собой наибольшую стратегическую опасность для немецкого ведения войны в 1918 г.

1918 г.

В первую четверть года на западе (до 21-го марта) стоит затишье перед бурей; *на востоке* новых сражений нет, но принимаются важные дипломатические решения: в феврале (9) заключен мир с новым государством—Украиной; затем, перерыв перемирия с Советской Республикой вследствие ее отказа притти к мирному соглашению; начало многомесячного, широкого наступления почти без боев (война вдоль железных дорог) в Лифляндию, Эстляндию и на Минск, а также немецко-австро-венгерских войск на Киев и Одессу с согласия Украины с целью оказания взаимной экономической помощи. Затем, *в марте* мир с Россией в Брест-Литовске (3), предварительный мир с Румынией (5) и расширение немецкой оперативной сферы на Финляндию, чтобы произвести давление на большевистское правительство в Петрограде, и союзные десанты на Мурманском побережьи. Одновременно идет турецкое наступление на Эрзерум и Трапезунд. В Месопотамии английское наступление доводится до Нита (вблизи Моссула); в Палестине (март—апрель) — безрезультатные атаки англичан против левого фланга турецких позиций на Иордане севернее Иерусалима.

С 21-го марта по 15-е июля немецкая *западная армия* (верховное командование в Авень), усиленная из страны и с востока, но совершенно усталая, предпринимает пять больших наступательных операций против французов, англичан и бельгийцев:

1) *В марте* (с 21 по 4 апреля) между Круазиль и Ляфер с приближением на опасное расстояние к Амьен (дальнее обстреливание Парижа).

2) *В апреле* (с 9 по 29) у Армантьер на высоту *Кеммель*; результат—угроза Газебрук; (одновременное английское наступление на Остенде—Зеебрюгге 22—23 апреля было отбито).

3) *В мае (с 27 по 31)* через Суассон — Фим *до Шато-Тьери.*

4) *В июне* (с 9 по 11) у Нуайон с некоторым захватом территории на Компьен. Наконец,

5) *В июле* (с 15 по 17) по обеим сторонам Реймса и на Эпернэй-Шалон—на этот раз безуспешно в силу отсутствия внезапности удара для противника.

Общим результатом этого последнего громадного напряжения немецкой армии, кроме богатой добычи, был обратный захват на Сомме всей территории, занятой французами и англичанами за время с 1916 года; во Фландрии на высотах был взят восточный центр обороны неприятельских позиций; западнее Реймса вторично достигнута Марна. Однако, решительный прорыв неприятельских позиций с переходом к маневренной войне не был достигнут ни в одном пункте. Точно также не удалось ни довести до полного истощения, как ожидалось, неприятельские резервы, сильно возросшие благодаря спешному подвозу американских войск (в начале июля было высажено уже три четверти миллиона американских войск), ни подорвать волю к войне и победе у противника. И это тем более, что австро-венгерское вспомогательное наступление, предпринятое на Тирольском и Пьявском фронте (у Азьяго, на Леонтелло и у устья Пьявы) 15 июня, явилось последним боевым напряжением австро-венгерской армии, которое, после незначительных начальных успехов, потерпело полную неудачу, сопровождавшуюся очень тяжелыми потерями. Эта неудача вызвала глубокое разочарование как в армии, так и в стране. Растущее сознание этих стратегических неудач еще более понижает у народов Германии и Австро-Венгрии надежду, выдержку и авторитет государственности. Оно окончательно разлагает войсковые пополнения и подго-

тавливает почву для революции, чему способствует длительная большевистская пропаганда (Иоффе в Берлине), разлагающая работа держав Антанты (летучие листки, агенты) и резкая партийная борьба.

На *востоке* за время больших немецких операций на западе заняты Гельсингфорс, Харьков и Крым; немецкие войска продвинулись до Азовского моря (Ростов) и Тифлиса; турки заняли Карс и Северную Персию.

Опасное немецкое наступление в марте побудило правительства Антанты не только к повторным обращениям к Вильсону за помощью и решительному использованию тоннажа нейтральных государств, но и к принятию решительной стратегической меры, а именно—к назначению общего главнокомандующего над всеми сухопутными боевыми силами в Европе (24 апреля, генерал Фош). После отбития немецких попыток прорыва и прибытия американских и африканских подкреплений, генерал Фош переходит в контр-наступление против немецких позиций, везде подверженных фланговым ударам.

18-го июля начинается первое большое и успешное, особенно благодаря массовому введению танков большой скорости, французское контр-наступление из леса Коттере на Суассон, причиняющее немцам тяжелые потери и вынуждающее их к отступлению от Марны. 8-го августа за этим ударом следует второй—большая и глубокая танковая атака на Перонн (Виллер—Бретонне), вызывающая панику у немцев. Немецкий фронт между Кеммель и Нуайон, обращенный на запад и юго-запад, разрушается в течение *августа* месяца отдельными ударами, частью прорывается и вынуждается 9-го сентября к постепенному отступлению на позиции Зигфрида и примыкающие к ним линии. (Главная квартира обратно в Спа).

Против этих позиций и немецкого южного фронта противник ведет сильные и успешные отдельные атаки на фронте от Иперна до Лотарингской границы *с 9-го по конец сентября.*

26-го сентября начинается общее франко-англо-бельгийско-американское наступление от моря до Мааса с центром

тяжести во Фландрии, в Артуа и в Аргоннах и главными целями наступления—Гент, Мон и Мезьер: немецкая армия, прорываемая в трех местах, должна быть оттеснена на Намюр с целью окружения.

Тем временем *18-го сентября* последовало новое наступление превосходных англо-арабских войск в Сирии, которое разбило остатки слабых турецких сил, разбросанных и без того на всех азиатских театрах военных действий вплоть до Кавказа (Баку, Персия). Турецкие войска отступают через Дамаск в беспорядке. Кроме того, *15-го сентября* началось наступление Салоникской армии. Болгарская армия, уже давно не желавшая борьбы вследствие заражения политиканством и плохого снабжения, а также поддержанная лишь слабыми немецкими силами, была прорвана южнее Велеса к концу сентября и рассеяна.

После турецкого и болгарского поражения в немецкой армии, уставшей до крайнего предела, теснимой противником и угрожаемой прорывом и охватом, недостаточно снабжаемой страной бойцами и плохо поддерживаемой морально, стали проявляться все больше и больше серьезные проявления слабости, наряду с геройской храбростью. Надежда на своевременный успех подводной войны не имела больше серьезной почвы. При такой обстановке немецкое верховное командование сочло дальнейшую борьбу безнадежной и бесполезной. Поэтому 29-го сентября оно потребовало от правительства графа Гертлинга немедленных переговоров о перемирии с целью заключения почетного мира. Переговоры были начаты преемником Гертлинга *5-го октября* с Вильсоном, но были затянуты Антантой более, чем до конца месяца. Благодаря этому немецкая армия была вынуждена отступать *до последней трети октября*, ведя дальнейшие тяжелые бои от рубежа к рубежу вплоть до линии Гент—Ретель—Мец (линия Германа, позиция Гинденбург—Брунгильда—Михель), но сохраняя все еще такой порядок, что противнику не удалось сделать прорыв и тем более провести окружение хотя бы в одном пункте. Но в эти дни глава нового немецкого социал-демократического правительства, имперский канцлер

принц Макс Баденский, настоял на отставке генерала Людендорфа (26-го октября) и подчинился *27-го октября* условиям перемирия, исключавшим всякое дальнейшее сопротивление. под впечатлением опасного общего наступления итальянцев на Пьяве, начатого 24-го октября, а также из доверия к 14 пунктам, выставленным Вильсоном торжественно от имени Антанты.

Австро-венгерская армия, уже давно подточенная, а теперь расшатываемая еще отчаянной габсбургской и эгоистической венгерской сепаратной политикой, окончательно разлагается *в последние дни октября*. После болгарской капитуляции Турция, угрожаемая в тыл со стороны Адрианополя, сложила оружие *31-го октября. 4-го ноября* капитулировала Австро-Венгрия. В тот же день немецкая западная армия. теснимая противником в особенности со стороны Вердена, начинает организованное отступление на не вполне подготовленные еще позиции на линии Антверпен—Маас (Антверпен—Седан—Мец). Немецкие дивизии, брошенные для обороны Сербии, отступают за Дунай у Белграда, преследуемые Салоникской армией. Эта армия готовится к дальнейшему наступлению на Будапешт. Итальянская армия подготавливается к операциям против Бреннера.

Под действием всех этих ошеломляющих и расшатывающих военных и политических событий рушится и так уже слабая дееспособность и сопротивляемость немецких государственных органов. Революция, давно подготовленная независимой социал-демократической партией, опрокидывает немецкий трон в дни с 5-го по 9-е ноября.

11-го ноября новое немецкое республиканское правительство получило, наконец, просимое у Антанты перемирие, но на условиях, которые означали капитуляцию. Немецкая армия, которая дралась до последнего дня на европейском и восточно-африканском театрах военных действий с сверхчеловеческой выносливостью и храбростью и не была ни прорвана, ни побеждена, должна быть отведена за Рейн, область которого будет занята войсками Антанты. Германия должна передать свои боевые средства державам Антанты. Мировая

война, продолжавшаяся 4¼ года, заставившая выступить все мировые державы друг против друга и проглотившая 40 миллионов людей при помощи оружия и продовольственной нужды, оканчивается уничтожением немецкого величия, мощи и блеска по Версальскому миру (10-го июня 1920 г.).

Краткая стратегическая оценка мировой войны.

1914 г.

Мировая война застала Германию политически изолированной, в военном отношении—окруженной враждебными сухопутными и морскими державами. Несмотря на громкие жесты, колеблющаяся, бессильная немецкая внешняя политика, судорожно направляемая только на идею соглашения, окончательно рухнула с об'явлением войны Англией.

Внутреннее положение Германии, омраченное тяжелой классовой борьбой, не было упрочено на длительное время реформами (коалиционное министерство, реформа избирательного права). Поэтому более, чем когда́ либо, судьба Германии зависела от силы, качества и управления ее боевыми силами.

Однако, сухопутная подготовка Германии к войне не была усилена в достаточной мере из-за слабодушной бережливости (непроведение всеобщей воинской повинности, отказ от создания новых корпусов), несмотря на более чем двойное превосходство контингентов мирного времени у предполагаемых противников Германии, недвусмысленные признаки подготовки мирового пожара (огромная военная подготовка России, введение трехлетней службы во Франции, франко-русско-английское военно-морское соглашение), а также, несмотря на готовность немецкого народа на жертвы (союз обороны, большинство рейхстага). Морская подготовка к войне велась энергично, но в ложном направлении (центр тяжести—постройка флота из крупных боевых судов, вызывавше-

го политическое возбуждение, но слабого все же в военно-морском отношении, вместо сильного крейсерского и подводного флота). Подготовка немецких колоний к самообороне была недостаточной; военно-экономическая подготовка к войне (сырье, запасы зерна) совершенно отсутствовала, потому что жизненная опасность блокады не была предусмотрена во всем ее об'еме; финансовая подготовка была построена на непрочных основах постольку, поскольку ни одна из нейтральных великих держав не была заинтересована в денежном отношении в судьбе германского государства. Единственный союзник Германии — Австро-Венгрия была еще менее подготовлена к войне во всех этих областях. Кроме того, запасы оружия и боевых припасов обоих государств совершенно не соответствовали потребностям миллионных армий современной войны. Это произошло вследствие обще-распространенного, ошибочного мнения, что война не могла быть длительной, хотя бы по финансовым причинам. В остальном тактическая подготовка и вооружение сухопутной армии, в особенности пехоты и тяжелой артиллерии, слабее полевой артиллерии, были превосходными; войска были образцово втянуты в походную и боевую деятельность. Ядро армии—однообразный, верный своему долгу немецкий офицерский корпус стоял на высокой ступени развития и крепко сросся с войсками. Однако во взаимоотношениях на почве подчиненности господствовало чрезмерное принуждение. Слишком строгое инспектирование, а также сомнительные правила о наградах за стрельбу и другого рода деятельность повлекли за собой прискорбную склонность к преувеличению своих способностей и успехов, а также к прикрашиванию донесений начальству. Кроме того, дееспособность и возможность применения офицерского корпуса в случае войны настолько переоценивалась даже высшими кругами, что предполагалось использовать его для работы в таких областях, к которым немецкий офицер никоим образом не был подготовлен (политика, пресса, экономика). В общем же, немецкая армия 1914 г., как и немецкий флот, представляла собою превосходное орудие войны, находившееся прочно в руках ее вождей и одушевленное лучшими нравственными и боевыми качествами во всех своих составных частях.

Генеральный штаб, из которого вышло большинство высших начальников и все помощники их, был также подготовлен к высшей одухотворенной работе. Однако, стратегическая подготовка генерального штаба страдала от преувеличенной, подавляющей прогресс, а потому сомнительной веры в прежних больших прусских полководцев и военных теоретиков (Фридрих Великий, Мольтке, Клаузевиц). Но еще больше вредило особенно опасное заблуждение, выражавшееся во мнении и учении, что будто бы существует рецепт и тайна победы и что немецкий генеральный штаб является их исключительным обладателем, как наследник Шлиффена. Последний был выдающимся начальником генерального штаба и остроумным военно-историческим критиком, оказавшим высокие заслуги в развитии армии и генерального штаба, но вместе с тем и односторонним поклонником операций с двойным охватом (Канны). Эти вера и мнение не только привели немецкие военную прессу и литературу перед войной к духовному рабству, а с ним и к подавлению военных личностей, имевших самостоятельное суждение, но и были причиной вредного, длившегося вплоть до конца войны самомнения некоторых высших кругов генерального штаба. Это самомнение влекло за собой пренебрежительное отношение к стратегическим и тактическим взглядам противников. Лучшим подтверждением этого недостатка, имевшего большое влияние на ведение войны и ее исход, может служить тот факт, что в немецких довоенных уставах о стратегической обороне упоминалось лишь вскользь и притом в устаревшем в военно-техническом отношении смысле (единая оборонительная линия), а о прорыве не говорилось ни единого слова, так что немецкая армия была почти совершенно неподготовленной к разрешению обеих задач. Между тем этим двум видам боевых действий вскоре суждено было играть большую роль.

Стратегическая подготовка войны, являвшаяся прежде всего обязанностью генерального штаба, была постольку недостаточной, поскольку совместное ведение операций армией и флотом не было обдумано и согласовано до войны. Затем, между высшими военными и политическими органами не было достигнуто соглашения ни по вопросу об'явления войны, ни о

военных целях и намерениях. Наконец общий и незыблемый план войны не был выработан совместно с австро-венгерским генеральным штабом, хотя давно следовало считаться с возможностью союзной войны на два фронта, сопряженной со всеми большими внутренними и внешними затруднениями такой войны. Серьезная причина отсутствия всех этих чрезвычайно важных стратегическо-политических соглашений заключалась в том, что начальник немецкого генерального штаба генерал фон-Мольтке, призванный на этот пост для осуществления указанных целей, правда, против своего желания, не соответствовал духовно своему положению, несмотря на все высокие качества его характера. Поэтому он не пользовался бесспорным авторитетом уже в мирное время ни у себя в стране, ни заграницей, что было необходимым для преодоления необыкновенных затруднений, т.-е. для создания единого военного управления, воплощенного в лице немецкого начальника генерального штаба. Благородный кайзер Вильгельм II, верховный вождь армии, одушевленный возвышенными желаниями, являлся в случае войны, согласно конституции германского государства, полномочным главнокомандующим боевыми силами на суше и на море, на фронте и внутри страны, а также главой внешней и внутренней политики. Несмотря на свои богатые и разносторонние дарования и способности, развертывавшиеся, впрочем, во всех областях больше в ширину, чем глубину, кайзер не мог восполнить все то, что было упущено до возникновения войны. Он должен был удовлетвориться в течение всей войны номинальным, впрочем, едва замаскированным от внешнего мира, верховным руководством военными и политическими делами, связанными с войной, что являлось вредным для существа дела. Таким образом, стратегическое управление на западе и востоке, на суше и на море, по отношению к внешнему миру и внутри страны, велось кое-как с самого начала.

Однако, принципиальное решение на случай войны, основанное на расчете на более позднюю подготовку России к войне, оставалось непоколебимым: сперва—решение на западе, затем только—на востоке. Точно также сохранялся *план войны* на западе, ведущий свое начало в основных чертах от Шлиф-

фена: направление массы немецкой армии через западную границу, для нанесения быстрого и смертельного удара французской армии, т.-е. противнику, наиболее подготовленному к бою и, повидимому, наиболее готовому к переходу в наступление, а вместе с тем, и уловимому с наибольшей уверенностью. С этой целью следовало обойти левый французский наступающий фланг (северный) неожиданным вторжением правого фланга немецкой армии через бельгийскую территорию. Превосходные силы немцев должны были разбить атакуемый французский фланг. Вслед за этим остальная часть французского войскового фронта должна была подвергнуться фланговому удару. Этот, без сомнения, величественный, ясный и простой план сохранялся до 1914 г., несмотря на то, что он был известен почти всему миру, и, таким образом, лишался силы внезапности, хотя эта *общеизвестность* и не была результатом измены в буквальном смысле этого слова.

С другой стороны, этот план не учитывал изменившееся и ухудшившееся к 1914 году внешне-политическое положение Германии, требовавшее считаться с решительным противодействием не только бельгийской, но и английской армии, в случае осуществления этого плана.

Тем не менее, этот план был сохранен на том правильном основании, что имелась одна стеснительная причина, которая не могла быть устранена с немецкой стороны,—во всяком случае со стороны совершенно беспомощной, послебисмарковской немецкой дипломатии,—а именно, что нельзя было считать ни политическую волю Бельгии достаточной гарантией, ни ее военную мощь настолько значительной, чтобы она могла сохранить нейтралитет вооруженной силой также и против вторжения и прохода англо-французских войск через ее территорию. Если бы эти оба условия были обеспечены Бельгией в той же мере, как Швейцарией, то не только политические мотивы настойчиво требовали бы отказаться от нарушения нейтралитета, но также и стратегические соображения допускали бы разрешение спора между Германией и Францией на линии Страсбург—Париж или Дижон, со строгим и одинаковым сохранением неприкосновенности, как бельгийской, так и швейцарской границ. И это по той причине, что преодоле-

ние в значительной своей части устаревшего французского восточного крепостного фронта, которое потребовалось бы на известном протяжении, могло бы быть выполнено немецкой армией, при помощи ее подавляющей тяжелой артиллерии, с таким же успехом, как и бельгийской крепостной системы. В этом случае, с открытием боевых действий, без сомнения, не пришлось бы иметь бельгийскую и английскую армии в числе противников. Кроме того, было бы обеспечено преимущество действительно внезапного в оперативном отношении направления наступления непосредственно в сердце Франции, что и уравновесило было выгоды обхода французского крепостного фронта. Однако, выбор этого направления для наступления был невозможен, так как он мог оказаться роковым, пока существовала опасность, что франко-английская армия может проникнуть через Бельгию в тыл немецких главных сил, ввязавшихся в решительное сражение между Вогезами и французским крепостным фронтом, а затем и в жизненный центр немецкой военной мощи—рейнско-вестфальскую промышленную область.

С другой стороны, план войны Шлиффена покоился на двух требованиях: усиление до крайнего предела правого немецкого ударного фланга на наступательном фронте севернее Меца; в противовес этому на фронте, южнее Меца, до швейцарской границы—крайняя бережливость в войсках первой линии для обороны Эльзас—Лотарингии, не считаясь с опасностью временной потери пограничной территории. Первое требование стало еще более настойчивым, когда, после Шлиффена, определилась возможность и даже вероятность подкрепления северного французского фланга английскими войсками. Чтобы освободить еще больше сил для правого немецкого фланга, следовало закрыть в критические 1906—1914 годы пространство между Мецом и Вогезами, открытое для наступления, укреплением зоны у Саарбурга, благодаря чему можно было бы сберечь крупные силы для обороны Лотарингии. Но и это было упущено. Вместо этого немецкий план кампании 1914 г. предназначил две немецких армии из 8 корпусов, почти четверть немецких сил на западе, для Эльзас-Лотарингии, при этом не только с чисто оборонительной, но и с насту-

пательной целью, правда, не совсем созревшей. Благодаря этому,—а не вследствие продовольственных затруднений, как это указывалось впоследствии—совершенно не представлялось возможным двинуть сразу за передними колоннами правого фланга немецкой армии, на дистанции в несколько дневных маршей, сильную вторую войсковую группу, как решительный стратегический резерв верховного командования. В силу отсутствия такого резерва, с самого же начала была потеряна всякая надежда на достижение действительно всесокрушающего удара против левого фланга французской армии, а тем более на нанесение решительного флангового удара всему французскому войсковому фронту.

Итак, в стратегической группировке армии, немецкое верховное командование допустило ошибки; в тактическом же отношении немецкая западная армия оправдала наивысшие надежды страны своими победами с 22 по 30 августа; войска проявили блестящую храбрость. Немецкие низшие органы управления войсками, а также немецкая пехота, показали свое превосходство над англо-французами в умении вести маневренную войну; немецкая кавалерия оказалась более искусной, по сравнению с французской кавалерией в несении службы разведки и завесы. Вследствие этого неоднократно представлялась возможность использовать победы корпусов и армий в стратегическом масштабе и причинять частичные катастрофы французским войсковым группам, сражавшимся действительно без тактической связи между собой. Но эти моменты были упущены, так как немецкий начальник штаба верховного командования, больной и потому неподвижный, никогда не мог своевременно оценить дневную обстановку, находясь в своей главной квартире в Кобленце, удаленной на сотни километров от полей сражений (до 30. VIII). Вместо этого верховное командование стало склоняться к преждевременному, стратегически немыслимому, а потому совершенно превратному выводу, что будто бы на западе уже достигнуто решение в главной своей части в пользу немецкого оружия. Повод к такому выводу давали преувеличенные донесения немецких армий об их первых победоносных столкновениях с противником с 22 по 25 августа, а также об отступлении французов на всем фронте;

эти донесения, между прочим, не были подкреплены десятками тысяч пленных и сотнями орудий. В дальнейшем этот вывод послужил причиной особенно неудачного и рокового мероприятия (25), а именно—посылки двух армейских корпусов с правого фланга немецкой армии в Восточную Пруссию, где тем временем создалась критическая обстановка; в то же время, 1—5 немецкие армии должны были продолжать свои атаки. Это очень опасное изменение основной идеи было принято, несмотря на то, что значительные силы правого фланга (4 корпуса) уже были отвлечены крепостями Антверпен и Мобеж. К 30 августа последовало второе изменение основной идеи, в виде одобрения предложения 6 армии на выполнение преследования и прорыва сильно укрепленного фронта Туль—Нанси—Эпиналь. Для осуществления этой цели 6-ой и 7-ой армиям были приданы, кроме того, первые запасные дивизии (6), поступившие в распоряжение командования, и некоторое количество крепостных орудий. В основе всех распоряжений для дальнейшего ведения войны на западе лежал почти вызывающий ужас, превосходящий Шлиффена, необузданный план, базировавшийся, кроме того, на необыкновенно низкой оценке французских командования и войск. По этому плану французской армии готовились стратегические сверх-Канны тем, что эта армия должна была быть уничтожена немецкой армией при помощи одновременного охвата ее *левого* фланга из района Кантэн и *правого* из района Туль—Эпиналь. В то же время не было учтено, что 6 и 7 армиям для прорыва французского фронта на Мозеле недоставало наиболее тяжелой немецкой и австро-венгерской артиллерии, введенной в дело в Бельгии и Северной Франции, а у 1-й и 2-й армий совершенно отсутствовал более или менее крупный резерв для выполнения охватного движения и обезвреженья Парижа.

В действительности же, французская армия, хотя и потесненная на всем фронте в дни с 22 по 25 августа, была отведена планомерно за Марну с 25 по 30 августа приказом французского командования после того, как генерал Жофр понял невозможность направить своевременно к северу от Парижа силы, которые недоставали левому флангу франко-английских войск, угрожаемому охватом. Немцы были не в си-

лах воспрепятствовать отступлению французской армии, выполненному отчасти с помощью железных дорог. Тем не менее обстановка на западном фронте в конце августа была бы чрезвычайно выгодной для немцев, если бы верховное командование держалось первоначальной идеи похода или, вернее, вернулось к ней. С этой целью следовало бы возложить на армии в Лотарингии чисто оборонительную задачу, спешно направить при помощи транспорта и походным порядком сильные части из этих и других армий западного фронта за правофланговые немецкие армии, задержав последние у Кантэн до сосредоточения подкреплений. Тогда немецкая западная армия стояла бы победоносно на французской территории, удачно выполняя основной план войны, что и было бы видно всему миру. Она была бы вполне готова продолжить в ближайшем будущем общее наступление против франко-английского фронта со свежей силой, при выгодной в стратегическом отношении группировке, учитывающей фланговую угрозу справа (Париж), а потому и с большими шансами на успех. В противовес этому французская армия была бы вынуждена подвергнуться опасному испытанию в виде отступления после потерянного сражения.

Первый французский план войны не известен, правда, даже к данному моменту в своих деталях. Но он был построен, без сомнения, на успехе большого французского наступления в Лотарингию и на своевременном соединении главной массы французской армии с бельгийско-английской армией, сосредоточивающейся под прикрытием удерживаемых крепостей Льеж—Намюр с целью прорыва немецкого фронта. Этот сложный, лишенный действительной простоты и величия план войны потерпел очевидную и полную неудачу. Кроме того, приказы, как о переходе в контр-наступление, так и о принятии сомнительного в тактическом и стратегическом отношениях оборонительного сражения на Марнских позициях в 200 кил. ширины или даже о дальнейшем отступлении на юг, представляли собой для французского главнокомандующего решения наивысшей трудности и давали ничтожнейшие стратегические виды на успех.

Однако, немецкое верховное командование совершенно не поняло обстановки и продолжало верить в бегство франко-английских боевых сил. 2 сентября западной армии, в особенности право-фланговым армиям (1—Клук, 2—Бюлов), было приказано продолжать наступление в район восточнее Парижа, с целью охвата неприятельского фланга. Одновременно 6 и 7 армии должны были продолжать наступление с целью прорыва между Туль—Эпиналь. 4—5 сентября верховное командование получило сообщение о крупных французских транспортных передвижениях с Эльзас-Лотарингского и альпийского фронтов на запад (Париж). Только в ответ на это оно отдало из Люксембурга бледную и недостаточно ясную директиву о приостановке правого немецкого фланга, продвинувшегося тем временем совершенно близко к Парижу. Но приказы немецкого верховного командования не дошли своевременно и не соответствовали обстановке на фронте. Поэтому они не были ни вполне серьезно приняты, ни вполне поняты, ни вполне исполнены. Командующие немецкими армиями вели операции и войну в этот решительный в стратегическом отношении промежуток времени каждый на основании личной оценки положения, как у себя, так и у противника, будучи в большей или меньшей степени вынуждены к этому. Они подошли 6 сентября со своими истощенными войсками и ослабленными запасами боевых припасов вплотную к французской армии на Марне, чтобы нанести ей, как они думали, смертельный удар, имея в то же время у себя на фланге крепость—лагерь Париж, переполненную неприятельскими войсками. Французская армия тем временем вполне отдохнула под прикрытием Парижа и Вердена. Главнокомандующий Жофр, получивший все необходимые полномочия и средства от нового французского правительства национальной обороны и тесно связанный с ним (Бар—на—Об), привел армию твердою рукой в порядок. Армия была подкреплена войсками с остальных частей фронта, а также из Англии. Того же 6 сентября французская армия получила приказ о контр-наступлении.

Если бы французский главнокомандующий был лучше осведомлен своей многочисленной кавалерией об отсутствии какого бы то ни было армейского резерва за немецкими флан-

говыми армиями, то он мог бы отложить на несколько дней,— даже с риском временной потери части территории, — свое общее контр-наступление, почти навязанное ему способом действия противника, до тех пор, пока не удалось бы высадить еще некоторое количество армейских корпусов в Париже и севернее его. *Тогда* было бы возможным и вероятным нанесение уничтожающего, даже решающего войну поражения немецкой армии на Марне. В действительности же контр-наступление Жофра, хотя и побудило немцев к отступлению 9 сентября на Энь, прервав, таким образом, победоносное движение немцев на западе, но немецкие вожди и войска сохранили в Марнском сражении не только свою войсковую честь и тактическое превосходство, но и свободный выбор и предел своего отступательного движения. Поэтому Жофр не одержал ни в тактическом, ни в стратегическом отношениях полной победы в боях с 6 по 9 сентября, так как не достиг решения. Но моральное влияние этого первого частного успеха французов, раздутого немедленно на весь мир, было исключительным, как в отношении подавленного духом французского народа и испуганных английских народа и армии, так и в отношении политического воздействия этого успеха на нейтральные страны. В особенности же это сказалось на поведении итальянского правительства, которое уже давно и тайно вооружалось. В этом отношении Марнское сражение действительно означает поворотный пункт войны. Немецкий стратегический лук, перетянутый эпигонами, а с ним и чары немецкого превосходства были разрушены. Немецкий народ также почувствовал это, несмотря на принятые меры для скрытия смысла событий. Поэтому не имеет значения последующий спор о том, кто из войсковых начальников немецкого правого фланга или уполномоченный офицер генерального штаба (Хенч), посланный к ним верховным командованием слишком поздно (8 сентября), несет большую вину за решение и приказ об отступлении. Отступление было необходимым под угрозой катастрофы. Правда, 8 и 9 сентября 1-я армия решительно устранила опасность охвата; англичане же медленно наступали в прорыв, образовавшийся между 1 и 2 армиями на пространстве в 30 кил. Но немцы

ощущали недостаток в войсковых резервах и боевых припасах, а также страдали от отсутствия единого верховного командования. В общем, им не удалось бы ни одержать полной победы под Парижем даже в наиболее счастливом случае, ни использовать частные победы, ни удержать свое расположение под угрозой охвата. Поэтому вина за отступление не лежит на ком-либо другом, как только на немецком верховном командовании или, вернее, на его ошибках и бездействии в деле управления. Оно является точно также виновником и другой большой стратегической ошибки, ставшей роковой для последующих операций на западе. Эта ошибка заключалась в том, что во время отступления немецкой западной армии на Энь с 10 по 15 сентября Аргонский лес вместе с Аргонской железной дорогой был очищен левой немецкой фланговой армией (5) без особой на то нужды. Аргонский лес был добыт перед тем путем тяжелых жертв. С потерей его немцы лишались охватывающего положения по отношению к западной части крепости Верден. Командующему 5 армией следовало удержать эту важнейшую часть французской территории даже против воли и приказа верховного командования.

Такой же драматический характер развития, как на западе, получили к середине октября и боевые операции на востоке. Но здесь, конечно, не в тех условиях, что на западе, т.-е., не между приблизительно равносильными противниками, а как бы между Давидом и Голиафом. Исход этих боев вызвал у австро-венгерской армии и ее командования те же горькие разочарования, что и у немецкого командования на западе. Но немецкая восточная армия достигла в то же время полной победы.

План войны высоко уважаемого австро-венгерского начальника генерального штаба Конрада фон-Гетцендорф, столь же развитого духовно и умственно, как и обладавшего пылким воображением, стремился к обеспечению стратегической инициативы за австро-венгерским оружием при помощи неожиданного крупного удара против западной половины русской южной армии в районе Люблин—Холм, предполагаемой еще в состоянии сосредоточения. Затем отсюда восточная половина русской армии должна была быть сбита фланговым ударом.

Этим ударом предполагалось не только удержать войну вдали от своих границ и вести ее на неприятельской территории, но и приковать главную массу русских боевых сил с тем, чтобы немецкое верховное командование, по возможности, освободилось от забот о Восточной Пруссии. Австро-венгерский начальник генерального штаба тоже признавал решающую роль в начале войны за операциями на западном фронте. План был простым, ясным и смелым, но он был построен на двух неверных предположениях, а именно: во-первых, что Австро-Венгрия изготавливается к войне значительно раньше, и, во-вторых, что боеспособность и управление австро-венгерской армии решительно превосходит таковые русской армии. Эти предположения, кроме того, толкнули австро-венгерского главнокомандующего еще на одну тяжелую стратегическую ошибку, а именно, на введение во время наступления против русских приблизительно только трех пятых австро-венгерской армии, и без того слабой. Другие же две пятых армии были предназначены, по политическим соображениям,—быстрое наказание Сербии,—для одновременного наступления против сербской армии, хотя стратегической обороне последней в высокой степени благоприятствовали реки Дунай, Сава. Таким образом, наступление, несмотря на порыв, готовность к жертвам и геройство массы австро-венгерских войск, должно было потерпеть неудачу, так как русские не только, вопреки всяким ожиданиям, стояли на границе готовыми к бою, даже к наступлению, имея двойное превосходство, но воодушевленные расовой ненавистью, дрались с наивысшей храбростью, были искусно управляемы и знали об австро-венгерских планах и передвижениях самым точным образом, благодаря предательскому поведению австро-венгерских славянских войск и населения. При таких обстоятельствах, австро-венгерской армии, имевшей успех еще в конце августа у Люблина—Холма, в сентябре грозила уже серьезнейшая опасность охвата со стороны восточной русской армии, наступавшей на Львов против недостаточно прикрытого правого фланга австро-венгерских войск. Эта опасность не могла быть устранена, несмотря на самые смелые, даже отчаянные стратегически-тактические шахматные ходы австро-венгерской армии и переброску подкреплений из

Дунайской и Савской армий, правда, запоздалую. Австро-венгерская армия была сильно дезорганизована благодаря трехнедельным убийственным боям. Отступление ее за Сан, а затем и за Вислок, было начато своевременно. Тем не менее австро-венгерцы понесли, кроме убитых и раненых, громадные потери пленными, а также орудиями и другими боевыми средствами. Эта неудача вызвала преждевременный подрыв доверия к верховному командованию, что было особенно опасным при своеобразных и напряженных внутренно-политических обстоятельствах двойной монархии, когда лучшие и наиболее свежие силы австро-венгерской армии были безуспешно пожертвованы в сверх-смелом предприятии. Русские армии настойчиво преследовали австро-венгерскую армию, утомленную и потрясенную в наиболее существенных частях своего организма, и угрожали ей в середине сентября новым охватом обоих флангов, особенно южного. Карпатские перевалы представляли собой открытые ворота для вторжения в Венгрию, так как они не были защищены какими бы то ни было укреплениями мирного времени.

Такой же опасный двойной охват угрожал в *Восточной Пруссии* немецкой восточной армии генерала Притвица, которая состояла только из 4½ армейских корпусов, исходя из той же уверенности в русской тяжеловесности. Между тем, уже в середине августа, вопреки всем ожиданиям, 2 русских армии, в четыре раза превосходивших немецкую армию Притвица, перешли в наступление в направлении с востока—на Инстербург, с юга—на Вилленберг. Русские войска наступали спешно, что было вызвано усиленной просьбой Жофра о помощи, переданной 15 августа русскому главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Общая директива немецкого верховного командования требовала от армии Притвица активно обороняться против русского наступления или, в крайнем случае, выдержать до прибытия подкреплений с западного фронта. Эта директива стала бы опасной, даже невыполнимой, при новой обстановке, если бы грубые ошибки русского командования не были использованы немцами с особым искусством. Для осуществления этой задачи кайзер и генерал Мольтке нашли соответствующих людей, в лице Гинденбурга

и Людендорфа, которым, кроме того, в редкой степени сопутствовало военное счастье. Гинденбург был назначен командующим 8 армией 22 августа, Людендорф был придан ему в качестве начальника штаба. Счастье нового командования прежде всего проявилось в том, что оба русских командующих армиями совершенно не использовали своего исключительно выгодного стратегического положения, благодаря отсутствию какой бы то ни было духовной связи и взаимодействия.

Самсонов слепо попал в расставленную ему ловушку. Немцы же были осведомлены о мероприятиях противника в решительные дни до мелких подробностей, благодаря перехватыванию неприятельских радиотелеграмм и захвату одного из приказов Самсонова по армии. Выгода положения нового командования увеличивалась и тем, что ко времени его прибытия местные немецкие корпусные командиры, при наличии превосходного состава штаба армии (подполковник Гофман), уже успели широко развить удар против Самсонова. Но все это не дало бы блестящей победы у Танненберга без стратегической смелости, железной дееспособности, непоколебимой воли к победе и тактического искусства нового немецкого командования. Оно сумело собрать и направить все силы, которые только можно было подтянуть, для окружения и уничтожения русской Наревской армии, несмотря на все опасности и кризисы.

Таким образом, в данной операции были достигнуты почти Канны или, лучше говоря, Седан; во всяком же случае, одна неприятельская армия была уничтожена, благодаря совпадению счастья, крупных неприятельских ошибок и выдающихся качеств своих войск. Подобные совпадения всегда необходимы для достижения такого успеха, но в действительности это случается очень редко. Немецкая армия состояла в значительной своей части из ландвера и ландштурма. Предыдущие бои, марши и, наконец, четырехдневное сражение, сильно утомили войска. Тем не менее, немецкое командование немедленно бросило их, вместе с 2-мя корпусами, прибывшими тем временем с западного фронта, на левый южный фланг Неманской армии, остановившейся западнее Инстербурга после сражения у Танненберга. Эта армия была сильнее немецкой армии по количе-

ству бойцов и числу орудий; силы ее не были израсходованы. Через неделю после Танненберга, завязалось сражение в *Мазурских озерах*, целью которого было также уничтожение противника. Армия генерала Ренненкампфа, воля которого была совершенно подавлена неожиданно быстрым, энергичным и смелым наступлением немцев, спаслась от уничтожения только поспешным отступлением, почти бегством в направлении на Ковно. Это отступление так расстроило армию Ренненкампфа, что она потеряла способность наступления на сравнительно долгое время. Итак, к середине сентября, как бы чудом была устранена всякая опасность для Восточной Пруссии, хотя и не было достигнуто желанного уничтожения Неманской армии. Известие о громадных победах Гинденбурга не только освободило Германию и верховное командование от тягчайшей заботы, но и заставило несколько забыть неудачу на западе. Немецкие народ и армия с горячей благодарностью, высоким восхищением и неограниченным доверием смотрели на Гинденбурга, в котором они справедливо видели и почитали воплощение немецкой мужественности и высокой стратегической дееспособности, ниспосланное провидением.

Поэтому ничего не было бы более естественным, как назначение этой сильной, симпатичной и популярной, в лучшем смысле этого слова, личности, на место генерала ф.-Мольтке, уволенного 14-го сентября, в качестве главы немецкого верховного командования. Его имя, как в отношении западных противников, так и всего мира, увеличило бы германские силы более, чем на одну армию. Кроме того, его зрелый возраст, богатый опыт кампаний 1866 и 1870—71 г.г., выдающаяся деятельность мирного времени, как одного из старших офицеров генерального штаба и корпусного командира, свежая слава, которая была бы связана с его именем к моменту назначения, обеспечили бы ему бесспорный авторитет. Это, в свою очередь, дало бы Гинденбургу возможность об'единить командование вооруженными силами четверного союза, по соглашению с союзными армиями и народами. В войне же на два и больше фронта, такое об'единение командования является одним из величайших стратегических требований.

Однако, кайзер выбрал, как свое доверенное лицо, военного министра генерал-лейтенанта Фалькенгайна, которому в то время было около 50-ти лет. Военные способности, светский, даже дипломатический ум и гибкость Фалькенгайна являлись общепризнанными, но народ не знал его совсем, а армия — очень мало. В силу этого, ему пришлось создавать себе положение и авторитет на новом месте. По своему личному желанию, он сохранил за собой на первое время (до 15-го января 1915 г.) и руководство военным министерством. Из-за патриотического чувства и верности кайзеру, генерал-полковник Гинденбург подчинился значительно более молодому генералу. Это само по себе ненормальное подчинение было также понято и немецким народом.

Стратегическое наследство, полученное Фалькенгайном, требовало высокого мужества, сильных нервов и быстрого дальновидного решения, ибо немецким главным силам угрожал прорыв и охват правого фланга, а австро-венгерским войскам — охват обоих флангов. Трудность решения увеличивалась в особенности потому, что необходимо было ответить на вопрос, следует ли считать западный немецкий фронт главным и после Марнского сражения или перенести центр тяжести на восточный фронт, в связи с победой Гинденбурга. От этого вопроса зависели дальнейшие решения, в особенности в отношении того, следует ли вести на западе наступательные или оборонительные операции. Генерал Фалькенгайн решил в принципе искать решения *на западе*, несмотря на изменившуюся обстановку, и спокойно, быстро и определенно отдал свои первые распоряжения. Восточная 8-я армия должна была отдать два корпуса на поддержку австро-венгерской армии. На западе новый начальник штаба решил перейти в наступление, с целью открыть путь к Кале—исходному пункту для действий против английского побережья. Для защиты Изерского направления англо-французские силы спешно подвозились со всех фронтов по железным дорогам и на автомобилях. С немецкой стороны на этот фронт были направлены все свободные силы из центра и левого фланга немецких армий, а также части, освободившиеся после взятия Антверпена, и все свободные войска изнутри страны.

К середине октября были успешно отбиты все попытки прорыва на фронте от швейцарской границы до Энь, также, как и попытки охвата со стороны англо-французских войск, которые велись ими с огромной энергией. При этом немецкий фронт был удлинен на севере до Лилля. После того, как пал Антверпен (9), а также прибыли изнутри страны четыре новых корпуса, сформированных, главным образом, из непроходивших обучения в мирное время добровольцев всех сословий, последовало немецкое наступление 1 октября. При этом новая 4-я армия наступала из Гента, двигая свои главные силы вдоль морского побережья, с целью нанесения фронтального удара, а другая, более слабая боевая группа была направлена из района Лилля во фланг франко-бельгийской Изерской армии. Обратное решение, т.-е. решительный фланговый удар со стороны Лилля и более слабый фронтальный на Изер, не только лучше соответствовал бы местным условиям (Изерский канал, опасность наводнения), но бесспорно был бы более смелым и дающим надежду на успех. В случае удачи можно было бы отрезать и уничтожить неповоротливую английскую армию, двигавшуюся во Фландрию, на северном фланге противника. Но здесь впервые неприятно сказалось первое последствие Марнского сражения: обстановка на западе стала настолько напряженной и серьезной, в особенности вследствие недостатка резервов и боевых припасов, что становится вполне понятным мнение нового главы верховного командования о недопустимости пока никаких стратегических или тактических рискованных предприятий. Вместо этого ставилась основная цель сохранения сомкнутости немецкого боевого фронта, опирающегося на морское побережье, и ведение сообразно с этим своих операций. Этот роковой гнет в сторону крайней стратегической и тактической осторожности, от которой лишь военный гений мог бы освободиться еще осенью 1914-го г., господствовал над обстановкой на западном фронте и ослаблял решения еще долгое время, почти до 1918 г.

Не так было на *востоке*. Высокое чувство превосходства, сознаваемое победителями у Танненберга и в Мазурских озерах, побудило их сделать смелое предложение о переброске на поддержку находившейся в опасности австро-венгерской

армии не только 2 армейских корпусов, но вскоре и главных сил 8 армии—4½ корпуса. Эти силы были направлены в район севернее Кракова для совместных действий с союзными войсками, согласно желанию австро-венгерского командования, одобренному немецким верховным командованием. Эта немецкая помощь явилась ответной за крупную поддержку, которую австро-венгерское командование оказало немцам, приковав к себе главные силы русских во время решительных боев в Восточной Пруссии. По соглашению с главой австро-венгерской главной квартиры, не потерявшей надежды и дееспособности, был выработан общий план действий, имевший своей конечной целью нанести решительный, охватывающий удар по левому флангу русской южной армии у Львова, чтобы заставить ее не только приостановить преследование, но и отступить. Фланговое наступление, естественно, выпало на долю главных сил австро-венгерской армии, как наступавших южнее Вислы от Вислоки в направлении на Сан. В то же время немецкие войска, об'единенные здесь в новую 9-ю армию, совместно с 1 австро-венгерской армией, выступили на 7 дней раньше (28. IX) главных австро-венгерских сил и, угрожая прорывом на Ивангород—Варшаву, приняли на себя задачу оттянуть, сковать и разбить возможно больше русских сил и тем облегчить положение австро-венгерской армии. Эта чрезвычайно трудная задача, в которой пространство и силы противника составляли неизвестные данные, была выполнена Гинденбургом—Людендорфом и их войсками в совершенстве после больших четырехнедельных боев, богатых тяжелыми кризисами и потерями. Отдельные операции этого похода почти переступали границы смелости; их можно об'яснить только тем же, чрезвычайно счастливым обстоятельством, что немецкое командование продолжало быть осведомленным о русских войсковых приказах, а, следовательно, было своевременно предупреждено об угрожавших опасностях, в особенности в отношении угрозы левому немецкому флангу. К сожалению, эта в высшей степени самоотверженная борьба немецких войск, имевшая целью обеспечить австро-венгерцам время на проведение своей операции, оказалась напрасной. Боеспособность австро-венгерской армии, усиленной новыми попол-

нениями изнутри страны, но сильно пострадавшей духовно и физически в предыдущих шестинедельных боях, а также ослабленной дизентерией и холерой, оказалась недостаточной, чтобы нанести решительный удар южному флангу русских войск, искусно управляемых и оборонявшихся с большой храбростью. В силу этого оба союзника должны были начать отступление на свои исходные позиции у Кракова, если не хотели, чтобы под Варшавой немецкие войска постигла катастрофа. Отступление было выполнено образцово. Продвижение русских войск было существенно замедлено громадными разрушениями железнодорожных и грунтовых путей, выполненными немцами. Если этой операцией не было достигнуто тактической победы, то в стратегическом отношении было достигнуто многое: главные силы русской армии, вместе с прибывшими тем временем свежими сибирскими корпусами, были отвлечены из Галиции на север, в южную Польшу; в силу этого русский план кампании, имевший целью вторжение в Моравию и Венгрию, был нарушен; австро-венгерская армия была освобождена из невыносимо тяжелого положения. Правда, эти результаты были достигнуты ценой тяжелых немецких потерь. Кроме того, в связи с этой операцией возникла очень опасная угроза Познани и немецкой Силезии с ее незаменимыми источниками военного хозяйства.

Первую из этих опасностей можно было устранить только наступлением. Для достижения этой цели Гинденбург (с 1-го ноября главнокомандующий 8-й и 9-й армиями, главная квартира—Познань) наметил удар против северного фланга русских главных сил, наступавших от Варшавы на Калиш. Этот фланг был наиболее уязвимым, так как эшелонирование русских войск на этом фланге было недостаточно глубоким. Тем не менее нужно отметить, что русская армия к тому времени получила сильные подкрепления из центра России и Азии. В первой трети ноября русские продолжали наступление от дуги Вислы у Ивангорода в направлении на немецко-моравскую границу. Русский главнокомандующий предполагал, что он встретит со стороны немецких и австро-венгерских войск, разбитых и потрясенных, по его мнению, в предыдущих боях, пассивное сопротивление и уничтожить их. Одновременно с этим, на севере и юге наступали сильные фланговые армии, имевшие целью

вторгнуться в Восточную Пруссию и Венгрию соответственно. Даже у немецкого верховного командования явилось сомнение в том, смогут ли немецкие боевые силы на востоке, и без того уже переутомленные, выполнить успешно операцию, намеченную Гинденбургом—Людендорфом. Таким образом, генерал Фалькенгайн (главная квартира в Шарльвилль) был вновь поставлен перед решением, какой из фронтов—западный или восточный—считать главным. Это решение было тем серьезнее, что генералы Гинденбург и Конрад просили, хотя и безуспешно, о переброске сил с запада еще во время октябрьских боев за Львов, Ивангород и Варшаву; теперь Конрад вновь предложил перенести центр тяжести с запада на восток. При этом было ясно, что подкрепления с западного фронта могли оказать решительную пользу новому наступлению Гинденбурга только в случае прибытия их на восточную немецкую границу в первой трети ноября, так как дальнейшее продвижение русских на запад создало бы большую опасность для немцев. Но для этого требовалось приостановить в конце октября наступление 4-й немецкой армии во Фландрии, становившееся все более и более нерешительным, хотя оно и велось еще с большим упорством. Фалькенгайн все еще ожидал от этого наступления частного успеха; поэтому он твердо стоял на своем прежнем плане искать решения на западе. Только в начале ноября, когда выяснилось, что его надежда не может оправдаться, он решил приостановить наступление во Фландрии и послать все, что было возможно (7 дивизий), с западного фронта на восточный, в том числе и сильные кавалерийские части. Но от операций Гинденбурга он ожидал, даже в наиболее благоприятном случае, только приостановки русского наступления.

Такое поведение Фалькенгайна восхваляется одними, как признак силы характера; другие же рассматривают его, как полумеру, а потому и осуждают. Но если даже и согласиться с первыми, то все же следует отметить, что в данном случае впервые ясно обнаружилось роковое разногласие между командованием на востоке и главной квартирой. Немецкое командование на востоке надеялось в то время выиграть решительное сражение, если бы только в его распоряжение своевременно были даны достаточные силы. Это предположение основывалось на

том, что главная масса русских войск подошла к немецкой границе, имея в тылу и на флангах Вислу, т.-е., вопреки всем ожиданиям, представила собой выгодный об'ект для решительного удара. Только по нанесении этого удара, по мнению Гинденбурга—Людендорфа, следовало искать решения на западе об'единенными восточною и западною немецкими армиями. Деятельные, смелые и предприимчивые вожди восточной армии, пользовавшиеся доверием своих подчиненных начальников и войск и верившие в свое военное счастье, надеялись достичь задуманным фланговым ударом решительного успеха. Эти надежды бесспорно имели за собой глубокие основания. Генерал Фалькенгайн, наоборот, преждевременно и слишком упорно остановился на убеждении, что уничтожение русской армии *вообще* невозможно вследствие неограниченных отступательных возможностей на восточном фронте. Вследствие этого он упустил единственно верный, во всяком случае, чрезвычайно выгодный момент для нанесения уничтожающего удара. Ход событий показал, что если бы главнокомандующий на востоке имел уже 11-го ноября, кроме своих 11 дивизий, еще 7 новых, предназначенных к переброске с западного фронта, то едва ли можно было бы сомневаться в катастрофическом исходе данной операции для русских, в частности, потому, что у Лодзи им был нанесен неожиданный фланговый удар.

Гинденбург решил нанести этот удар даже без подкреплений с западного фронта. Людендорф проявил в этой операции высокое искусство в организационном и тактическом отношениях. 9-я армия и части 8 армии были переброшены по железной дороге в течение немногих дней в район южнее Торна с соблюдением полной тайны. Даже второочередные войска немецких восточных провинций, состоявшие из старших возрастов, были сведены в боевые соединения. Усиленная таким образом армия Макензена начала наступление на Лодзь, предшествуемая кавалерийскими массами. Образцовое взаимодействие командования и войск дало соответствующие блестящие результаты: северный фланг русской армии у Лодзи был разгромлен. Николай Николаевич своевременно понял опасность, угрожавшую его армии, и решительно направил подкрепления на правый фланг у Лодзи—Лович. После сильных боев, про-

должавшихся более недели и сопровождавшихся тяжелыми кризисами, немецкое наступление должно было приостановиться из-за недостатка сил. Немецкие дивизии, начавшие прибывать по частям с западного фронта во второй половине ноября, опоздали к решительному моменту и не смогли изменить обстановку. Цель Фалькенгайна была более чем достигнута: русская армия к середине декабря не только была приостановлена на всем фронте, но даже вынуждена была отступить; при этом и австро-венгерской армии, сильно теснимой южным флангом русской армии, удалось достичь в конце года (12. XII) блестящего и важного успеха у Лиманова. Боеспособность русской армии значительно пала; ее внутренняя организация, а также доверие к верховному командованию были потрясены. Но большие цели Гинденбурга—Людендорфа, направленные к уничтожению русского колосса, не были достигнуты; при этом все немецкие силы на востоке и стратегические резервы немецкого верховного командования сильно пострадали. Точно так же и западная немецкая армия была сильно потрясена атаками французов в декабре месяце (и позднее вплоть до февраля месяца) на всем фронте от морского побережья до южных Вогез. Эти атаки имели целью облегчить положение русских. В силу этого немецкое верховное командование подверглось серьезному испытанию, которое оно успешно выдержало, как в обороне, так и в наступлении. В противоположность этому, тяжелое поражение австро-венгерских войск в Сербии бросало опасную тень на австрийское верховное командование.

Обстановка в конце 1914 года.

Стратегические результаты, достигнутые центральными державами к концу 1914 г., не были, однако, удовлетворительными, несмотря на многие крупные тактические успехи; потери внутренних ценностей превышали внешние успехи. Правда, Зеебрюгге—Остенде, как базис на бельгийском побережье для проведения воздушной и подводной войны, были обеспечены; сомкнутость фронта на востоке и на западе была сохранена, при чем на западном фронте был обеспечен за собой Сен-Миель, вдававшийся клином во фронт противника и являвшийся

исходным пунктом на случай развития дальнейшего прорыва на этом фронте. Внутренние линии новой войны—железные дороги—были умело использованы для переброски войсковых масс с одного фронта на другой; продовольственный вопрос и другие вопросы по снабжению, а также эксплоатация больших неприятельских областей, важных в экономическом отношении, были удовлетворительно разрешены. Британский и русский флот был вынужден держаться вдали от немецких берегов, благодаря деятельности немецкого флота, подводным лодкам и минной опасности. Благодаря этому, морское побережье Германии было вне опасности от нападений противника; с другой стороны, это давало возможность поддержания сообщения со скандинавскими государствами по Балтийскому морю, что было важно для Германии. Требование адмирала Тирпица о направлении немецкого боевого флота для действий с целью воспрепятствования первоначальным большим переброскам английских войск во Францию, а также для борьбы с английским флотом, было признано, однако, слишком опасным и смелым. Наконец, Турция, вступившая в войну с сильно надорванными, правда, силами, после 6-тилетней борьбы, закрыла дорогу через Дарданеллы, чрезвычайно важную для снабжения русской армии. Но все это были лишь оборонительные успехи. В противовес этому, не только совершенно не удался основной план Германии и Австро-Венгрии, но также не было достигнуто французское, фландрийское побережье и Кале, несмотря на все жертвы. Кроме того, была утрачена возможность вести маневренную войну, что было очень тяжелой потерей. Немецкие начальники и войска были действительно основательно подготовлены только для маневренной войны. Насколько этот вид войны впитался в их плоть и кровь, и как высоко они превосходили французскую, русскую, британскую и бельгийскую армии в отношении совершения походов, гибкости, наступательной силы, а также в отношении взаимодействия высших и низших начальников, было доказано предшествующими боями на западе и востоке. Теперь немецкое командование лишилось своего главного козыря; немецкий фронт застыл в окопах; этот род войны отодвигал на задний план не только стратегическое, но и тактическое искусство, ставя в первую голову технику.

Германия и Австро-Венгрия превратились в тесно осажденную крепость, как на суше, так и на море, что, судя по опыту войн. было чрезвычайно опасным предзнаменованием.

Исходя из этого положения, следовало напрячь все силы. чтобы возможно скорее порвать с позиционной войной, ставшей необходимой для данного момента, вообще же являвшейся злом для немецкой армии, и снова перейти к маневренной войне на западном фронте. Конечно, это могло быть достигнуто только после осуществления решительного прорыва. Для этого нужны были твердая воля, вера в выполнимость и действительность прорыва, а также сосредоточение крупных сил из всех родов войск на решительных пунктах. Но в отношении твердой воли и веры в возможность выполнения решительного прорыва немецкий генеральный штаб, до его верхов включительно, давал неутешительные данные. Крупных сил, которые можно было направить для проведения прорыва, не было к тому времени ни на западе, ни на востоке; немецкая армия не могла также надеяться на более сильные пополнения, по сравнению с армиями Антанты, которые комплектовались со всех частей мира.

Такая оценка обстановки привела немецкий генеральный штаб к убеждению, что и на западном театре военных действий не может быть достигнута полная победа над противником. В силу этого было решено вести на западном фронте позиционную войну, сопровождая ее сильными, хорошо подготовленными ударами. Таким путем предполагалось настолько увеличить потери противника, которые и без этого были очень велики, чтобы он потерял боеспособность. В общем, Фалькенгайн сознательно, но не без колебаний, отказался от ведения наступательных стратегических операций на западном фронте и решил вести вместо них энергичную стратегию измора,—что заключало в себе внутреннее противоречие. Это решение было тем серьезнее и богаче последствиями, что оно должно было проводиться, повидимому, в течение продолжительного времени, возможно, нескольких лет, так как истекшие пять мес. войны можно было считать, судя по обстановке, лишь как начало войны. Если это решение выражало осторожность, желание сберечь немецкие силы, избавить их от чрезмерного напряже-

ния, а также нежелание рисковать, то, с другой стороны, надежда на благоприятное окончание войны, покоившаяся на этом способе ведения войны, была неосновательной, учитывая ясно проявленную волю западных противников к достижению победы. Это решение противоречило также учению великих полководцев и опыту ведения войн, в силу которых ни одна война, во всяком случае, современная, не оканчивалась иначе, как решительной победой. Далее, оно слишком низко оценивало превосходную боеспособность немецкой армии, покоившуюся на наступательном духе, по сравнению с численным превосходством противников. Наконец, оно еще более углубляло противоречие во взглядах немецкого верховного командования и главнокомандования на востоке. Гинденбург, Людендорф и Конрад считали не только возможной, но и единственно целесообразной наступательную стратегию на уничтожение, чтобы успешно закончить войну. При этом Конрад придерживался этого мнения, несмотря на то или, вернее, именно потому, что положение Австро-Венгрии было чрезвычайно опасным из-за постоянной угрозы ее тылу со стороны Италии. Немецкое командование на востоке считало нужным добиться сперва решительной победы на русском фронте, а затем—на западном фронте. Они и решили действовать в соответствии со своим взглядом, поскольку это позволяли средства, имевшиеся в их распоряжении. Воззрения же Фалькенгайна сводились к следующему: западный фронт является решительным; поэтому следует вести борьбу с таким напряжением, какое вообще возможно при обороне; характер войны на восточном фронте должен быть согласован с этой руководящей мыслью. Это противоречие во взглядах старших вождей немецкой армии никогда не было вполне выявлено, что делало его еще более опасным, так как некому было загладить или устранить его. Оно не дало возможности создать атмосферу взаимного доверия между главной квартирой и командованием на востоке, что означало постоянную и роковую стратегическую слабость центральных держав.

Первым результатом таких взаимоотношений явилось отсутствие единого командования у центральных держав, что уже давало себя чувствовать, в особенности в отношении ав-

стро-венгерских обособленных стремлений и требований, для преодоления которых, следовательно, не имелось соответствующего органа. Изменения положения по этому вопросу нельзя было ожидать и в ближайшем будущем отчасти потому, что исход операций на востоке и западе в 1914 г. не создал новому начальнику штаба верховного командования необходимого авторитета в глазах союзников Германии. Наоборот, посылка им корпусов, спешно сорганизованных из молодых и, следовательно, недостаточно обученных контингентов, под начальством престарелых командиров, во фронтальный бой во Фландрии против опытных английских наемников и испытанных французских полевых войск лишало Фалькейнгайна всякой надежды на народную любовь, несмотря на то, что в этом деле он лишь расплачивался за упущения своих предшественников по военному министерству.

В остальном нужно отметить, что в конце года Фалькенгайн обратил, естественно, свое внимание на усовершенствование и увеличение числа технических средств обороны, а также на вопрос поставки и обработки сырья, как тесно связанный с изготовлением технических средств обороны. Для разрешения этой задачи ему не удалось найти человека, обладавшего действительно организаторскими способностями, хотя и был подобран ряд способных сотрудников. Среди них особенно выделялось лицо, ведавшее развитием воздушного флота, приобретавшего все большее и большее значение. Нужно было предвидеть тот факт, что в техническом состязании, являвшемся следствием позиционной борьбы, преимущество будет на стороне держав Антанты, в виду того, что стремление к наживе побудило капитал всего мира работать на англо-французский фронт, открытый для подвоза; в особенности же существенной должна была быть помощь со стороны С.-Американских Соединенных Штатов, настроенных с самого начала войны в пользу англичан в лице своего президента Вильсона и других руководящих деятелей страны. Немецкие войска применялись к непривычной для них обстановке позиционной войны с известным искусством и добросовестностью, хотя и без воодушевления, не предполагая, к счастью, что им придется выполнять эту роль очень долго.

Здесь будет уместным ответить на вопрос о том, не могло ли немецкое верховное командование создать в конце 1914 года иной план войны, который мог бы обещать бо́льшие результаты и более соответствовал бы тяжелому стратегическому положению центральных держав, а также духу немецких войск, открывая вместе с тем с началом 1915 года возможность победоносного окончания войны.

Для этого прежде всего нужно было избрать такую цель боевых действий, которая могла бы увлечь как армию, так и народ. Такой целью мог быть призыв *к уничтожению англичан,* к которым в то время в народной среде проявлялась более горячая, глубокая, здоровая и справедливая ненависть, чем к французам и русским. Такое отношение к англичанам об'яснимо тем, что они выступили против Германии под самым лицемерным предлогом, лелея в глубине своей души грубую цель уничтожения немецкого соперника, ставшего им неудобным в силу своего трудолюбия и счастья в области торговли. Таким образом, лозунг—борьба не на жизнь, а на смерть с англичанами—мог бы зажигающим образом подействовать на немецкие сердца. Переводя это в область стратегических действий, можно было бы создать следующий стратегический план: оборона на востоке с минимальным количеством сил, а также на французском фронте. Учитывая, что русские были слабее подготовлены к войне, против них можно было бы вести активную оборону, удерживая занятые до того неприятельские области. Наоборот, против более сильных в наступательном отношении французов на фронте, обращенном на юг—Лаон—Верден,—можно было бы в случае нужды отступать шаг за шагом на подготовленные тыловые позиции. Благодаря этому французы были бы вынуждены расходовать свои силы и время на трудные операции по сближению и атакам, увеличивая при этом разорение своих собственных областей; это была бы, бесспорно, одна из труднейших и неблагодарнейших ролей, какую только можно было бы навязать французам. В то же время нужно было бы вести непрерывные атаки на всем английском фронте в виде больших и малых ударов, нападений, прорывов, направив в бой все лучшие сухопутные и воздушные силы, какие только можно бы-

ло бы собрать на западном и восточном фронтах. Одновременно с этим следовало бы вести наступление подводными лодками на пути подвоза английской армии, а также частные атаки боевым флотом на английское побережье. Первой целью всех этих действий было бы уничтожение британской армии, бывшей тогда еще лишь в состоянии организации, пополнения добровольцами и вообще в периоде создания; затем, второй целью было бы выполнение решительного прорыва, отделение английских войск от французских, оттеснение их к побережью и уничтожение. Учитывая не уменьшившуюся еще боеспособность немецких войск, потрепанность и неготовность английских войск, а также сравнительно слабое оборудование оборонительных позиций, надежда на возможность осуществления этих целей в 1915 г. не была бы преувеличенной, а, наоборот, вполне выполнимой. В случае удачи была бы выиграна война и обеспечен выгодный мир. Но если бы даже эта конечная цель не была достигнута в 1915 г. в силу переброски французских подкреплений, что, конечно, отразилось бы на силе их собственного фронта, то все же английская армия, теснимая в течение такого длинного периода времени, была бы настолько ослаблена, что не смогла бы предпринять решительное наступление в 1916 г., а может быть и никогда. Усиленная переброска новых, недостаточно обученных английских контингентов не могла бы изменить положения. Кроме того, непрерывное обращение за помощью к французам, а также неизбежное перемешивание французских и английских войсковых соединений разлагающе подействовали бы на враждебные армии и народы, недостаточно еще тогда спаянные. У английского народа, который к тому времени был далеко не единодушным, могло развиться желание заключить мир по соглашению. Немецкая же армия сохранила бы свой наступательный дух и наступательную технику, а на главном театре военных действий, подняв попутно и свое оборонительное искусство. Она была бы готова к разрешению дальнейших задач, которые возникли из обстановки 1915 г. и позднее на западном и восточном фронтах; предвидеть же определенно эту обстановку никогда не было возможности. *Уклониться* от этого немецкого наступления

английская армия не могла бы, так как у нее в тылу находилось морское побережье (участок Дюнкирхен—Булонь) на расстоянии, опасном в стратегическом и тактическом отношениях; оборона этого побережья составляла для английской армии жизненную задачу.

Переходя к рассмотрению действительной обстановки, а также решений к концу года в армиях Антанты, следует сказать, что они не имели никакого основания быть довольными достигнутыми результатами. Все их планы на западе и востоке, за единственным исключением неполного Марнского успеха, потерпели неудачу. Боеспособность их войск была значительно ослаблена. Армии держав Антанты тоже не были об'единены единым командованием, что, при большом количестве их составных частей, требовавших об'единения в пространстве, времени и намерениях, еще более чувствовалось, чем у центральных держав. Но армии и народы Антанты имели вполне понятную и определенную цель, воодушевлявшую все сердца и подкреплявшую командование армиями противника в его стратегических и тактических действиях, а именно — изгнание ненавистного противника с франко-бельгийской и русской территории при помощи наступления. При этом силы Антанты постоянно росли, благодаря притоку английских войск из колоний, в том числе и Восточной Азии, включая цветные войска из чернокожих и др. туземцев. Кроме того, в лице лорда Китченера Англия имела военного министра и организатора, обладавшего железной волей и большой проницательностью в отношении продолжительности войны; это был именно тот человек, который, если бы ему было дано время, мог бы создать из небольшой английской армии мирного времени большую, боеспособную полевую армию, снабдив ее всеми необходимыми техническими средствами наравне с французской армией. Если все эти данные укрепляли волю и дух армий, то, с другой стороны, государственные деятели Антанты сумели тесно связать воюющие державы Антанты в политическом отношении, заключив Лондонский договор (6/IX, 1914). Этим договором было обусловлено железное требование не заключать сепаратного мира. Кроме того, державы Антанты сумели усовершенство-

вать и сделать еще более острым оружие прессы, которое в их руках было и без того ядовитым и опасным с самого начала войны. Поход клеветы, поддерживаемый неограниченными средствами, имел целью пробудить и развить ненависть среди народов Антанты и нейтральных стран против немцев, немецкой армии и вообще всего немецкого, скрыть и замаскировать свои собственные захватнические военные цели, выдвигая лозунг борьбы против немецкого империализма и милитаризма, а также за свободу самоопределения народов, демократию, справедливость и право. Французское верховное командование, правительство и пресса превзошли вскоре англичан своей нечистоплотностью, в частности, называя своего в высшей степени храброго немецкого противника позорной и преступной кличкой «бош». Этому ужасному оружию, имевшему вполне определенную цель, немецкое государственное искусство, более моральное, но и менее гибкое, не смогло ничего противопоставить такого, что могло бы парализовать его. Народы Антанты постоянно и настойчиво осведомлялись прессой об огромной опасности поражения в мировой войне, связанного с возможным прекращением их существования, как государств, потерей мирового положения, а также экономических завоеваний и надежд. Попутно с этим постоянно подогревалось чувство национального долга и самопожертвования. В то же время правительства центральных государств держали в тесных рамках свою прессу и убаюкивали свои народы удобным, но опасным убеждением, что борьба и победа является исключительным делом армии и ее вождей, а также, что существованию центральных держав, в частности, Германии не угрожала никакая опасность. Благодаря этому небольшая часть населения, как в Германии, так и в Австро-Венгрии, проявлявшая уже и до войны признаки разложения, стала склоняться на путь национального безразличия и эгоистического использования войны.

Итак, к концу 1914 года обстановка в стратегическом отношении давала следующую картину. На западе и на востоке миллионные армии застыли в двойных линиях окопов, растянувшихся на многие сотни километров, что представляло собою новую, никогда не существовавшую боевую об-

становку, для господства над которой потребовались новые стратегические мысли, технические средства и тактические боевые методы. Без сомнения, положение центральных держав, блокированных в полном смысле этого слова духовно и физически, в военном и экономическом отношениях, было значительно более опасным и тяжелым, чем держав Антанты; но оно, однако, не было ни безнадежным, ни отчаянным. В общем же, немецкое верховное командование было поставлено к 1915 году перед разрешением серьезнейших задач, учитывая в особенности тот факт, что в 1915 году должна была оживиться наступательная воля противников, число которых должно было еще увеличиться. Было ли немецкое командование на высоте своего положения, сумело ли оно так повернуть обстановку, чтобы не только уменьшилось невыносимое давление противника, но и улыбнулась бы спасительная надежда на победу, покажет следующий год войны. Боеспособность союзной австро-венгерской армии должна была сыграть при этом важную роль.

Стратегическая оценка

1915 года.

Первым более или менее значительным вопросом, подлежавшим разрешению в 1915 г., была необходимость использовать 4 новых немецких корпуса, тщательно подготовленных, укомплектованных лучшими немецкими контингентами и командирами. Начальник штаба немецкого верховного командования, верный своему основному плану войны, решил нанести при помощи их первый сильный удар на западном фронте. Но тяжелое положение Австро-Венгрии, карпатской границе которой все более и более угрожали русские, не улучшалось, несмотря на то, что на поддержку австро-венгерской армии были переброшены значительные немецкие части, вошедшие в состав южной армии. Это побудило Фалькенгайна воздержаться от нанесения удара на западном фронте. Конрад предложил план крупной операции на востоке с заманчивой целью не только освободить крепость Перемышль,

осажденную русскими, и избавиться от дальнейших попыток вторжения русских, но и нанести решительный удар на русском фронте. С этой целью предлагалось атаковать одновременно фланги русского расположения на венгерской и восточно-прусской границах: армейской группой Конрада из австро-венгро-немецких войск—на Тарнополь — Львов; другой, немецкой группой Гинденбурга—в направлении на Лиду—Гродно, сковывая центр русского расположения одновременным наступлением на фронте. Немецкое командование на востоке одобрило этот план уже по одному тому, чтобы облегчить тяжелое внешнее и внутреннее положение Австро-Венгрии. Кроме того, все данные говорили за то, что австро-венгерскому и восточному немецкому фронтам грозило новое наступление русских. Наиболее выгодным представлялось встретить это наступление своим контр-наступлением, перебросив соответствующие подкрепления с западного фронта для выполнения дальнейших ударов, обещавших хорошие стратегические результаты. Фалькенгайн же не верил в возможность достижения таких результатов тем более, что ему казалось невозможным дальнейшее обнажение западного фронта. Кроме того, он сомневался в успехе этой операции в силу большого расстояния, в 500—600 клм., между обоими наступающими группами, а также в виду того, что не верил в наступательную способность австро-венгерцев, которая была необходима для проведения зимнего горного похода. Но еще менее он разделял общераспространенный взгляд, что новая немецкая победа на востоке ослабит боевую волю западных держав и заставит их пойти на соглашение. Немецкое командование на востоке также не верило в достижение такого результата. Наконец, Фалькенгайн ясно сознавал, что направление немецких армейских резервов на восток влекло за собой отказ от решительных действий на западе на долгое время. Несмотря на все эти серьезные сомнения, Фалькенгайн, однако, согласился с предложением Гинденбурга и Конрада, боясь гибели австро-венгерского карпатского фронта. С этой целью он отдал в распоряжение Конрада немецкие дивизии, бывшие на карпатском фронте, а Гинденбургу для литовской операции—не сильные, правда, части с западного фронта, но

все же 4 корпуса армейского резерва. (Три новых и один старый эльзас-лотарингский западный корпус в обмен на новый).

Этим решением начальник штаба верховного командования дал себя увлечь на наклонную плоскость внешних уступок и внутренних колебаний, а с ними и на путь полумер. С одной стороны, это решение не вязалось с планом действий Фалькенгайна, а с другой, планы командования на востоке, которое твердо держалось своих стратегических замыслов, не были удовлетворены в достаточной мере.

Австро-венгерский карпатский фронт должен был и мог держаться оборонительно, как это подтвердили события конца зимы 1915 г., при помощи переброски дальнейших подкреплений из других частей фронта австро-венгерской армии и из состава восточной немецкой армии, а также при условии более полного напряжения сил Австро-Венгрии, которое соответствовало бы ее серьезному положению. В этом случае не потребовалась бы переброска на восток немецких армейских резервов, предназначавшихся для нанесения удара на западе. Относительно того, что *немецкий* восточный фронт может устоять против русских атак, не было сомнений. Выявление нового вида борьбы за западную или восточную ориентировку, а также уступки Фалькенгайна свидетельствуют в известной степени о том, что план войны Фалькенгайна не имел цельности и убедительности, раз он вызывал противоречие и соревнование со стороны других планов, имевших своей целью уничтожение противника.

Полумере в решении соответствовал и полууспех исполнения. На юге австро-венгерское наступление, как и можно было ожидать, приостановилось в феврале после некоторого первоначального успеха. На севере Гинденбург—Людендорф снова достигли в зимнем сражении у Мазурских озер наивысших результатов, каких вообще можно было достичь с ограниченными средствами: одухотворенный замысел (связь прорыва на юге и охват на севере) и внезапное энергичное выполнение. Их войска преодолели все ужасы зимней кампании с удивительной выносливостью. В результате опять была уничтожена целая русская армия. Восточная Пруссия бы-

ла совершенно освобождена от противника,—в этом случае навсегда; большое контр-наступление русских в марте, организованное огромной энергией Николая Николаевича и направленное на весь участок фронта немецкой восточной армии совернее Вислы, начиная от Варшавы, было приостановлено, несмотря на трудность положения. Зимнее сражение в Мазурских озерах не могло быть использовано в стратегическом отношении при помощи наличных сил; разгром русского фронта по Висле, о чем втайне мечтали, не был достигнут; тем не менее слава двойного созвездия на востоке засияла новым ярким блеском. Немецкое верховное командование должно было примириться с тем фактом, что к этому моменту на востоке не только были закреплены 4 корпуса армейского резерва, но и что эти корпуса, как и другие немецкие войска на востоке, были сильно потрепаны после нескольконедельных тяжелых боев. Кроме того, эти бои, сильно затрудненные временем года и климатом, велись из-за целей, далеко выходивших за те пределы оборонительной войны, которых предполагалось придерживаться на востоке по плану Фалькенгайна. Немецкое верховное командование могло утешать себя лишь тем, что и русские войска понесли тяжелые потери.

В то время, как на немецком северо-восточном фронте шла борьба в духе активной обороны, которую первоначально предполагалось вести на западном фронте, немецкая западная армия должна была выдержать в марте месяце первое большое наступление французов в *Шампани* и англичан *в Артуа*.

На стороне противника было несколькократное превосходство в силах. Наступление союзников было выполнено с громадной энергией при поддержке значительно усиленной тяжелой артиллерии. К счастью, французы вели схематическое и без'идейное наступление по типу маневренной войны; английские же атаки отличались своей неумелостью и тяжеловесностью. Наступление французов и англичан было предпринято с целью облегчить положение русского фронта. Немецкая армия выдержала это наступление с честью благодаря блестящей храбрости войск, хотя и не без опас-

ных кризисов, которые были устранены искусной переброской незначительных местных резервов, что, конечно, сильно их потрепало. В силу недостатка армейских резервов немецкая западная армия была лишена какой бы то ни было возможности нанести противнику контр-удар, благодаря которому только и можно достичь успеха, выходящего за пределы чистой обороны и подрывающего в корне силы противника. В остальном немецкие войска, как и их противник, начали усиливать свои окопы, руководствуясь опытом последних боев. Органы командования стали подгонять оборонительные и наступательные методы ведения боя в тактическом и техническом отношениях к изменившейся обстановке, все ближе и ближе принимавшей характер крепостной войны.

Далее, державы Антанты произвели нападение на Дарданеллы. Это побудило турок к сосредоточению всех сил на Галлипольском полуострове и к отказу от дальнейших предприятий против Суэцкого канала, поглотивших такое количество турецких боевых средств, что это обстоятельство, при общей бедности Турции этими средствами, грозило ей опасностью.

Все эти обстоятельства доставили новые заботы немецкому верховному командованию тем более, что подвоз в Турцию был крайне затруднен поведением Румынии. Тем не менее, храброй турецкой армии была оказана возможная при таких обстоятельствах поддержка сухопутными и воздушными средствами борьбы, подводными лодками, боевыми припасами и сырьем. Опасения в отношении Турции были в значительной степени ослаблены надежной и энергичной боевой деятельностью турецкого военного министра и главнокомандующего Энвера. Но вслед за этим Фалькенгайну пришлось принять определенное и трудное решение в отношении военно-политических вопросов, связанных с возможным выступлением Италии и ведением подводной войны. Он решил посоветовать Австро-Венгрии отказаться от южного Тироля, говорящего по-итальянски. По другому вопросу он дал свое согласие на расширение подводной войны против торговых судов. К этому его склонили определенные краткосрочные обещания начальника морского генерального штаба относительно действитель-

сти нового морского оружия, возросшего тем временем численно и вообще усилившегося. При этом не было сомнений, что расширение сферы подводной войны, вызванное необходимостью самозащиты, будет постольку превратно истолковано англичанами в отношении его допустимости, поскольку англичане вообще злоупотребляли международным правом (война на измор, постановления в отношении запрещенных товаров, нарушение прав нейтральных стран). С другой стороны, было не менее ясно, что расширение подводной войны создавало угрозу взаимоотношениям между Германией и Соединенными Штатами.

Таким образом, и без того не малый круг забот начальника штаба немецкого верховного командования расширялся с каждым месяцем; средства же борьбы, имевшиеся в его распоряжении, не увеличивались тем же темпом. Пополнения, которые были даны Германией и Австро-Венгрией своим армиям, были достаточны до апреля 1915 г., лишь для того, чтобы поддержать существовавшее на западе и на востоке невыгодное соотношение сил, приблизительно, как 3 : 4. Как Германия, так и Австро-Венгрия должны были призвать значительно более старые контингенты, чем Россия и Англия. Кроме того, превосходство западных держав в отношении боевых материалов, главным образом, за счет американских поставок, росло с каждым месяцем в такой мере, что соотношение их становилось несравнимым, несмотря на все усилия Германии. В силу высокой, но обоснованной веры в превосходство немецких войск в отношении боеспособности, что подтверждалось предыдущим боевым опытом, немецкое верховное командование приняло смелую меру в целях образования новых армейских резервов сперва на западе, а затем и на востоке. Эта мера состояла в том, что из каждой дивизии, стоявшей на фронте, имевшей 4 пехотных полка и снабженной сильными артиллерийскими и пионерными частями, было взято по одному пехотному полку и соответственному количеству других родов войск, из которых и были созданы новые трехполковые дивизии. Благодаря этой мере Фалькенгайн имел в своем распоряжении в апреле 1915 г. 14 новых дивизий из состава войск западного фронта. В общем, по

тому времени это был значительный армейский резерв, которым можно было нанести более или менее крупный удар на западе или востоке.

Наиболее выгодным было бы нанести этот удар *англичанам*, потому что английская армия была сильно расстроена после наступательных боев, вызванных стратегической обстановкой на других фронтах. Тяжелые потери этой армии старослужащими офицерами и солдатами были пополнены неопытными в боевом отношении первыми дивизиями Китченера, сформированными на основе более или менее добровольной вербовки. Новое немецкое оружие—удушливые газы—могло бы иметь особенно хорошее действие против этих дивизий. Возможно и весьма вероятно, что это был последний случай, когда можно было надолго расстроить неготовую еще английскую армию, собрав для нанесения ей решительного удара все наличные силы. Это наступление на суше превосходно совпало бы в стратегическом отношении и во всех отношениях взаимодействовало бы с усиленной подводной войной, ставшей к тому времени возможной. Но немецкий начальник штаба верховного командования не был больше свободен в своих действиях или, по крайней мере, думал, что у него нет свободы действий, чтобы нанести намеченный новый удар в том направлении, где могла бы быть причинена тяжелая, возможно, неизлечимая рана наиболее опасному противнику. Новое тяжелое положение австро-венгерской армии в Карпатах побудило его перенести центр тяжести операций на восток. Этому решению содействовало убеждение, вынесенное из февральских и мартовских боев и состоявшее в том, что немецкий западный фронт будет неуязвим в обороне и дальше, несмотря на новое организационное ослабление его.

На востоке, после жестокого поражения у Августова, Николай Николаевич решительно привел в исполнение свой план, имевший целью нанести на этот раз решительный удар австрийцам, как более слабому противнику, и проникнуть в венгерскую долину. Этот план был хорошо обоснован, в особенности в отношении воздействия на Румынию и Италию. Брошенные против австро-венгерского фронта русские войсковые массы были близки к достижению своей цели уже

в феврале—марте месяцах. Новая переброска немецких восточных войск (Бескидский корпус), принесших с собой наступательный дух и в Карпатские горы, покрытые снегом, устранила опасность. Но после падения Перемышля в марте месяце освободилась новая русская армия для наступления в Западную Галицию, так что к весне на этом фронте создалась снова серьезная опасность. Она увеличивалась ростом внутреннего разложения австро-венгерской армии, что было ясно всему миру, вследствие падения стойкости и перебежек на сторону противника чешских, южно-славянских и румынских контингентов. Это обстоятельство лишний раз подтверждало ошибочность политики Австро-Венгрии. Конрад смотрел на новые русские атаки с большим опасением. Кроме того, он боялся, что за русским наступлением немедленно последуют румынские, сербские и итальянские атаки. Чтобы обеспечить себя от этой опасности, он просил в свое распоряжение дальнейшие 10 немецких дивизий для направления их на австро-венгерский карпатский фронт; кроме того, Конрад опять начал проводить мысль об организации немецкого наступления в Литве с целью облегчения австро-венгерского фронта.

Фалькенгайн не верил в близость румынского и сербского наступления, а также не рассчитывал на возможность серьезной угрозы австрийско-юго-западной границе со стороны Италии до июня месяца. Но он считал стратегической необходимостью освободить австро-венгерскую армию от разрушительного давления русских армий на более или менее продолжительное время. Австро-венгерское командование было в подавленном состоянии в силу сложившейся обстановки. Требовалось вернуть ему духовную свободу и жизнерадостность на случай ведения назревавшей, повидимому, войны на два фронта—на восток и на юго-запад,—несмотря на все предложения, сделанные Австро-Венгрией Италии о территориальных уступках. Это и было причиной направления немецких армейских резервов, главным образом, на восток.

Причины, побудившие принять решение о переброске немецких резервов на восток, были бесспорно крупными. Но это решение было постольку роковым, поскольку английской

армии в 1915 г. предоставлялись время и возможность для беспрепятственного усиления и боевой подготовки. Эта чрезвычайно важная данная должна была бы привести к иному решению вопроса об устранении бесспорно критического положения на востоке. Теперь, когда и австро-венгерское командование считало свое положение критическим и совершенно определенно зависело от немецкой помощи, можно было добиться подчинения всего восточного фронта от Балтийского моря до румынской границы единому командованию в лице Гинденбурга, который пользовался высоким доверием не только у немцев, но и у австро-венгерцев. Затем, следовало бы возложить на Гинденбурга оборону всего восточного фронта наличными здесь силами. В то время ни у кого не было бы сомнений, что Гинденбург и его начальник штаба нашли бы средства и пути, чтобы еще раз укрепить австро-венгерскую армию, и справились бы с этой чрезвычайно важной и почетной задачей с обычной решительностью и предусмотрительностью. Этому способствовало бы также то обстоятельство, что и русская армия потеряла свой лучший состав, как начальников, так и солдат. Эти потери были заменены молодыми, недостаточно обученными контингентами; в силу этого было заметно падение упорства русских в наступлении и в использовании успеха. Кроме того, в русской армии были обнаружены первые признаки серьезного недостатка боевых припасов. Такое расширение ответственности и командной сферы Гинденбурга имело бы, между прочим, ту положительную сторону, что была бы использована неоценимая стратегическая и тактическая сила, воплощенная в командовании на востоке, в частности же, нашла бы более широкое применение удивительная работоспособность и жажда дела Людендорфа. Конрад мог бы получить почетную задачу ведения решительной борьбы против Италии, наследственного врага Австро-Венгрии. Фалькенгайн же, сохраняя в своих руках верховное командование, мог бы взять на себя ведение решительной борьбы на западном фронте при помощи всех сил, какие можно было бы еще почерпнуть в Германии.

Начальник штаба немецкого верховного командования избрал другой путь: он решил вести наступление на востоке. При

этом, конечно, не предполагалось вести наступление против флангов русской армии, так как это, по мнению Фальгенгайна, не обещало никакого успеха, между прочим, в силу громадности расстояния между этими флангами, при сравнительно небольших немецких силах. Вместо этого было решено организовать общее наступление австро-венгерских войск на русский фронт между Вислой (у Кракова) и Карпатами. Эта операция еще раньше рассматривалась Конрадом и была признана обещающей успех. Далее, Фалькенгайн решил сосредоточить руководство этой операцией в своих руках, переведя для этой цели главную квартиру из Шарльвилля в Плесс, вблизи австро-венгерской границы (Тешен). И на этот раз Фалькенгайн не стремился к достижению решительного прорыва, связанного с развитием удара против всей русской армии вправо и влево от пункта прорыва. Наоборот, он ставил лишь осторожную и ограниченную первую цель—поколебать и заставить отступить русский фронт южнее Вислы, выполнив частный прорыв у Горлицы. Второй целью наступления ставилось поражение на некоторое время, а в лучшем случае длительное ослабление наступательной силы русской армии при помощи уничтожения более или менее крупных войсковых частей и нанесения возможно больших потерь.

Первая цель была полностью достигнута, благодаря прекрасной подготовке операции австро-венгерским и немецким командованием на востоке, а также штабом армии Макензена, правильному выбору в тактическом отношении пункта прорыва, сохранению тайны, внезапности, большой ударной силе и храбрости войск, массовому сосредоточению тяжелой и наиболее тяжелой артиллерии и боевых припасов. Прорыв был проведен в первые дни мая. Русский фронт в Галиции был сломлен; Карпатский фронт был поколеблен и начал отступать на север в сравнительном беспорядке; южное крыло русской армии по верхней Висле также отступило. Внезапности прорыва содействовали в значительной степени атаки, с целью отвлечения внимания русских в районе дуги реки Вислы и, главное, в Литве, произведенные по распоряжению Фалькенгайна. Но командование немецкими силами на востоке (главная квартира в Лыке) организовало эти атаки в таком размере и вело с

такой решительностью (направление 6 пех. и кавал. дивизий на Митаву в конце апреля), что на крайнем севере, на ряду с 10-й армией, возникла новая немецкая армия (Неманская), естественной целью действий которой была нижняя Двина. В силу этого в мае не было возможности перебросить какие-либо силы с восточного немецкого фронта в район прорыва восточнее Горлицы. Тем временем, в середине и конце мая, было сломлено новое и упорное сопротивление, а также контр-атака русских на Сане. К последней трети июня прорыв во Львовском направлении был проведен так широко и глубоко, что южный фланг русской армии был фактически отделен от ее центра. Теперь можно было бы начать уничтожающее сбивание русской армии с флангов вправо и влево, *если бы* для этого имелись достаточные силы. Но 23 мая последовало об'явление войны Италией, несмотря на все усилия Бюлова. В силу этого австро-венгерская главная квартира была вынуждена направить все свои свободные силы на итальянскую границу. Немецкая главная квартира могла взять с западного фронта лишь немного дивизий. Они были направлены в армию Макензена, выполнявшую прорыв, несмотря на то, что на западе замечались определенные признаки нового франко-английского наступления с целью облегчения положения на других фронтах. Армия Макензена к тому времени с трудом увлекала соседние австро-венгерские армии. Таким образом, в конце июня и в начале июля армия Макензена, преобразованная тем временем в группу, должна была приостановиться, что было особенно вредно для успеха развития прорыва, и произвести перегруппировку своих сил с поворотом фронта на север, в направлении на Брест-Литовск. Со стратегической точки зрения такое захождение и переход на восточный берег Буга было бесспорно необходимым с той целью, чтобы охватить и отрезать русские силы, отступавшие на Брест-Литовск. Осуществление этого плана казалось невозможным в силу болотистой местности, что, правда, в дальнейшем не оправдалось.

Русское верховное командование использовало этот выигрыш во времени и пространстве, предоставленный ему в мае и июне—июле, для того, чтобы снова подтянуть свою карпатскую армию к центру и восстановить общий фронт. Кроме то-

то, это время было использовано на организацию упорного сопротивления в дальнейших отступательных боях. С этой целью было приступлено к оборудованию сильных тыловых позиций, разведанных и заложенных уже много времени тому назад. Для дальнейшего их усовершенствования было решительно привлечено гражданское население. Эти позиции тянулись на сотни километров от Волыни, через Польшу до Литвы. Николай Николаевич продолжал задерживать на месте выдвинутый вперед русский фронт западнее Варшавы. В силу этого Фалькенгайн надеялся достичь еще окружения крупных русских войсковых масс, направив новый удар севернее Вислы и Торна с целью прорыва русского фронта в этом направлении. Этот удар был организован немецким командованием на востоке. По местным условиям эту операцию можно было выполнить только западнее или восточнее укрепленной болотной теснины у Осовца.

В противовес этой операции Гинденбург определенно высказался за наступление восточнее Осовца через Ковно—Вильну на Минск, которое вело к глубокому охвату фланга русской армии. От этого наступления, намеченного в духе его стратегии на уничтожение, Гинденбург ожидал больших результатов и давно готовил его, соответственно группируя свои силы. Фалькенгайн высказался, напротив, за удар западнее Осовца, через Прасныш на Пултуск; наступление в этом направлении обеспечивало быструю и верную поддержку армейской группе Макензена, с трудом продвигавшейся на Брест-Литовск, в виду упорного сопротивления и контр-атак русских. Кроме того, этот удар не вел в безбрежное пространство, обещая, однако, возможность окружения русской Варшавской армии, что являлось бы крупным результатом в духе стратегии ограниченных целей Фалкенгайна. Насколько ненормально и своеобразно было положение, созданное 14 сентября 1914 г. в области командных взаимоотношений, доказывает то обстоятельство, что для разрешения этого стратегического конфликта пришлось обратиться к кайзеру, как номинальному верховному главнокомандующему (2-го июля, Познань). Но последний не мог решить этот вопрос с чисто стратегической точки зрения и скорее должен был исходить из личных мотивов. Кайзер имел

лишь двойной выход из этого положения: или высказаться за Гинденбурга и, таким образом, расстаться со своим начальником штаба и его планом войны, передав верховное командование Гинденбургу, или согласиться с Фалькенгайном, который только-что заслужил благодарность страны и доверие верховного главнокомандующего своей большой победой над русской армией. Вполне понятно, что он высказался за Фалькенгайна. Гальвицу было приказано нанести удар через Прасныш, что и было выполнено с 15 по 23 июля с таким же решительным начальным успехом, как и у Горлицы. Но этим решением не было устранено разногласие между главными квартирами в Лыке и Плессе, которое покоилось на глубоком стратегическом противоречии. Верховному командованию не удалось побудить командование востоком к полному отказу от литовско-курляндских наступательных операций и, взамен этого, быстрому продолжительному усилению армии Гальвица, что являлось необходимым для осуществления плана Фалькенгайна. Правда, к 13 августа пал весь Варшавский крепостной фронт русских по Нареву и Висле. Но русские армии успели отступить в последний момент на восток и тем избежали угрожавшей опасности окружения. Поэтому с 13 по 25 августа крупная операция Макензена—Гальвица, расчитанная на окружение, постепенно превратилась в фронтальное наступление с запада на восток против русских армий, медленно отступавших на линию Ковно—Брест-Литовск—Владимир-Волынский, с одной позиции на другую, и сохранивших сомкнутость фронта. Одновременно немецкое командование на востоке продвинуло неманскую немецко-австро-венгерскую армию вплоть до Двинска, на линию Фридрихштадт—Ковно, чтобы обеспечить операцию в Виленском направлении.

Из хода операций на восточном фронте до 25 августа отчетливо проявились два стратегических вывода. *Во-первых*, что, имея трехголовое верховное командование, нельзя достичь высоких стратегических результатов, даже в духе Фалькенгайна. Такое трехголовое командование фактически существовало в виду того, что Фалькенгайн должен был постоянно считаться с желаниями и взглядами начальника австро-венгерского генерального штаба, ему не подчиненного, а также был

вынужден регулировать трения с командованием на востоке, в виду расхождения планов на ведение операций. О том, был ли прав Фалькенгайн или Гинденбург в этом споре, мнения будут, конечно, всегда расходиться, потому что ответ на этот вопрос зависел и зависит от вероятных мероприятий противника, которым в данном случае нельзя было пренебрегать в отношении его стратегической проницательности и дееспособности. События с июля по октябрь 1915 г. не противоречат взгляду Фалькенгайна, что русское верховное командование уже давно предвидело возможность удара по правому флангу его армий и все время готовилось к нему. Русское командование, имевшее в своем распоряжении более работоспособные железные дороги и глубоко эшелонированные стратегические резервы, сумело бы уклониться от этого удара и в июле—августе с боем, а в худшем случае, организовало бы планомерное отступление. В силу этого Фалькенгайн считал, что наступление Гальвица на Прасныш наиболее соответствовало бы обстановке, если бы оно было проведено в середине июля, не 14, как было в действительности, а 20 дивизиями, и согласовано с операцией у Горлицы—Львов. Но как бы то ни было, сомнительное в деятельности верховного командования заключается в том, что оно не сумело провести в жизнь свое убеждение и волю. *Во-вторых,* ход боевых действий показал, что стратегия постепенных, слишком осторожных, ограниченных целей делала заранее невозможным использование чрезвычайно выгодных моментов с целью проведения операции на уничтожение. Если бы Фалькенгайн решил в принципе стремиться у Горлицы не только к местному, но и к решительному оперативному прорыву, следовательно, если бы он 2 мая перебросил и подвел бы к полю сражения с немецкого восточного фронта дальнейшие 8 дивизий и поставил бы за ними немецко-австро-венгерские кавалерийские корпуса, что было возможно, несмотря на все затруднения в отношении путей сообщения,—тогда русские не могли бы оказать сопротивление на Сане в мае месяце, что имело роковое значение в отношении развития немецких операций. В этом случае можно было бы использовать успех, достигнутый прорывом у Горлицы—Львов, в полной мере к концу июня со всеми вытекающими отсюда последствиями: окру-

жением русской карпатской армии и открытием пути на Брест-Литовск, в тыл главных сил русской армии. Таким образом было бы обеспечено достижение решительного успеха операции, учитывая к тому же, что и во время Горлицкой операции немцам все еще сопутствовало редкое боевое счастье, заключавшееся в том, что можно было читать радио-приказы по русской армии.

Хотя решительного результата и не было достигнуто, все же операция Фалькенгайна—Конрада дала к концу августа очень много, значительно больше того, что первоначально ожидалось. Русское давление на австро-венгерский фронт было устранено надолго. Наступательная сила русских была сильно ослаблена в силу огромных людских и материальных потерь. Положение русского главнокомандующего, наиболее враждебного к немцам и наиболее дееспособного, было поколеблено. Польша с крепостями по Нареву и Висле, значительная часть Литвы и Курляндии были завоеваны; Галиция была освобождена; даже Турция была оказана косвенная поддержка тем, что крупные русские силы, сосредоточенные в Одессе с целью организации нападения на Босфор, были втянуты в галицийский боевой водоворот. При этом опять было сильно поднято уважение к немецкому и австро-венгерскому оружию, что умерило опасный и воинственный пыл Румынии, подкрепив в то же время дух Болгарии, полезной немцам. Все эти результаты опять-таки были достигнуты только благодаря громадному напряжению немецких войск на востоке, состоявших, главным образом, из старших возрастов, а также усилиями западных дивизий, число которых возросло к августу до 12. Эти войска вели бессменную упорную борьбу в Праснышском направлении в течение 16 недель, захватывая одну сильную русскую позицию за другой. Вынужденные, наконец, перенести громадные трудности последующих маршей в пыли и в жару, по глубокому песку, при недостаточном питании и подвозе, они достигли предела своих сил.

Уже одно это обстоятельство должно было решительно побудить немецкое верховное командование к приостановке дальнейшего продвижения после падения Брест-Литовска (28. VIII). Но не менее настойчиво говорила о необходимости при-

остановки движения и оценка общего стратегического положения. План войны Фалькенгайна, как известно, ставил целью достижение *такого* ослабления боеспособности русских, чтобы можно было нанести решительный удар на *западе*. Это требование было в полной мере выполнено летним походом в России. Кроме того, Фалькенгайн готовил удар на юго-востоке против Сербии, для установления сухопутной связи с Турцией, боровшейся за свое существование на Галлипольском полуострове и сильно нуждавшейся в немецкой поддержке. Подготовка этого удара велась с начала августа, т.-е. со времени готовности Болгарии. Для проведения этой операции требовалось взять часть войск с немецкого восточного фронта. Другая часть этих войск нужна была Фалькенгайну для обороны на западе. Небольшие франко-британские атаки были отбиты. Они были проведены непосредственно после прорыва у Горлицы и имели целью облегчить положение русских. В данное время имелись признаки того, что готовились новые крупные атаки. Дальнейшее фронтальное следование немецких армий, ослабленных перебросками на другие фронты, за линию Ковно—Брест-Литовск—Владимир-Волынск, не обещало ни в коем случае новых крупных успехов, как результат прорыва или окружения. Кроме того, это движение вело в болотистую область Припяти и ея притоков, опять-таки прегражденную сильными, сплошными линиями окопов. Таким образом, теперь следовало подумать лишь о том, как бы найти на востоке такую линию, на которой можно было бы оказывать успешное продолжительное сопротивление минимумом сил против будущих русских атак не только в течение 1915 г., но и позже. Такой линией лучше всего могла бы служить линия крепостей и рек. Только-что захваченная линия Ковно—Брест-Литовск—Луцк (взят 31. VIII) удовлетворила бы этому требованию. Общий фронт этой линии равнялся 450 клм. Из них почти 300 клм. были настолько сильно прикрыты течением рек Немана и Буга, а также четырьмя крепостями: Ковно, Олита, Гродно (взята 4. IX) и Брест-Литовск, что русская армия не имела бы никаких надежд взять их обратно вследствие недостатка тяжелых крепостных орудий и мостового материала, после падения крепостей по реке Висле. При этом было безразлично.

где между Мемелем и Митавой немецкий фронт к северу от Ковно упрется в Балтийское море. Точно так же не имел значения и пункт соприкосновения немецкого фронта с румынской границей к югу от Луцка. Впрочем, и на этих участках фронта имелись удобные речные линии—Дубисса—Виндава и Стрипа или Золотая Липа. Севернее Ковно можно было бы также вести подвижную оборону. Если бы теперь—в конце августа—остановиться на позициях Неман—Буг, то можно было бы основательно оборудовать позиции между Гродно и Брест-Литовском еще в благоприятное время года, сделав недоступной Беловежскую пущу. Серьезной опасности противодействия со стороны противника нельзя было ожидать. По русскому образцу, но еще с большим правом, можно было бы энергично привлечь к этим работам местное население. Эти позиции были бы сильными в тактическом отношении. Их можно было бы долго удерживать сравнительно слабыми немецко-австро-венгерскими силами, состоящими даже из старших возрастных сроков, тем более, что за этой линией имелась развитая сеть железных и грунтовых дорог, которые облегчили бы войсковые переброски и подвоз материалов. Все более молодые возрастные сроки освободились бы для неограниченного использования их на западном и итальянском фронтах. Из предосторожности можно было бы оставить в тылу австро-венгерских позиций у Львова стратегический резерв из нескольких хороших немецких дивизий. Учитывая, что с помощью немецких жертв Австро-Венгрия была избавлена от русского давления, а с ним и от румынской опасности, а также, что одна из немецких армий готовилась к тому, чтобы принять на себя главную тяжесть по устранению сербской, а с ней и юго-славянской опасности, можно было, наконец, по праву *потребовать* подчинения всего восточного фронта единому командованию Гинденбурга при сохранении обоими кайзерами номинального верховного командования. Если бы это произошло, то обеспечение тыла Германии на востоке ко времени решительной борьбы на западе в 1916 г. находилось бы в непоколебимо сильных руках.

Решение, которое надлежало принять в конце 1915 года, имело роковое значение для войны не только по стратегиче-

ским, но и по политическим соображениям. Теперь настал момент, который, пожалуй, до сего времени не представлялся, для проявления руководителем немецкой политики своего влияния с целью согласования на востоке военных целей с политическими. Политической же целью на востоке было обеспечение немецких и австро-венгерских границ от вторжения русских, но не завоевание русских земель. Чтобы показать и друзьям и врагам, что эта политика была серьезной и честной, не было более убедительного средства, как приостановка теперь немецкой армии на Немане и Буге, т.-е. на границах конгрессовой Польши, и ведение в дальнейшем чисто оборонительной войны на востоке. Против такого образа действий не могло бы возникнуть никаких подозрений и клеветы. Кроме того, сознание, что Германия и Австро-Венгрия не стремились к захвату русской территории, успокаивающе подействовало бы на русскую армию и народ, воинственность которых и поддерживалась именно обвинением в этом. Боевое настроение русских упало бы, их воля была бы сильно поколеблена, что, в свою очередь, содействовало бы стремлению заключить мир законным или революционным способом.

Для всего дальнейшего хода войны роковым был тот факт, что Фалькенгайн отказался от своего решения, фактически принятого им в конце августа и уже изложенного было в приказе, относительно остановки на Буге и отдал распоряжение о дальнейшем продвижении центра немецкой армии на 150 клм. Эта операция, доведенная до линии Пинска, потребовала новых трех недель времени. Фалькенгайн полагал, что это движение является преследованием русских войск, расстраивающим их силы. На самом же деле, это продвижение вылилось в ряд новых, утомительных и богатых потерями атак против ряда хорошо оборудованных русских позиций. Обороняя упорно эти позиции, русские вместе с тем несли незначительные потери. Таким же неудачным было одобрение, против своих убеждений, плана Конрада и командования востоком относительно наступления на юге и на севере. Фалькенгайн сильно сомневался в боеспособности австро-венгерской армии. Как и раньше, он не верил в возможность достижения решительного успеха при помощи операции в направлении на Вильну.

Тем не менее он предоставил в распоряжение Гинденбурга и Конрада немецкие и австро-венгерские части, которые они просили. Для Конрада эти части были необходимы для осуществления последней попытки нанести решительный фланговый удар южному флангу русских через Луцк на Ровно. Немецкое же командование востоком настаивало на переброске подкреплений для проведения удара в тыл к востоку от Вильны, в направлении на жел.-дорож. узел Минск—центр русской боевой силы. На этом плане особенно настаивал Людендорф, все время упорно подготовлявший этот удар.

Результатом этих решений было прежде всего то, что силы центра немецкой восточной армии были окончательно истощены и что сербский поход был отложен на зиму, т.-е. на самое неблагоприятное время на этом театре военных действий. Кроме того, немецкие войска, достигшие линии Сморгонь—Рафаловка, должны были теперь, в наиболее неблагоприятное время года, создавать оборонительные позиции, которые не были прикрыты ни укрепленными пунктами, ни речными линиями. Наступление же Конрада потерпело неудачу, главным образом вследствие плохого ведения операции высшим и низшим австро-венгерским командным составом. Эта неудача была сопряжена с тяжелыми потерями и показала всему миру, особенно же русским, что австро-венгерская армия не только неспособна более к наступлению, но и к обороне без немецкой поддержки, которая и в этом случае оказалась сейчас же необходимой. Но и наступление 10 армии Эйхгорна на севере, выполненное с большой силой и решительностью, должно было приостановиться вследствие контр-атак превосходных русских сил, хотя немецким кавалерийским массам и передовым частям пехоты и удалось проникнуть до Вилейки, в 80 клм. от Минска. Командование востоком вынуждено было отвести свой выдвинутый фланг на линию Сморгонь—Двинск и занять, как и Конрад, оборонительные позиции на более или менее длительное время (25. X). Итак, надежда на возможность достижения крупной победы на севере фланговым и тыловым ударом не оправдалась. Она и не могла быть осуществлена наличными немецкими силами против бдительного и сильного противника.

Таким образом, блестяще начатый поход на востоке в 1915 г. закончился, в конечном результате, на севере небольшим, а на юге сравнительно крупным успехом русских. Войска немецкого восточного фронта также были истощены до крайнего предела и должны были создавать для себя позиции в ноябре и декабре, т.-е. среди зимы. Эти позиции были, правда, хорошо прикрыты рекой Двиной, ниже Двинска, но между Двинском и Сморгонью являлись крайне недостаточно оборудованными. Новая уступка Фалькенгайна не только не привела к улучшению, а наоборот, к обострению взаимоотношений между главной квартирой и командованием на востоке, сопутствуемому возбужденной перепиской. При этом ясно обнаружилось, что Гинденбург и Людендорф не были ни достаточно осведомлены об обстановке на западном фронте, ни склонны отдать предпочтение западному фронту перед восточным. Точно также и взаимоотношения с Конрадом не улучшились, так как после австро-венгерской неудачи у Ковеля—Луцка Фалькенгайн обусловил немецкую поддержку подчинением части австро-венгерского фронта немецкому генералу Линзингену. Не могло не вызывать сомнений и перенесение командованием востока стратегического центра тяжести на север, выявившееся вскоре в форме перевода его главной квартиры в Ковно: с этим была связана также военная и политическая ориентировка на Двинск, Ригу, Лифляндию и Эстляндию,—и, даже, в особенности для непосвященных кругов, на Петроград и далее.

Само собою понятно, что время шестимесячного наступления центральных держав на востоке с целью обезвреживания русских было использовано западными противниками. Французы, англичане и итальянцы сделали крайние усилия, чтобы облегчить положение русских, в частности, чтобы прорвать фронт австро-венгерских войск Конрада на Изонцо и в Тирольских горах. В силу этого Конрад был вынужден отказаться от своих наступательных планов. Атаки в мае, июне и июле месяцах означали лишь прелюдию к более серьезным боевым действиям. Наконец, в конце сентября последовало франко-британское наступление в Артуа и Шампани [1]), имевшее целью за-

[1]) Осеннее сражение.

хватить немецкую армию в клещи. Подготовка этого наступления была доведена до наивысшего предела, как в отношении численного состава войск, так и материальных средств. Тактическая и стратегическая цель наступления была очень высокой, а именно—изгнание немцев с франко-бельгийской территории. Рассматривая это наступление с стратегической точки зрения, нужно признать, что оно было предпринято очень поздно. Но еще до того немецкое верховное командование пережило первое горькое разочарование в виду отказа немецкого канцлера от подводной войны против неприятельского торгового флота, предпринятой слишком рано и недостаточным количеством подводных лодок. Для Англии же и Вильсона эта немецкая неудача была большим триумфом. Кроме того, в период междуведомственных переговоров ясно проявилось безнадежное разногласие относительно работоспособности и характера применения нового оружия морской войны между семью руководящими деятелями морского ведомства—кайзером и его начальником морского кабинета, рейхканцлером, государственным секретарем по морским делам, начальником морского генерального штаба и командующим флотом, наконец, начальником штаба верховного командования. Дипломатические переговоры с Соединенными Штатами обнаружили, кроме того, нескрываемо-враждебное и воинственное поведение президента Вильсона, а также боязливость и неуверенность немецкой дипломатии, которым резко противоречило непоколебимое и сознательное в отношении цели и силы поведение британского правительства в вопросах морской войны. Немецкий западный фронт, в распоряжении которого имелись лишь очень незначительные резервы, выдержал могучее массовое наступление противника, длившееся с 21 сентября по 20 октября, т.-е. целый месяц. Со стороны Антанты на этом фронте участвовало три четверти французской и значительная часть английской армии, после окончания высадки дивизий Китченера,—в общем, 61 пехотная дивизия, при 5000 орудиях и 15 кавалерийских дивизий. Немецкая западная армия выдержала наступление противника без существенных территориальных потерь; вообще эта операция составляет одну из славных страниц немецких вождей и войск. Франко-английская армия, не-

смотря на всю ее храбрость и самопожертвование, не только не достигла желанного большого успеха, но понесла в действительности тяжелое поражение. Причина неудачи противника кроется в том, что Жофр и Френч опять направили в наступление массы своих войск только на 2 пунктах, вместо 3 или 4, т.-е. они массировали свои войска на узком пространстве, что тактически стало невыгодным, учитывая действительность современного оружия, в особенности пулеметов. Немецкая западная армия устояла в этом сражении, длившемся месяц и сопровождавшемся тяжелыми кризисами, будучи поддержана резервами, своевременно прибывшими с востока, а также подкреплениями, переброшенными со всех частей фронта. Но напряжение и жертвы войск первой линии были так велики, что нервная сила западной немецкой армии была потрясена до крайнего предела. И как ни гордо эта армия, от солдата до старшего генерала, смотрела на свой несломленный фронт, все же она была лишена последней радости: она не дождалась, чтобы в ее поредевшие и утомленные ряды прибыли свежие немецкие резервы и нанесли наступавшему противнику такой контр-удар, который лишил бы его желания, смелости и силы возобновлять свои атаки. Но если бы немецкое верховное командование 13 августа, т.-е. в тот день, когда оно сознало, что дальнейший прорыв и окружение на русском фронте невыполнимы, приостановило движение своих войск на Немане и Буге и немедленно начало перебрасывать на западный фронт дивизии, годные для борьбы на этом фронте, то к концу сентября в распоряжении верховного командования имелось бы достаточно резервов, чтобы нанести решительный контр-удар. Этот контр-удар можно было бы или направить против англичан, которые на этот раз были несколько счастливее в отношении территориальных приобретений и вместе с тем не пострадали в такой мере, как французы, или организовать его в Артуа и Шампани. Тогда на востоке и западе было бы достигнуто необходимое и возможное в стратегическом отношении. К этому вскоре добавился бы новый решительный удар против Сербии. Его можно было выполнить в сентябре месяце, т.-е. в благоприятное время года.

Поход против Сербии имел целью разбить сербскую армию для того, чтобы открыть сухопутное сообщение с Константинополем через Белград, Ниш и Софию. Этим ударом Болгария была вынуждена окончательно связать свою судьбу и свои мечты о великодержавности с центральными державами, что явилось крупной победой немецкой дипломатии. Этот успех был достигнут главным образом благодаря победе союзных войск на восточном фронте и уступчивости Турции в отношении территории на р. Марице, которую Болгария требовала до заключения союза. Поход против Сербии являлся смелым предприятием, как вследствие того, что для его проведения потребовалось дальнейшее значительное ослабление западного фронта, и так уже находившегося в затруднительном положении, так и потому, что опасность в тылу Болгарии со стороны Румынии и Греции не была вполне устранена, несмотря на отзывчивость турок в отношении выдвижения войсковых заслонов в этих направлениях. Но выполнение этой операции не представляло опасности для Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, в виду большого превосходства их в силах (приблизительно, как 3 : 2) и боевых средствах. В числе последних были тяжелые орудия и минометы; было ясно, что сербская армия, ослабленная боями и эпидемиями, едва ли сможет выдержать действие этих новых для нее видов оружия.

Итак, этот поход должен был иметь целью уничтожение сербской армии. Идеальную предпосылку для этого давало развертывание немецко-австро-венгерских боевых сил на северной границе Сербии, а болгарских—на восточной ее границе, чем обеспечивался заблаговременный стратегический охват сербской армии. Действительно, надежда на уничтожение сербской армии существовала, но не была достигнута. Главным образом, в силу многоголового управления союзными войсками—Плесс, Тешен, Теменшвар — Семендрия (Макензен), София. После длинных переговоров было достигнуто назначение номинального главнокомандующего в лице немецкого генерала Макензена, что, впрочем, было поставлено болгарами условием их содействия. Достижению конечной цели помешало, кроме того, стремление обеспечить и гладко про-

вести операцию в ущерб смелости в стратегическом отношении. В противном случае можно было бы нанести сербской армии смертельный удар на Косовом поле, сделав южную болгарскую армию (2-ую), которая, собственно, и предназначалась для охвата и нанесения удара в тыл, значительно сильнее северной болгарской армии (5-ой), выдвинувшейся фактически в затылок немецкой армии Гальвица в октябре месяце. Усиление 2-й болгарской армии следовало провести, несмотря на все железно-дорожные и вообще дорожные затруднения.

Тем не менее этот поход, тщательно и давно подготовленный немецким и австро-венгерским командованием, а также удачно начатый трудным переходом через Дунай на виду у противника, дал тот результат, что в течение 6 недель сербская армия была разбита или взята в плен; остатки ее, без артиллерии и обозов, были вытеснены на албанскую территорию. Следовательно, военно-политическая цель была достигнута. Турция вышла из состояния изолированности и избавилась от Дарданельской опасности. Австро-Венгрия освободилась от постоянной опасности с тыла и фланга, а также смыла позорное пятно, состоявшее в том, что до сих пор не был наказан наиболее зловредный зачинщик войны. Наконец, этот успех усилил изолированность России. Завоевание всей Сербии дало, кроме того, центральным державам желанный прирост материальных средств разного рода. Политическое значение и воздействие этого успеха было также велико, в особенности в отношении Румынии.

Центральные державы сумели сдержать свое слово, данное болгарскому союзнику, настолько блестяще, насколько позорно державы Антанты бросили на произвол судьбы своего старого сербского союзника в трудную минуту, ограничившись бесполезными нравоучениями, советами и пустыми обещаниями. К сожалению, в этом деле были и теневые стороны. 11 немецких дивизий снова оказались сильно потрепанными на сербских полях сражений, болотистых дорогах и горных тропинках. Кроме того, часть этих дивизий была прикреплена на продолжительное время к Македонскому фронту между Преспенским и Дойранским озерами. Слабые атаки фран-

ко-английских войск на Велес с целью оказания помощи сербам были отбиты еще в ноябре месяце. При этом войска Антанты были отброшены на свои основные и давно оборудованные позиции у Салоник. Таким образом, на этом фронте к концу года возникли сильные болгаро-немецкие позиции. Они тянулись вдоль границы Греции, нейтралитет которой центральные державы сознательно оберегали в то время, как державы Антанты пренебрегали им, по своему истолковывая международное право. Фалькенгайн, несмотря на протест Конрада, отказался от атаки сильных франко-английских позиций у Салоник, как в силу серьезности этой операции самой по себе, так и потому, что она была связана с почти непреодолимыми затруднениями по подвозу продовольствия и боевых припасов. Но важнейшую роль в этом вопросе сыграли военно-политические причины. Для Германии было выгодным, чтобы болгарская армия возможно дольше удерживала сербскую территорию, имея, кроме того, перед собой дальнейшую цель действий—Салоники, и, таким образом, приковывала бы к этому фронту крупные силы Антанты, что ослабляло ее западный фронт.

С сербской операцией закончился год тяжелых боев на востоке и западе; львиная доля успеха в них принадлежала немецким войскам. Но эти бои потребовали такого напряжения и таких потерь немецких войск, что нести их в течение долгого времени являлось невозможным. Поэтому пришлось отказаться от мысли использовать опять немецкие войска для зимнего наступления в горах (в январе) на тирольском и изонцском фронтах против итальянской армии, численность которой тем временем возросла почти до миллиона людей. Все без исключения немецкие войска—в том числе и части, участвовавшие в сербском походе—настойчиво нуждались в отдыхе, обучении и пополнении.

Обстановка к концу 1915 года.

Если сравнить военную обстановку конца 1915 года с положением центральных держав к концу 1914 г., то разница резко бросается в глаза. В 1914 г. немецкая восточно-прусская

граница и пограничная территория Австро-Венгрии были под непрерывной угрозой противника. К концу 1915 г. центральные державы были совершенно избавлены от этой опасности: сфера их влияния расширилась на востоке до Двины, Березины и нижнего Стыря, а на юго-востоке—вплоть до греческой границы. Кроме того, все фронты стратегического кольца, в котором находились центральные державы, держались так прочно, а противники были к этому времени настолько потрясены, что немецкое верховное командование могло рассчитывать на несколько месяцев передышки. Достоинство немецкого оружия стояло так же высоко, как и раньше. Но подводя итог стратегическому ходу событий за истекший год, начальник штаба немецкого верховного командования должен был притти к заключению, что его основной план войны—достигнуть на востоке лишь необходимого, а на западе, наоборот,—возможного,—был видоизменен в обратном порядке. Можно приписывать главную, если не исключительную вину за это Австро-Венгрии, которая не справилась со своими задачами в 1915 г. Тем не менее остается тот неприятный и опасный факт, что за это время английская армия выросла почти до размеров французской армии. Она настолько усилилась, что не только приняла на себя от французов довольно значительный участок фронта (до района южнее Арраса), но с этого времени стала решительно поддерживать, как оборонительно, так и наступательно, боевые предприятия французских войск. Поражение английской армии теперь было настолько же трудным, как и французской: неприятельское западное кольцо превратилось в цепь. С другой стороны, английское стремление к уничтожению противника не было поколеблено хотя бы потому, что немецкие сильные удары 1915 года были нанесены русским. сербам и отчасти французам. но не англичанам.

Далее, хладнокровные и рассчетливые государственные деятели Англии были убеждены, что чем больше ударов немцы наносили вокруг себя, тем скорее они должны были выдохнуться, в особенности, если не давать им передышки и лишить их всякого подвоза. Усиление Англии в военном отношении и их жестокие намерения были ясны немецкому

командованию точно так же, как и было известно решение английского правительства о введении всеобщей воинской повинности. Но немецкий начальник штаба верховного командования склонен был считать, что боеспособность французской армии ослабевала, боеспособность русской армии была глубоко потрясена, а сербской—уничтожена. Кроме того, он надеялся, что вскоре должны были произойти внутренние перевороты во Франции, России, а также в Италии. Наконец, он склонен был переоценивать немецкую дееспособность в отношении создания боевых средств, в особенности боевых припасов, не дооценивая в то же время возможности Антанты в этом отношении.

Несмотря на все эти предпосылки, трудно представить себе более тяжелую задачу, чем составление плана войны на 1916 г. Два громадных фронта нужно было удерживать оборонительно против превосходных сил противников; для наступательных операций на первое время в 1916 г. оставалось по расчету Фалькенгайна, в лучшем случае, 25 немецких дивизий, находившихся на западном фронте и внутри страны. На этот раз Фалькенгайн твердо решил использовать эти резервы на западном фронте. Принимая это решение, он руководился определенным и обоснованным сознанием, что в противном случае немецкий западный фронт не выдержит к 1916 г. нового неприятельского натиска, который без сомнения намечался. При этом Фалькенгайну пришлось преодолеть два серьезных стратегических соблазна. Во-первых, ему нужно было противостоять просьбе начальника штаба австро-венгерского верховного командования Конрада относительно предоставления в его распоряжение 8 немецких дивизий для проведения решительного, охватывающего наступления весной 1916 г. из Тироля в тыл итальянскому фронту на Изонцо. Конрад, оптимизм которого снова вырос, ожидал от этого удара быстрого, верного и решительного успеха, который должен был вынудить Италию заключить мир. Фалькенгайн оценил эту операцию трезвым военным и политическим взглядом и усомнился, как в обеспеченности, быстроте и значении успеха Австро-Венгрии, так и в возможности заставить Италию отказаться от раз начатой войны в виду ее полной за-

висимости в подвозе и финансах от держав Антанты, а также потому, что открытые берега и порты Италии находились во власти пушек Антанты. Второй—еще больший соблазн—сводился к тому, чтобы употребить главную массу немецких резервов для разгрома Румынии, организовав с этой целью решительное наступление немецко-австро-венгро-болгарских войск, и тем предупредить осуществление ее опасных намерений. Правда, политика Румынии была двуличной, подозрительной по своему характеру и вместе с тем очень опасной в стратегическом отношении в виду напряженного и порой критического положения на восточном фронте. Такое поведение румынского правительства вполне оправдало бы военную предупредительную меру против него. Затем эта операция обещала решительный успех в виду отсутствия боевого опыта у румынской армии, а также бедности ее в боевых припасах к тому моменту. Успех этой операции дал бы огромный результат в виде полной ликвидации опасности на востоке, не считая других выгод. Но серьезные военные, экономические и политические причины побудили Фалькенгайна отказаться и от этого, не менее соблазнительного и решительного наступательного плана. Основной причиной отказа от этих планов было то, что соотношение сил на западном фронте не позволяло направить немецкие резервы ни на итальянский, ни на румынский фронты, операции на которых затянулись бы на несколько недель, без риска, что немецкий западный фронт может быть прорван. Кроме того, Германия и Турция крайне нуждались именно в этот момент в обусловленных у Румынии четверным союзом (как и державами Антанты) продовольственных продуктах и нефти для поддержания своей физической и экономической жизни. Наконец, это соглашение о поставках, а также проявление большей, хотя и по-прежнему подозрительной, предупредительности Румынии после крупных успехов центральных держав против России, лишали немецкую дипломатию и верховное командование внешней причины, необходимой для пред'явления такого ультиматума, который мог бы обосновать об'явление военных действий.

Но что же можно было сделать на западе? Немецкие резервы были недостаточны для того, чтобы провести большой оперативный прорыв, подтверждением чему мог служить 1915 г. Небольшие же атаки и попытки прорыва не обещали никаких стратегических результатов. Точно так же по техническим и моральным соображениям нельзя было рассчитывать, что немецкие западные войска смогут удержаться, ведя лишь исключительно оборону на своих позициях, правда, усиленных бетонными сооружениями, но недостаточно эшелонированных в глубину, а потому не дававших возможности хотя бы некоторого отхода. Развитию системы позиций мешало принципиальное нежелание строить их и отсутствие достаточного количества рабочей силы. Кроме того, и при ведении оборонительной войны стратегические резервы верховного командования были бы скоро израсходованы, при чем без особой пользы. Но, с другой стороны, Фалькенгайн надеялся, что хорошего исхода войны можно достичь только нанесением франко-британской и русской армиям таких потерь, которые заставили бы державы Антанты отчаяться в возможности поражения немецкой армии. Он полагал, что на востоке русская армия может продолжать свои атаки против австро-венгро-немецкого фронта до тех пор, пока она, истратив свои силы, внутренне не разложится. Но на западе он считал во всяком случае необходимым предупредить удар врагов своим собственным ударом, чтобы таким образом ослабить всю остроту их удара. Он решил направить свой удар против французской армии, так как до апреля месяца не было возможности атаковать англичан вследствие болотистой местности на их фронте. Удар намечалось произвести в феврале месяце. Цель удара должна была быть ограниченной, соответствующей немецким силам, но вместе с тем обещающей успех. Такой целью для немецкого наступления был избран Верден. Фалькенгайн считал, что главнокомандующий французскими войсками пошлет все свои силы, чтобы предотвратить опасность для этого пункта, являющегося краеугольным камнем французского восточного фронта. В то же время немецкое командование сохранит в своих руках инициативу для того, чтобы или действительно серьезно продол-

жать наступление, или ослабить его, или совсем отказаться от него, в зависимости от того, что будет полезнее. Если Жофр решил бы оборонять Верден до крайнего предела, то можно было бы надеяться, что французская армия будет истощена в этой борьбе; если бы же он отказался от удержания этой крепости вопреки всем ожиданиям, то это произвело бы огромное моральное влияние на Францию и весь мир и обеспечило бы возможность дальнейшего оперативного использования этого успеха. Кроме того, в пользу Вердена, как цели наступления, говорило и то обстятельство, что таким путем для противника закрывалась возможность действовать в этом направлении против чрезвычайно важных рудников у Брие и, наконец, что наиболее трудную работу в этом наступлении можно было бы возложить на артиллерию с целью сбережения своей пехоты.

Это решение Фалькенгайна вести наступление на Верден подверглось со стороны одних сильным и несправедливым нападкам; со стороны же других—в том числе Гинденбурга и Людендорфа—оно считалось правильным и обещающим успех по своему основному замыслу. Конечно, это решение было своеобразным и смелым в лучшем смысле этих слов и позволяло поэтому надеяться на внезапность удара. Было ли оно удачным или неудачным в стратегическом отношении, зависело исключительно от того, насколько действительно были верны предпосылки, послужившие основой для принятия этого решения.

Первая из этих предпосылок—возможность своевременно прервать наступление, конечно, казалась прочно обеспеченной в немецких руках. В действительности же выбрать соответствующий момент для приостановки наступления было тем более трудным, что эта приостановка могла явиться фактической неудачей всего предприятия или, по крайней мере, могла быть так истолкована. Другая предпосылка—необходимость защиты Вердена до последнего человека—зависела исключительно от неприятельского командования. Действительно, противнику не было необходимости ни сражаться за Верден до последнего человека, ни оставлять его без боя. Он мог предоставить немцам разбивать свои силы о крепостные со-

оружения восточнее Мааса, очищая их медленно, шаг за шагом, и обороняя упорно крепостные сооружения западнее Мааса; в то же время он мог направить всю массу французских и англо-бельгийских войск для решительного прорыва обнаженного немецкого западного фронта, имея при этом большие виды на успех. Если бы командование противника действовало в этом смысле, то немцы не достигли бы у Вердена ничего стратегически крупного и, наоборот, могли бы потерять все на остальном фронте. С этой точки зрения наступать на Верден было опасным и сомнительным.

Правда, помимо этого решения (и однородного по характеру решения о наступлении на Бельфор, что также обдумывал и от чего отказался Фалькенгайн) не было никакого другого выхода, как оборонительно ожидать франко-британские атаки, сгруппировав свои резервы таким образом, чтобы можно было наносить противнику сильные контр-удары и тем причинять ему жестокие потери в людях и материальной части. Проведение в жизнь и этого плана было трудным и скрывало в себе опасности. Но оно соответствовало боевой выучке немецких войск и умелости ее вождей, считалось со склонностью французских войск к схематизму, а также с тяжеловесностью британских войск и вождей, а потому обещало успех. Кроме того, такой образ действий был бы неожиданным для противника, что и вызвало бы для него соответствующие последствия. Немецкие войска, сильно утомленные в течение тяжелого 1915 г., получили бы к тому же относительную передышку до весны 1916 г. Поэтому многое говорило за принятие этого решения, тем более, что его можно было бы соединить с демонстративной, главным образом, артиллерийской атакой на Верден. Но тот факт, что к концу 1915 г. немецкое верховное командование имело только такой бедный выбор решений, не обещавших при этом ничего решительного, являлся как раз следствием затяжки и расширения операций на востоке в сентябре и октябре месяцах, бесцельных в стратегическом отношении. Если бы к концу августа немецкая армия остановилась на сильных позициях по Неману и Бугу, отказавшись вообще от всяких дальнейших наступательных операций на востоке, то к весне 1916 г. немец-

кое верховное командование имело бы в своем распоряжении вместо 25 дивизий 50 за счет понесенных потерь и гарнизонных войск на востоке, что и дало бы возможность нанести на западе удар, который действительно мог бы быть решительным для исхода войны.

При наличии такой вынужденной необходимости ограничить сухопутные операции на западе, Фалькенгайн настоятельно потребовал немедленного возобновления неограниченной подводной войны в 1916 г., как наиболее действительного средства против английского противника. Это требование Фалькенгайна последовало после того, как начальник морского генерального штаба определенно заверил, что можно заставить Англию пойти на соглашение в 1916 г., лишив ее продовольствия и сырья при помощи подводных лодок, которые были значительно увеличены количественно и усовершенствованы. При этом Фалькенгайн учитывал возможность, что Вильсон может перейти от скрытой к нескрываемой враждебности в связи с открытием неограниченной подводной войны. Чтобы еще более ослабить Англию на западном театре военных действий, оттянув отсюда часть ее сил, Фалькенгайн согласился с турецкими планами, которые предусматривали использование боевых сил, освободившихся в Галлиполи, для действий против Суэца, в Месопотамии и Армении. Таким образом, казалось, было сделано все возможное, чтобы облегчить положение на западном фронте.

Если результаты 1915 г. не давали немецкому верховному командованию полного удовлетворения и заставляли смотреть с заботой на будущее, то противники центральных держав понесли в этом году везде одни лишь тяжелые неудачи, за исключением дипломатического успеха в отношении Италии, которому с немецкой стороны противостоял успех в отношении Болгарии. С другой стороны, тактические способы действий немецких войск, как при обороне, так и в наступлении, оказались правильными в своих основах, чего не было у войск Антанты. Но зато державы Антанты, в противоположность немцам, могли обеспечить свои войска людьми, материальной частью и хорошим питанием, что так важно для поддержания ударной силы войск; они могли также дать сво-

им войскам своевременную смену. В стратегическом отношении державам Антанты не нужно было принимать нового решения и в этом году: наступление и прорыв на всех фронтах как можно скорее были и оставались их задачей. Трудность решения этой задачи заключалась, с одной стороны, в необходимости найти правильные тактические методы и соответствующие боевые средства и, с другой, в потребности согласовать между собою наступательные операции на разных фронтах, как в отношении времени, так и цели. Для осуществления этого державам Антанты попрежнему недоставало единого командного органа или лица.

Если бы, по крайней мере в конце 1915 г., центральным державам удалось создать у себя такой об'единяющий командный аппарат, то это дало бы неоценимое стратегическое преимущество. Тогда можно было бы предотвратить обособлённые действия Австро-Венгрии, решительно усилить немецкий западный фронт австро-венгерскими войсками, на что давали полное право все предшествующие немецкие помощь и жертвы, понесенные с целью поддержать своего австро-венгерского союзника. К сожалению, на деле получился обратный результат,—самый плохой для ведения союзной войны. Немецкий и австро-венгерский начальники штабов верховного командования, представлявшие собою и по характеру противоречивые величины, начали тайно проводить те операции, которые казались им более правильными, без взаимного, открытого и своевременного уведомления,—а именно: Фалькенгайн—наступление на Верден; Конрад—наступление на Валону в Албании, вызывавшее разброску сил, и, главное, наступление в Тироле, за которое он втайне упорно держался, несмотря на отказ Фалькенгайна в поддержке и предупреждение о недостаточности австро-венгерских сил для проведения этой операции.

Таким образом, единство ведения войны центральными державами подверглось сильной опасности. Но не лучше были разрешены и командные взаимоотношения на востоке. Фронт южнее Пинска был подчинен австрийскому верховному командованию безо всякого надзора и влияния немецкого командования: фронт севернее Пинска был в руках немцев.

Немецкими силами командовали на юге принц Леопольд Баварский, на севере—Гинденбург с урезанными против прежнего правами и кругом действий. При такой обстановке Людендорф, наряду со своими военными задачами, углубился в экономическо-политические задачи, которые он сам себе поставил, по подготовке почвы в Литве и Курляндии для немецких поселений путем возобновления старой немецкой культурной деятельности. Примеру Людендорфа последовали и другие немецкие войсковые начальники на востоке. Громадные восточные области, занятые немецкими войсками, были разорены войной; скот, транспортные средства были выведены русскими; страна сама по себе была бедна путями сообщения и людьми и малопроизводительна. Для организации культурной деятельности и поддержания жизни всего немецкого фронта нужны были, кроме полумиллиона бойцов, громадное количество этапных, железнодорожных и рабочих войск и руководителей, а также обширный подвоз всякого рода материалов. Всего этого лишалась Германия и ее западный фронт, где каждая голова, рука и лопата были крайне необходимы, чтобы уравновесить превосходство противников. Кроме того, крайняя растяжка восточного фронта вела к чрезмерному напряжению немецких и австро-венгерских железнодорожных средств, к которым и без того были предъявлены громадные требования. Ко всему этому необходимо добавить еще выделение Польши в немецкое и австро-венгерское генерал-губернаторство (Варшава, Люблин), что вело к разнообразным трениям, а с этим и к разрешению польского вопроса еще во время войны. Чтобы завершить мрачную картину недостаточного единства воли и действия, укажем, что между руководящими органами тлелась старая искра раздора относительно ведения подводной войны. В этих обстоятельствах было больше опасности на 1916 г., чем в ожидаемом общем наступлении противников. Гинденбург и Людендорф видели путь к победе попрежнему в решительном разгроме русских, а Конрад—итальянцев; Фалькенгайн же стремился к этой победе путем медленных и частичных поражений западных и восточного противников. Точно так же расходились и политические взгляды различных немец-

ких, австро-венгерских и болгарских кругов, как по вопросам о судьбе захваченных польской и сербской территорий, так и в отношении путей, которые могли бы привести к приемлемому окончанию войны. При этом стратегическое значение, в особенности для ведения морской войны, имела неискоренимая вера немецкого канцлера в то, что можно еще достигнуть соглашения с Вильсоном, а через него—с Англией и Антантой.

Стратегическая оценка

1916 года.

В январе месяце 1916 г. шла тихая, но деятельная работа по подготовке наступления в районе р. Маас; особенно кропотливой была подготовка артиллерийских данных, а также ложных и демонстративных предприятий на других участках западного фронта.

В феврале месяце должен был последовать одновременный удар на суше, на Верден, т.-е. против Франции, и на море—против Англии—открытием неограниченной подводной войны, дававшей надежду на успех в виду того, что численность и размеры подводных лодок значительно возросли. Однако, германский канцлер добился у кайзера отсрочки неограниченной подводной войны на несколько недель в связи с ходом дипломатических переговоров. Против приостановки неограниченной подводной войны высказался государственный секретарь по морским делам и начальник штаба верховного командования; за эту отсрочку—начальник морского генерального штаба. Вместо неограниченной подводной войны настало невыносимое и опасное положение, когда командиры подводных лодок могли атаковать только те торговые суда, относительно которых не было сомнений, что они вооружены.

12-го февраля Фалькенгайн перенес главную квартиру из Плеса в Шарльвилль. 21-го февраля началась артиллерийская атака форта Дуомон, являвшегося могучим опорным пунктом крепости Верден на правом берегу Мааса. Атака велась с громадной энергией. 25-го февраля этот форт с прите-

гающим к нему пространством был взят штурмом, несмотря на упорное сопротивление французов, которые стали перебрасывать сюда подкрепления со всех участков фронта. Казалось, что этим успехом были достигнуты два результата чрезвычайной важности. Во-первых, этот удар произвел громадное моральное впечатление, как у себя, так и за границей; во-вторых, он спутал или даже расстроил наступательные планы держав Антанты, проектируемые ими на весну 1916 г. Наконец, даже открывалась, казалось, надежда на истощение Франции у Вердена, если бы немецкое наступление шло и дальше с той же силой и тем же успехом. Но вскоре обнаружилась роковая тактическая ошибка в организации этой операции, состоявшая в том, что наступление на восточном берегу Мааса не было соединено с одновременным наступлением на западном его берегу. При составлении плана атаки крепости Верден были недостаточно учтены дееспособность и искусство французской артиллерии, которая могла фланкировать немецкие пехотные и артиллерийские массы, сосредоточенные на слишком узком пространстве, о чем в свое время были сделаны серьезные и деловые предупреждения. В силу этого последующие чрезвычайно тяжелые бои немецкой пехоты и артиллерии, длившиеся четыре месяца (до июля) и сопровождавшиеся сильными контр-атаками французов, дали немцам лишь незначительные территориальные приобретения и вызвали у них благодаря этому тяжелое разочарование. Вопреки основной идее плана операции, немецкая пехота не только не щадилась, а наоборот, уничтожалась, как морально, так и физически, в боях за долговременные и полевые укрепления Вердена. Вместе с этим исчезло и моральное впечатление первого большого успеха. Верденская операция представляла собой, кроме того, испытание полководческого искусства обеих сторон. Это испытание не выдержали ни немецкий начальник штаба верховного командования, ни французский главнокомандующий. Фалькенгайн не уловил соответствующего момента для перерыва крепостной атаки, ставшей бесполезной и требовавшей ужасных потерь. Французский же главнокомандующий не использовал создавшейся обстановки для того, чтобы, ведя затяжную оборону Вердена, немедлен-

но перейти в решительное наступление с целью прорыва на другом фронте. Жофр не смог устоять перед требованием парламента защищать Верден до крайнего предела, а также не преодолел требования англичан, настаивавших на соблюдении срока, установленного для начала общего франко-английского наступления. По взаимному соглашению союзников, состоявшемуся еще до половины февраля, т.-е. до наступления немцев на Верден, это наступление должно было начаться 30-го июня на Сомме, после окончательного сосредоточения английских войск и боевых средств. Кроме того, ему должно было предшествовать наступление на русском фронте, намеченное на 15-е июня, с целью отвлечения сил противника с западного фронта. В силу этого в верденской бойне гибло, без особой для того стратегической необходимости, более, чем вдвое французских дивизий по сравнению с немецкими дивизиями. Но французы могли пополнить свои тяжелые потери черными войсками: кроме того, Китченер перебросил, со времени введения всеобщей воинской повинности в Англии, более 30 новых дивизий, не считая огромного количества боевых припасов, доставленных из Америки и Англии для усиления и расширения английского боевого фронта. Командиры немецких подводных лодок не могли помешать этим переброскам, потому что немецкий канцлер осудил их на полное бессилие своим отказом в мае от неограниченной подводной войны, делая этим уступку претенциозной и угрожающей ноте Вильсона по поводу потопления Суссекса. Отказ от ведения неограниченной подводной войны состоялся и на этот раз против последнего, убедительного совета Тирпица, ушедшего в отставку. Таким образом, Великобритания избежала наибольшей опасности в критический момент для ее войск в отношении подвоза боевых припасов, продовольствия и сырья. Немецкий же западный фронт нуждался в подкреплениях не только изнутри страны, но и со стороны восточного фронта и австро-венгерских войск. И это потому, что немецкое верховное командование ввело большую часть своих резервов и тяжелой артиллерии в бой у Вердена, а в то же время с начала мая все грознее и грознее надвигалась буря решительного наступления Антанты, превосходство в

силах которой на этот раз было бесспорным. Казалось, наступал кризис войны.

Но ни немецкий восточный фронт, ни Австро-Венгрия не могли дать помощи. Немецкий восточный фронт не мог оказать эту помощь потому, что Антанта настояла на том, чтобы русские своим наступлением не дали возможности германцам делать переброски на запад, к Вердену. 18-го марта, т.-е. в неблагоприятное время года, началось неожиданное наступление русских у Нарочского озера и у Постав, распространившееся впоследствии до Риги и длившееся вплоть до начала апреля месяца. Это наступление было предпринято громадными силами, как людскими, так и материальными. Оно велось русским командованием крайне энергично. Французские офицеры содействовали русскому командованию своими советами. Русские войска шли в бой с фанатическим самоотвержением. Немецкий фронт, на который русские повели наступление, находился еще в стадии оборудования и был занят слабыми силами. Хотя наступление русских и было отбито благодаря достойной удивления храбрости немецких войск, но самый факт русского наступления указал на следующие два явления. Во-первых, что не было достигнуто серьезного, а тем более длительного ослабления русской наступательной силы и воли; во-вторых, что немецкий восточный фронт действительно нуждался в той полумиллионной армии, которая была расположена между Ригой—Пинском. Необходимость наличия на востоке таких сил подкреплялась также тем, что значительная доля немецких войсковых частей была сильно утомлена тяжелыми боями при неблагоприятных времени года, погоде и местном грунте, а также связанными с этими боями спешными и беспощадными переброскими по узколинейным лесистым и болотистым грунтовым дорогам для преодоления серьезных боевых кризисов. Каждую минуту могли возобновиться русские атаки. Если бы немецкий фронт на востоке мог и дальше держаться с таким же успехом, то этим он сделал бы все возможное в пределах своих сил. Такова была обстановка на этом фронте к началу июня.

Совершенно иным, даже катастрофическим было положение австро-венгерской армии. Несмотря на просьбу Германии оказать поддержку у Вердена артиллерией и войсками, Конрад не согласился отказаться от наступления на тирольском фронте против своего наследственного врага—Италии, нарушившего союзническую верность. Но для этой цели Конрад слишком ослабил австро-венгерский фронт в Галиции в отношении численности, качества и надежности войск и командного состава. Между тем за этот фронт он был всецело ответственен. С другой стороны, эта мера не усилила и австро-венгерских войск на тирольском фронте в той степени, какая была необходима для выполнения их очень трудной и мало обещающей задачи без активного содействия изонцского фронта. Наступление запоздало на шесть недель вследствие снежных заносов. Подготовка операции была выполнена очень тщательно, но не было достигнуто неожиданности удара. Австро-венгерские войска повели наступление в Тироле с большой храбростью и проникли до Азьяго — Арзьеро, создавая глубиной прорыва опасное положение для итальянского фронта. Однако сильные итальянские контр-атаки приостановили наступление австро-венгерцев уже к концу мая. В начале июня Австро-Венгрии пришлось совсем отказаться от этой операции в силу того, что 4-го июня австро-венгерский фронт в Галиции на протяжении 300 клм. от Луцка до Черновиц был атакован русскими войсками Брусилова. Австро-венгерцы были совершенно разгромлены, хотя наступление Брусилова, не считая вообще недостаточной его подготовки, являлось скорее разведывательно-демонстративной операцией, которую едва ли можно считать серьезной в тактическом отношении.

В несколько дней русские взяли до 200.000 пленных и большое количество австро-венгерских орудий. На австро-венгерском фронте у Луцка была пробита брешь в 50 клм. шириной. Такой разгром австро-венгерской армии можно об'яснить лишь тем, что русскому командованию было известно не только чрезмерное ослабление австро-венгерского фронта, но и вся его внутренняя хрупкость. Разложение австро-венгерской армии сверху донизу стало тем очевиднее всему миру,

что немецко-австро-венгерские войска южной армии, находившиеся под командой немецкого генерала Ботмера, прекрасно сражались, несмотря на то, что австро-венгерские фланговые армии (4 и 7) отступали перед русскими почти без сопротивления.

Если бы в этот критический момент, в начале июня, англо-французские войска перешли в решительное наступление, то, даже не добившись сразу прорыва, они так сковали бы немецкий западный фронт, что немецкое верховное командование не было бы в состоянии удовлетворить настойчивую просьбу о помощи Австро-Венгрии, переданную 5-го июня. Это тем более, что и на немецком восточном фронте Гинденбурга и Леопольда на стороне русских все еще было превосходство в силах. Необходимость восстановления положения на австро-венгерском фронте, южный фланг которого был снова отброшен к карпатским перевалам, потребовала переброски в июне и июле месяцах всех немецких резервов, которые только можно было выделить на западном, а позднее и на восточном немецком фронте из группы Гинденбурга после того, как русские перебросили часть сил из района Двины в Галицию, и, наконец, в Македонии. В общем немцы перебросили в Галицию 20 дивизий. Но эти части приходилось поспешно бросать в бой для поддержки, заполнения разрывов и контр-атак прямо с пунктов высадок и, таким образом, жертвовать этими частями, так как австро-венгерцы продолжали отступать, не оказывая сопротивления. В силу этого не удалось провести ни одного намеченного плана о переходе в решительное контр-наступление с целью ликвидировать наиболее опасный кризис на восточном фронте. Армейская группа Леопольда была также вынуждена отбивать сильные атаки превосходных русских сил у Барановичей в начале июня. По мере продвижения русских румынская опасность назревала все более и более отчетливо. Она скоро стала настолько угрожающей, что немецкому и австро-венгерскому верховному командованию пришлось обсудить возможные контр-мероприятия. Как по поводу случившегося на австро-венгерском фронте, так и относительно румынской опасности Фалькенгайну пришлось вести щекотливые переговоры с австро-

венгерским верховным командованием. Немецкая помощь могла быть оказана лишь на таких условиях, которые исключали бы повторение аналогичных событий и давали бы немцам возможность влиять на австро-венгерский фронт. Томительные переговоры по этим вопросам тянулись до конца июля, встречая сопротивление в крайней щепетильности австро-венгерского верховного командования в отношении соблюдения «престижа» Австро-Венгрии. В конце-концов эти переговоры привели к тому, что Гинденбургу было поручено командование восточным фронтом до Львова; остальная часть австро-венгерского фронта до румынской границы была подчинена австро-венгерскому эрцгерцогу Карлу. Это решение было, правда, некоторым шагом вперед, но все же неудовлетворительным, так как каждый из этих фронтов подчинялся непосредственно своему командованию. Тем не менее подчинение различных австро-венгерских войск немецкому командованию дало известное укрепление австро-венгерского фронта, так как можно было немедленно приступить к назначению в австро-венгерские войска немецких начальников на условиях взаимной замены, что позволило влить в австро-венгерские войска немецкий дух воспитания и серьезности. Правда, сосредоточение тактической учительской роли в столь многих руках имело и свои теневые стороны.

Брусиловское наступление определило тот крайний момент, когда нужно было приостановить наступление на Верден, ставшее бесцельным, тем более, что теперь перерыв этого наступления мог быть произведен без особых потерь в средствах и в престиже. Немецкие войска на других фронтах, частью уже стоявшие в бою, частью же готовившиеся вступить в бой, буквально взывали о поддержке их войсками, орудиями и снарядами не только в целях обороны, но и для нанесения контр-удара. Вместо того, чтобы внять этому зову, наступление на Верден продолжалось еще до середины июля с полной силой и до конца августа с меньшим напряжением, но все же с большими потерями. И в то же время это наступление не приводило к занятию на обоих берегах Мааса господствующей и удобной боевой позиции, на достижение чего все еще надеялись.

Тем временем 24-го июня началось англо-французское наступление на Сомме. Фронт наступления обнимал 40 клм. Артиллерийская подготовка длилась 7 дней с невиданной до сих пор силой. Целью наступления был прорыв фронта немецких линий. Первым следствием *сражения на Сомме* было сознание, во всяком случае у войск, что дееспособность английского и французского военных министерств, имевших, правда, неограниченные средства и возможности, в отношении создания технических боевых средств превосходила немецкие усилия в этой области почти в ужасающей степени. Это превосходство было настолько значительным, что, говоря без преувеличения, всякая другая армия, а не немецкая, пала бы духом и была бы разбита, учитывая притом и несомненное численное превосходство противников. Союзники атаковали немецкие позиции по обеим сторонам Соммы, а затем на северном берегу ее. В бой были введены массы белых и цветных войск при поддержке вновь изобретенных бронемашин. Немецкие позиции были совершенно разрушены. Тем не менее немецкие западные войска держались со сверхчеловеческой, величественной силой, что вызвало удивление всего мира, даже врагов. Противник понес тяжелые потери и вместо прорыва достиг лишь прогиба фронта в 7 клм. в глубину и 20 клм. в ширину, что не могло иметь значения при общей длине западного фронта. Конечно, в этот момент не приходилось думать о нанесении решительного контр-удара противнику, так как одновременно с наступлением на Сомме шел бой на всех фронтах немецко-австро-венгро-болгарского кольца, а именно у Вердена, на Изонцо, в Македонии и на всем восточном фронте. Целью этого общего наступления было прорвать фронт центральных держав. На всех фронтах численное превосходство было на стороне противников. В это время на южном флапге и в тылу австро-венгерского восточного фронта выступила румынская армия, долго не решавшаяся предпринять этот шаг.

После взятия русскими Черновиц и итальянцами Герца, румыны сочли обстановку безопасной для того, чтобы совершить свой захватнический поход в Семиградию. В силу этого Фалькенгайн и Конрад, по соглашению с болгарским и

турецким главнокомандующими, были вынуждены разработать общий план похода против Румынии и сосредоточить необходимые для этого войска. При этом выполнение этих мероприятий совпало как раз с моментом больших усилий центральных держав по удержанию других фронтов. Подготовка операции севернее Дуная была выполнена скорее лишь на бумаге, чем в действительности. *Южнее* Дуная, кроме болгарских, было сосредоточено несколько турецких дивизий, самотверженно и великодушно предоставленных Энвером в этот тяжелый стратегический момент. Кроме того, ряд других турецких дивизий уже сражался в составе немецкой южной армии, а также македонском фронте.

27-го августа последовало, наконец, об'явление войны Румынией Австро-Венгрии под сильным дипломатическим давлением держав Антанты, еще до окончания ею сбора хлебов, чего не ожидалось. В то же время Италия об'явила войну Германии. Этот шаг Италия долго оттягивала по политическо-экономическим соображениям.

Об'явление войны Румынией, которое Фалькенгайн до последнего момента считал невероятным, дало внешний повод к назначениям Гинденбурга начальником штаба верховного командования с Людендорфом, как первым генерал-квартирмейстером. Внутренними же причинами этих назначений были неудачи у Вердена, в Тироле, у Луцка и на Сомме. Эти неудачи вызвали общее убеждение, от кайзера и до младшего солдата, а также в широких народных массах, открыто выражавших это, что положение центральных держав настойчиво требует поставить во главе немецких армий людей, пользовавшихся популярностью у народа и имевших мировую военную известность. Это должно было уравновесить положение центральных держав в связи с об'явлением войны Румынией, избавить западный фронт от неблагодарной позиционной войны и дать надежду на скорое или, по крайней мере, недалекое благоприятное окончание войны, которая непомерно долго тянулась, не приводя к решению. Правда, у многих, хорошо понимавших положение, возникал тревожный вопрос, не слишком ли поздно последовали эти назначения и не слишком ли израсходованы силы Германии.

Фалькенгайн принял командование над 9-й немецкой армией, направленной против Румынии. Он был назначен на ответственную должность начальника штаба верховного командования в критический момент и сдал эту должность при такой же обстановке. Но он работал в течение двух лет при чрезвычайно трудных обстоятельствах с таким напряжением всех своих немалых духовных сил, что достоинство немецкого оружия было поддержено на прежнем уровне. Он проявил также и в области политики умную и осторожную выдержку и умеренность. Но он не смог, однако, дать победу немецким войскам и народу своим планом, рассчитанным только на ослабление боевой воли противников и избавление этим Германии от поражения. Это произошло, главным образом, потому, что он не был в состоянии осуществить второй пункт своего плана, имевший решительное значение: «держаться и экономить» (durchhalten und haushalten). Наоборот, немецкая армия была ослаблена к концу августа 1916 г. до крайнего предела, в особенности на западном фронте, как в физическом, так и духовном отношениях. Часть вины за тяжелое положение армии и страны лежит на самом Фалькенгайне из-за его затянувшейся операции осенью 1915 г. и чрезмерного, слишком длительного напряжения и ослабления сил западной немецкой армии, обусловленного этой операцией. Немецкая западная армия при этом была вынуждена вести упорную оборону на одной позиции, не имея возможности маневрировать. Борьба имела характер состязания материальных средств (Materialschlacht). Немецкая же армия не была в достаточной мере снабжена техническими средствами и вообще не получала прироста сил. Благодаря этим причинам она несла громадные потери, так как борьба велась в большей мере живой силой, чем машинами. В силу этого западная немецкая армия бесспорно подверглась бы развалу в недалеком будущем при условии ведения войны в духе Фалькенгайна. Другая, не меньшая часть вины за тяжелое положение центральных держав лежит в падении боеспособности австро-венгерской армии, силы которой, правда, также были чрезмерно напряжены с самого начала войны. Особенно же вредные последствия имело слишком напряженное и

эгоистическое ведение операций Конрадом весной 1916 г.; не сообразованное с боеспособностью австро-венгерской армии. Поэтому справедливость и предусмотрительность говорили за то, чтобы одновременно с Фалькенгайном ушел в отставку и начальник штаба австро-венгерского верховного командования. Это тем более, что авторитет Конрада у австро-венгерских армий и народа, пострадавший после прорыва у Луцка, был окончательно подорван последними событиями. Кроме того, Конрад представлял собою главное препятствие на пути создания единого стратегического верховного командования вооруженными силами центральных держав. Если бы в это время во главе австро-венгерской армии было поставлено другое лицо, тогда, наконец, можно было бы создать такую организацию верховного командования, какая требовалась опасностью и напряженностью данного момента, а именно в лице Гинденбурга, как неограниченного главнокомандующего всеми вооруженными силами центральных держав на суше и на море, и четырех начальников штабов, в том числе Людендорфа, как начальника штаба немецкого верховного командования. Правда, 6-го сентября на Гинденбурга было возложено верховное командование всеми сухопутными силами четверного союза от имени кайзера Вильгельма. Это было достигнуто путем личных переговоров обоих кайзеров. Фалькенгайн, Гинденбург, Людендорф, а также более проницательные из союзников уже давно стремились к проведению этой меры. Этим назначением Гинденбург получил известную руководящую роль в стратегических вопросах. Но вскоре умер австро-венгерский кайзер Франц-Иосиф. Его преемник Карл вскоре опять сузил полноту власти единого верховного командования. Фактически оказалось, что Гинденбург мог руководить боевыми действиями армий центральных держав лишь путем соглашения с ними. Кроме того, совмещение должности начальника штаба немецкого верховного командования в руках двух лиц — Гинденбурга и Людендорфа — представляло собой ненормальное явление. Хотя это положение не дало конфликтов, вредных для ведения войны, в силу полной солидарности во взглядах Гинденбурга и Людендорфа, но оно таило в себе зародыш других вред-

ных явлений. При этом двойном замещении должности начальника штаба, немецкий народ и армия ценили в Гинденбурге прежде всего спокойствие и достоинство этой цельной личности, а в Людендорфе—дееспособность и могучую силу воли этой натуры.

Впрочем, оба вождя, решая новую задачу, исходили из своей старой воли к уничтожению и стремления сделать все, что необходимо для достижения победы и обеспечения, таким образом, будущего Германии навсегда. Прежде же всего им предстояло избавить Германию и Австро-Венгрию от опасности уничтожения, которая висела над армиями обоих государств и стала еще более реальной после выступления Румынии: 6 миллионов бойцов центральных держав имели пред собой теперь 11 миллионов бойцов держав Антанты,—четыре союзных государства боролись против более, чем 20 государств всего мира.

Гинденбург и Людендорф предприняли вскоре поездку на западный фронт с целью ориентировки. Эта поездка убедила их, во-первых, в силе и духовной мощи немецкой армии и ее вождей, выполнявших тяжелую и неблагодарную задачу на западном фронте, а также в неограниченном и полном надежды доверии к новому верховному командованию. Во-вторых, они поняли, что западный фронт должен будет рухнуть, если ему не будет оказана вскоре сильная поддержка. Эта поддержка была оказана западному фронту быстро и решительно. Наступление на Верден было приостановлено. Войсковые части, орудия, боевые припасы, воздушные силы были немедленно направлены на усиление фронта на Сомме из-под Вердена и со спокойных участков фронта. Распределение боевых сил на фронте было организовано более планомерно и определенно; смена частей и предоставление им отдыха стали чаще и регулярнее, без нарушения при этом организационной цельности войсковых соединений. Все эти меры освежили физические и духовные силы войск настолько, что они смогли успешно выдержать новые сильные атаки англо-французских войск в сентябре и октябре. Одновременно с этим была создана, почти из ничего, база для операций против румынской армии на границе Семиградии, а также был полнее организован удар из Доб-

руджи, подготовка которого была начата еще Фалькенгайном и Конрадом.

Никакая операция не выявляет так сильно разницы в применении наличных боевых сил для организации наступательных операций, с одной стороны, державами Антанты и, с другой—центральными государствами, как поход против Румынии, в особенности учитывая то обстоятельство, что Антанта имела в своем распоряжении обильные средства, а центральные державы—недостаток их. В день об'явления войны Румыния имела 750.000 свежих бойцев; кроме того, русские армии обеспечивали ей сильную поддержку, как войсками, так и соответствующей организацией операций. Против румынской армии центральные дрежавы с трудом и риском собрали в сентябре месяце около 200.000 чел. При этом для сосредоточения этих сил пришлось брать войска с таких участков фронта, на которых шли тяжелые бои, в частности, с западного фронта, который без того едва держался. Войсковые части, направленные против Румынии, были почти без исключения сильно потрепанными в боях. На стороне румын было, кроме того, одно важное стратегическое преимущество. Простым, но решительным движением на запад, в долину Венгрии, румынские войска могли легко опрокинуть слабые пограничные австро-венгерские войска. Дальше на запад, в направлении на Будапешт не было серьезных естественных препятствий. Продвижение в этом направлении могло не только парализовать какой бы то ни было удар из Добруджи, но и поколебать ударом в тыл австро-венгерский фронт в Карпатах, на котором до декабря месяца русские вели непрерывные атаки. Задача же держав четверного союза сильно усложнялась тем, что необходимо было преодолеть два сильных естественных препятствия—Трансильванские Альпы и нижний Дунай—на виду у противника, превосходившего силами. Французская стратегия, имевшая своих официальных представителей в Бухаресте, имела удобный случай проявить на деле свое превосходство над стратегией четверного союза. Но ход событий похода против Румынии не подтвердил этого. Правда, верховное командование четверного союза не могло ни стремиться к уничтожению румынской армии, ни

достигнуть этого при наличном соотношении сил, местных условиях и группировке войск. Но ему удалось остановить наступление, а затем разбить румынскую армию совместно с русскими подкреплениями и отбросить их к Молдаве. Центральные державы начали свои операции решительным наступлением Макензена в Добруджу. Непосредственно за этим в сентябре месяце была начата операция австро-венгерских войск и одной немецкой армии в Западной Семигradии. Командование румынской армией, как и ее советчики, были введены в заблуждение такой организацией похода против Румынии. Удар был смелый и сильный, но сопряженный с громадными затруднениями и опасными кризисами. Наиболее опасное положение, создавшееся после переправы Макензена через Дунай, румыны не сумели использовать. Таким образом, румынская опасность была устранена. Кроме того, захват Валахии давал значительные экономические источники, столь необходимые центральным державам.

Турки, болгары, австрийцы, венгры и немцы смело и успешно сражались на румынском театре военных действий, но главная тяжесть боев выпала и в этот раз на долю немецких войск. Точно так же и болгарская армия, потерпевшая неудачу при наступлении в Македонии в августе месяце, смогла удержаться и укрепиться на позициях севернее Монастыря только с помощью немецких войск. В результате на Верденском фронте, остались лишь настолько утомленные и потрепанные немецкие части, что это привело к тяжелой неудаче в октябре—декабре. Целесообразнее было бы вывести немецкие войска еще в сентябре из поля воронок на исходные февральские позиции. Но новое немецкое верховное командование, недостаточно еще тогда осведомленное о положении на западном фронте, не ожидало крупного наступления союзников у Вердена. Последствия этой неудачи, сказавшиеся, как внутри страны, так и вне ее, были заглажены новогодними успехами против румын и русских.

Обстановка к концу 1916 г.

Немецкий, австро-венгерский и болгарский фронты, против которых Антанта направляла все свои силы в течение

июня—декабря месяцев, были освобождены от этого тягчайшего давления к концу 1916 г. Новый румынский противник был разбит и отброшен; большая и плодородная провинция—Валахия—была захвачена. Сравнительно с этим потеря территории в 10 клм. глубины и 40 клм. ширины на западном фронте, включая Верден—Дуомон, не имела никакого стратегического значения. По результатам 1916 г. можно было бы, казалось, сделать основной вывод, что немецкие войска не поддаются прорыву при обороне и не знают препятствий при наступлении. Немецкие народ и армия несли свою благодарность Гинденбургу и Людендорфу и ожидали от них победы в 1917 г., а с ней и удачного окончания войны. Где и как будет достигнута эта победа, казалось, было предоставлено усмотрению Гинденбурга. Народ и армия не сознавали, какая огромная забота лежала на верховном командовании в отношении дальнейшего ведения войны и как немного было стратегических возможностей в их распоряжении. И это по той простой, но глубоко трагической причине, что состояние немецкой армии не давало возможности предпринять решительное наступление в ближайшем будущем ни на востоке, ни на западе. Если бы, однако, было решено нанести удар на одном из фронтов, например, на нижнем Серете, где, казалось, представлялась возможность сбить русско-румынский фронт фланговым ударом, то другие фронты должны были бы рухнуть по причине недостатка резервов. Но только такие решительные удары могли дать победу и привести к окончанию войны. Наступления же, направленные, например, против Италии или Салоникской армии, не могли влиять на общее положение даже в случае успеха. Но и за успех этих операций нельзя было поручиться. О дальнейшем увеличении численного состава армий центральных держав нельзя было думать. В армию были призваны 19-тилетние; требования по физическому здоровью для поступления в армию были понижены до крайнего предела; надежда на организацию польской армии не осуществлялась, хотя этим было обусловлено создание польского королевства. Армии же Антанты непрерывно усиливались за счет черных, коричневых и желтых войск, чехо-словацких перебежчиков и войск Венизелоса после насилия над греческими народом и королем. Ослаб-

ления боевой воли не было заметно ни у одного из противников, даже у русских; наоборот, они создали ряд новых боеспособных дивизий, путем реорганизации старых, слишком крупных дивизий, а также призвали в армию новые контингенты. Относительно стремления государственных деятелей Антанты к уничтожению своих противников не было никакого сомнения после резкого отклонения мирного предложения. Погибшего Китченера заменил Ллойд-Джордж, занявший в сентябре месяце пост министра-президента Великобритании; он обладал таким же железным характером, что и Китченер и, кроме того, диктаторским искусством в отношении поддержания боевого настроения. Поэтому, бесспорно, следовало ожидать в 1917 г. общего, раннего и решительного наступления войск Антанты на европейских и азиатских театрах военных действий. Наиболее опасным, повидимому, должно было быть наступление на западе против немецкой армии. Было ясно, что главная доля тяжести борьбы ляжет и в 1917 году на немецкую армию. Тем более опасений вызывало то обстоятельство, что немецкая армия должна была выделить новые крупные части не только на македонский фронт и австро-венгерский восточный фронт, но и для укрепления нового румынского фронта в 400 клм., возникшего между Черновицами и устьем Дуная.

Таким образом, Гинденбург—Людендорф должны были с огорчением отложить на неопределенное время выполнение своего плана—«разбить одного из главных противников на востоке или на западе при помощи наступления». Вместо этого им пришлось возложить на немецкие народ и армию неблагодарную, трудную и сомнительную оборонительную роль, во всяком случае, на суше. При таких обстоятельствах нельзя было надеяться на скорое и успешное окончание войны.

Но и оборонительная задача была бы невыполнимой, если только подойти к ее разрешению чисто механически. Это понял Людендорф. Проведение ряда быстрых, крупных и успешных реформ в разных областях военного дела является почти исключительной заслугой Людендорфа и его штаба. Без этого немецкая армия вряд ли смогла бы выдержать борьбу в 1917 году.

Три вопроса в особенности требовали разрешения. Во-пер-

вых, необходимо было настолько увеличить численно и так усовершенствовать немецкие средства обороны, чтобы, по крайней мере, можно было выдерживать неизбежное превосходство противника в боевых средствах. Для осуществления этой задачи были немедленно призваны немецкие наука, техника и промышленность, которые и стали работать в духе новой «программы Гинденбурга» по вооружению и снабжению армии. Во-вторых, требовалось озаботиться оборудованием за линией фронта новых тыловых позиций, которые могли бы составить опору в случае прорыва противника и дали бы возможность оказать ему сопротивление при помощи обороны или наступления. С этой целью на западном фронте была создана могучая оборонительная система Зигфрида (Гинденбурга), получившая наибольшее развитие на угрожаемых участках фронта. В третьих,—что и было самым главным,—нужно было изменить оборонительную тактику, ставшую неприменимой в современных «сражениях техники» (Materialschlacht). Это можно было достичь более полным учетом действия оружия, главным же образом, использованием ураганного огня (Trommelfeuer). С той же целью была поднята активность оборонительных действий; боевая зона была рассредоточена на бо́льшую глубину. Руководство обороной возлагалось на командиров дивизий, как наиболее выдвинутых вперед старших начальников. Управление артиллерийским огнем было организовано менее систематически в пользу творчества. Неустанная мелкая и крупная работа в этих областях, новое наставление для ведения оборонительного боя, учебные занятия с войсками, организация курсов командного состава, а также тесное соприкосновение с войсками дали возможность подготовить войска к предстоящей борьбе за существование. Можно оценивать то или иное мероприятие с разных точек зрения. Но нет никакого сомнения, что эта живая и всесторонняя реформационная деятельность зимой 1916—17 г. освободила войска и начальников западного фронта от физической и духовной косности. Она дала им новые жизнь и доверие и этим снова настолько подняла моральное состояние войск, насколько это было еще возможным после уничтожения лучших частей немецкой армии.

Верховное командование уделило также большое внима-

ние подготовке, численному увеличению и укреплению резервов и рабочих сил внутри страны, так как от этого в значительной мере зависели дух и сила войск на фронте. С этой целью верховное командование заручилось поддержкой соответствующих органов, в особенности со стороны немецкого канцлера и военного министра. Но подготовка этой тыловой армии страдала благодаря устарелому инструкторскому персоналу. С другой стороны, ни канцлер, ни другие руководящие деятели не проявили силы, умения и старания, чтобы справиться со все более и более распространявшимся злом—жаждой мира во что бы то ни стало, дезертирством, погоней за наживой работодателей и нанимателей юных рабочих, раздорами и жаждой власти партий; они не позаботились также о том, чтобы убедить немецкий народ в настоятельной необходимости самоотверженной поддержки армии и родины. Наоборот, внутри страны стали обнаруживаться все сильнее и сильнее признаки разложения монархического, государственного и военного авторитетов, а также гражданской морали. Правда, этому сильно содействовало непроведение крайне необходимых и решительных реформ с целью увеличения политических и финансовых прав тех народных слоев, которые или сражались на фронте, или действительно работали и понесли огромные жертвы. Разложение внутри страны должно было вредно отразиться на пополнениях, а через них и на фронтовых войсках.

Еще хуже было положение Австро-Венгрии. 55-летние военнообязанные уже находились на службе. Австрийский народ и армия голодали, благодаря эгоистической политике венгерцев и враждебности чехов. Государственная спайка Австро-Венгрии, и без того слабая, еще более поколебалась после смерти Франца-Иосифа и вступления на престол молодого, неопытного кайзера Карла. Карл обладал жаждой деятельности, но характер его еще не успел установиться. В общем у Австро-Венгрии выявилась опасная склонность к колебаниям и пессимизму.

Внутреннее положение Болгарии и Турции также вызывало опасения; оно проявлялось, в частности, в неудовлетворительном снабжении войск и вытекающих отсюда последствиях. Военное же положение Болгарии в Македонии было снова упро-

чено. Но важнейший турецкий фронт—палестинский—вызывал опасения, в особенности в силу ненадежности арабских пополнений, которые уменьшили боеспособность турецкой армии. Этому содействовала также разброска сил, вызванная постановкой с самого начала войны фантастических целей Энвером,—человеком с большими духовными силами, но неуравновешенным в стратегическом отношении. Лучшие турецкие—анатолийские—контингенты были при этом израсходованы с самого начала на армянском театре военных действий. Но главное состояло в том, что державы Антанты были слишком хорошо осведомлены о положении четверного союза, благодаря прекрасной службе разведки и шпионажа. Они, в частности, знали и о тяжелом состоянии немецкого западного фронта после уничтожения нескольких немецких дивизий под Верденом в декабре месяце. Все это давало командованию противника право надеяться на окончательную победу в 1917 г., как над немецкой, так и над другими армиями. Для осуществления этой цели для Антанты и теперь не требовалось выявления особых стратегических планов. В области тактической мысли английское и французское командование оказалось и в 1916 году удивительно бедным и стремилось достигнуть успеха, главным образом, массовым введением войск и боевых средств.

В общем трудно себе представить для миллионной армии более серьезное, необеспеченное и неблагодарное стратегическое положение, чем то, в котором находились армии четверного союза—им ничего не оставалось другого, как бдительно ожидать атак противника на огромных фронтах. В этом случае все зависело от внутренних качеств войск и младшего командного состава. Высшее же командование не было в состоянии поднять боеспособность и дух войск смелыми, внезапными, полными замысла операциями. Это вынужденное положение было сознано постепенно всей массой армий. Тем не менее в армии сохранилась непоколебимая вера, что под командой Гинденбурга немецкая армия выдержит неравную борьбу и одержит конечную победу. Такое моральное состояние немецкой армии являлось блестящим признаком для немецкого верховного командования.

Но, по крайней мере, одним наступательным оружием

можно было оказать косвенную и моральную поддержку сухопутной армии, а именно подводным флотом. Успешное же проведение неограниченной подводной войны зависело, конечно, не от сухопутной армии, а от флота. Открытие неограниченной подводной войны в конце августа 1916 г. обещало хорошие результаты в виду того, что противник к тому времени еще не успел усовершенствовать своих оборонительных мероприятий против атак подводного флота. Но неограниченная подводная война в конце августа не была открыта, так как немецкая дипломатия неосновательно боялась об'явления войны со стороны Голландии и Дании, армиям которых Германия не могла бы противопоставить никаких сил при тогдашней напряженной обстановке. С этого времени подводная война приняла характер крейсерской войны. Оборонительные мероприятия противника тем временем получили значительное развитие. Немецкий морской генеральный штаб все же надеялся,—в данном случае вторично,—на парализование английской боевой воли при помощи подводного флота, значительно увеличившегося численно и улучшившегося качественно. Этот результат предполагалось достигнуть в недалеком будущем, во всяком случае, не позднее 1917 года. Но с об'явлением неограниченной подводной войны опять возникала опасность об'явления войны Соединенными Штатами. Тем не менее стратегическое положение центральных держав не позволяло отказаться от этого единственного наступательного оружия. Кроме того, поведение Вильсона ясно указывало, что Соединенные Штаты об'явят войну и независимо от вопроса неограниченной подводной войны, если Англии будет угрожать поражение. С другой стороны, помощь Соединенных Штатов войсками в 1917 г. не могла быть опасной. В общем, обе стороны ожидали решения войны в 1917 г. Антанта надеялась достичь победы в этом году решительным прорывом, по крайней мере, на западном немецком фронте, а также внутренним развалом всех или отдельных государств четверного союза. Державы же четверного союза рассчитывали достичь победы успешным отражением предстоящих атак противников и подводной войной, направленной против жизненного нерва Англии. Кроме того, втайне предвиделась возможность выхода России из

войны или вследствие отказа ее от продолжения войны из-за англо-французских поражений или по внутренне-политическим соображениям. Тогда немецкие силы на востоке освободились бы для ведения наступательных операций на западе. Эти возможности, правда, не могли еще послужить прочной основой для каких-либо планов.

Стратегическая оценка

1917 г.

Державы Антанты, в особенности же Франция, отказались от осторожных боевых методов Жофра. Эти методы в общем были сходны с методами Фалькенгайна и вели к стратегии измора, несмотря на ряд мер и заявлений Жофра, имевших более решительный характер. Теперь к армии было пред'явлено требование достичь победы и изгнать, наконец, немцев из захваченной ими территории. Достижение этой победы было возложено на Нивеля. Но смена французского командования дала немецкой западной армии в начале 1917 г. время для отдыха и подготовки войск, как в боевом, так и духовном отношениях. Державы Антанты не учли размеров и значения тех результатов, которые были достигнуты немцами в этих областях за время передышки. Немецкое верховное командование использовало эту передышку в частности для того, чтобы отвести по своей инициативе войска с поля сражения на р. Сомме *на позиции Зигфрида*. В военном отношении это была смелая, но необходимая по тактическо-стратегическим соображениям операция. Противник не предусмотрел этой операции, хотя и обнаружил подготовительные меры и самое выполнение ее. Выполнение подобных операций всегда сопряжено с известной опасностью в отношении подрыва духа и боеспособности войск, но в данном случае эта опасность была преодолена благодаря сильному доверию войск к распоряжениям верховного командования.

Позиции на р. Сомме нельзя было бы удерживать в течение более или менее продолжительного времени в виду болотистого характера местности и разрушений, вызванных боями. Очищение этих позиций дало возможность сократить и упрочить этот важный центральный участок фронта, а также обеспечить возможность выделения резервов. Кроме того, эта мера значительно расстроила англо-французские планы и подготовку наступления, намеченного на сентябрь месяц 1917 г. Возможный район этого наступления был ограничен пространством Круазиль—Суассон. На немецкой стороне продолжал сказываться большой недостаток в людских силах, чего, конечно, не было у Антанты. В силу недостатка людских сил оборудование позиций Зигфрида было произведено в недостаточной степени.

В общем, эти позиции, слывшие под популярным названием «позиций Гинденбурга», ни в коем случае не представляли собой того прочного оплота, каким их считали, как немецкий народ, так и противники. Распоряжение немецкого верховного командования об опустошении значительных пространств в боевом районе вызывалось стратегической необходимостью и, бесспорно, не противоречило международному праву. Тем не менее, это мероприятие дало повод неприятельской пропаганде к ничем не сдерживаемой клевете против немецкой армии и немецкого верховного командования. Этого можно было избежать, если бы громадные массы взрывчатых веществ, израсходованные для уничтожения населенных пунктов, были применены для основательного разрушения путей сообщения и железнодорожных сооружений. В этом случае значительное пространство, которое пришлось отдать противнику, было бы более непригодно для организации наступления в большом масштабе, чем после основательного разрушения населенных пунктов и совершенно недостаточного разрушения путей сообщения.

Таким образом, этот вопрос затронул политическую и общественную области. Но, кроме того, немецкое верховное командование должно был разрешить ряд важных стратегических вопросов относительно дальнейшего ведения войны. По этим вопросам требовалось принять решение еще до начала крупных боевых действий, т.-е. в феврале—апреле. Вильсон

прервал дипломатические переговоры; Соединенные Штаты стали готовиться к борьбе против немцев. В этом Вильсону значительно помогла немецкая дипломатическая глупость — угроза бессильной Мексикой. Подавление торговых сношений с Германией, проведенное президентом С.-А. Соединенных Штатов под хитрыми, лицемерными предлогами, приняло, действительно, угрожающий характер. Но, с другой стороны, русская революция в марте месяце расшатала государственный и войсковой организмы восточного противника. Таким образом, угроза с запада приняла опасный характер с точки зрения исхода войны; угроза же на востоке стала безопасной.

В политическом отношении было чрезвычайно важно то обстоятельство, что русский народ и русская армия страстно желали *мира*, на что указывали определенные признаки. Правда, не все члены русского правительства разделяли это стремление.

Борьба мнений за преобладание политического или стратегического руководства войной не приводила к определенному результату. Но востоке же создалось такое положение, что сознательный и дальновидный немецкий канцлер должен был бы выдвинуть и провести в жизнь требование о заключении мира с русским народом, совершенно отказавшись от притязаний на русскую территорию, вмешательства в русские внутренние дела и воздействия на русские государственные реформы. Этот шаг канцлера был бы поддержан большинством немецкого народа и даже армией, а затем и союзными народами и армиями.

Русский народ и его армия окончательно потеряли боеспособность и желание продолжать войну. Достаточно было бы сообщения или радио-телеграммы, чтобы масса восточной немецкой армии освободилась для операций на западном фронте даже и в том случае, если бы мир был заключен не с той быстротой, как это было необходимо. Новые попытки поднять русский народ к продолжению войны не могли бы иметь успеха. В этом случае Германия, оставаясь даже при своей довоенной, но более сильно укрепленной восточной границе, могла бы жить в мирном соседстве с республиканской Россией. Положение Германии, как безусловной победительницы,

обеспечило бы ей почтительное отношение к себе на продолжительное время. Но, заключая мир с Россией, Германия должна была бы обусловить для себя экономические выгоды. Возможно, что на ее долю достались бы при этом известные территориальные приобретения путем добровольного присоединения, так как во время мирных переговоров можно было бы настоять на самоопределении русских окраинных государств в силу права на самоопределение народов, которое было возвещено русскими всему миру и использовано неприятельской пропагандой, как средство раздора, и своего рода взрывчатое вещество. Но такого дальновидного государственного деятеля у Германии не было. Немецкий же канцлер окончательно подорвал к себе доверие русского народа своей польской политикой. Таким образом, руководитель немецкой политики оказался несостоятельным в этом вопросе, как и глава государства, который мог призвать для этой цели нового государственного деятеля. От немецкого же верховного командования нельзя было ожидать, чтобы оно предложило послать такую радио-телеграмму в силу его предыдущей политики по восточным вопросам. В общем, славная и успешная деятельность Гинденбурга и Людендорфа на восточном театре военных действий, длившаяся несколько лет, явилась теперь причиной трагического положения по восточному вопросу.

С одной стороны, Гинденбург и Людендорф не хотели отказаться от территории Курляндии и Литвы, которую они предназначали для организации поселений для немцев—участников войны, как заслуженной награды за их боевую работу. С другой, они не считали возможным отказаться от пограничных территориальных приобретений, необходимых, по их мнению, для стратегического обеспечения Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Только крайняя нужда могла бы заставить Гинденбурга и Людендорфа пойти на уступки в этих вопросах; такой нужды они пока не видели.

Тем не менее, такая необходимость была налицо. Если в 1917, как и в 1916 г., во Франции и Бельгии можно было вести войну лишь чисто оборонительного характера, то нельзя было не предвидеть, что при этом условии немецкая западная армия должна была неизбежно обессилеть. Только при помощи

сильных подкреплений с восточного фронта, как немецкими, так и австро-венгерскими силами, можно было бы избежать ослабления западного немецкого фронта и даже организовать свое самостоятельное наступление или контр-наступление. Такой способ действий позволил бы надеяться на достижение победы и на западном фронте. В противном случае исход борьбы в решительном 1917 году всецело ставился в зависимость от успеха подводной войны, которого нельзя было предвидеть с уверенностью.

Однако, немцы остановились именно на последнем решении, совершенно неудовлетворительном со стратегической точки зрения. Только по одному вопросу было достигнуто единодушие, а именно, чтобы не противодействовать дальнейшему саморазложению русской армии путем наступления на востоке. Но немецкое верховное командование втайне не отказывалось от нанесения окончательного удара русскому колоссу. Таким образом, к поздней осени 1917 года лишь несколько дивизий было взято с восточного на западный фронт. Кроме того, несколько расстроенных дивизий западного фронта было заменено дивизиями, взятыми с восточного фронта. Вера немецкого верховного командования в силу и выдержку немецкой западной армии, хотя и не получившей подкреплений, а также в возможность хорошего исхода борьбы в 1917 г. не была поколеблена даже тогда, когда в начале апреля месяца кайзер Карл, Чернин и Арц, сменивший Конрада в феврале по личным мотивам, единодушно заявили, что Австро-Венгрия сможет сражаться только до зимы. Обмен мнений по этому вопросу происходил в Гамбурге. Австро-венгерский союзник предложил немецкому кайзеру уступить Франции Эльзас-Лотарингию с целью заключения мира с западными государствами. Но принятие немцами этого предложения было немыслимо при тогдашней боевой обстановке. После этого начался ряд переговоров и совещаний по вопросу о заключении мира по соглашению. Даже римский папа обратился в августе месяце с призывом такого же характера. Все эти переговоры без исключения были лишены прочной основы. В силу этого они оказались не только безрезультатными, но и потребовали чрезмерного напряжения сил немецкого верхов-

ного командования. При этом обнаружилось, что кайзер Карл и его пессимистически настроенный министр-президент, дрожавшие от призрака революции, были готовы заключить мир ценой каких бы то ни было условий. Под влиянием Чернина немецкие политические честолюбцы стали страстно работать в пользу мира. В то же время государственные деятели Антанты упорствовали на своей цели уничтожения Германии и Австро-Венгрии и использовали переговоры по вопросу о мире лишь для целей разложения своих противников. В Крейцнахе, где с февраля месяца находилась немецкая главная квартира, шла тяжелая нервная работа верховного командования по организации борьбы с армиями Антанты, которые в 1917 году снова начали атаки на всех фронтах. Тем временем между Берлином и Веной, а также и другими, темными путями, шел спор по вопросу о мире по соглашению, доставляя этим лишь адскую радость противнику. Придти же к определенному выводу немецкие, австрийские и венгерские государственные и парламентские деятели не могли, потому что они преследовали при этом противоречивые и эгоистические государственные и партийные цели.

Немецкий западный фронт состоял из трех больших армейских групп: группы кронпринца Рупрехта от моря до Ляфер; немецкого кронпринца до Вердена (Орн); герцога Альбрехта до швейцарской границы. Преодолев тяжелые противоречия политического и военного характера, Нивель составил план англо-фрунцузского наступления и приступил к его выполнению. Целью этого наступления был тройной прорыв у Дуэ, Лаон и Ретель, а затем—уничтожение немецкой армии, охваченной с флангов и тыла, путем развития прорывов в маневренную операцию. Метод боевых действий оставался прежний, т.-е. «сражение техники» 1916 г. Союзники предполагали обеспечить свой успех полным разрушением немецких позиций при помощи огневой силы, считая, что немцы удерживают прочно лишь одну оборонительную линию (систему). Это должно было вызвать духовное потрясение обороняющегося. Танки, усовершенствованный огневой вал должны были затем содействовать прорыву пехоты и кавалерийских масс. Противник полагал, что ему удастся добиться

прорыва уже на первый или второй день с небольшими при том людскими потерями.

Ни одно из этих предположений не было осуществлено в сражениях у *Арраса, Энь и в Шампани,* длившихся с 9-го апреля по конец мая. Командование британскими войсками достигло крупного начального успеха у Арраса, приобретавшего опасный характер для армейской группы Рупрехта, но не сумело использовать его. Французы же на Энь и в Шампани не создали даже такой обстановки, которая могла бы дать надежду на достижение решительного прорыва.

Наступление велось лучшими войсками Антанты, отдыхавшими в течение нескольких месяцев и специально подготовленными к этому наступлению. В результате противник захватил лишь сравнительно незначительное, как по фронту, так и в глубину, пространство, не имевшее особого стратегического значения. Но этот результат был достигнут ценой таких громадных потерь, что во французской армии, сильно разочаровавшейся после высокопарных обещаний победы, вспыхнули бунты. Новому французскому главнокомандующему Петену пришлось потратить несколько месяцев на их подавление. С этой целью Петен провел ряд умелых реформ и широко использовал впечатление, производимое надеждой на американскую помощь. Тем не менее, французская армия оказалась неспособной не только возобновить в 1917 году более или менее крупное наступление, но даже успешно провести частные удары, несмотря на их тщательную подготовку и большое превосходство в силах. Немецкая же западная армия превзошла всякие ожидания в отношении своей храбрости и выносливости. Ее заслуга перед родиной выше всякой похвалы. Новый оборонительный способ боевых действий вполне выдержал испытание: искусство победило грубую силу; немецкое верховное командование победило англо-французское командование. Если бы в этот момент немцы могли перейти в решительное контр-наступление со свежими силами против французской армии, у которой к этому времени было обнаружено не только духовное, но и тактическое разложение, то шансы на победу были бы велики.

Но больше, чем третья часть немецких боевых сил на Востоке продолжала оставаться без дела, если не считать разлагающей работы среди русской армии, что было сопряжено с известной опасностью и для немецких солдат. В июле месяце на восточном фронте еще раз произошло боевое столкновение. Керенский вызвал русскую армию на последнее, отчаянное наступление 1-го июля, под лозунгом изгнания немцев и австро-венгерцев, как врагов свободы и жадных аннексионистов, со священной русской земли. Это наступление не удалось на немецком фронте Рига—Сморгонь с первых же шагов. Но в главном направлении удара против австро-венгерского фронта у Зборова и Калюша русскими был достигнут известный успех. Этому успеху и на этот раз сильно способствовала измена чехов. 19-го июля немецкие войска перешли в контр-наступление со стороны Тарнополя, длившееся несколько недель. Для проведения этого контр-наступления пришлось снять шесть дивизий даже с западного и без того обессиленного фронта. Под впечатлением этого удара боевое воодушевление русских войск быстро пало, и русская армия была отброшена на 150 клм. вплоть до Черновиц. Немецкое верховное командование предполагало развить успех этой операции, перейдя в наступление в долине реки Моравы с целью окончательного разгрома румынской армии. Но для нанесения этого удара не оказалось достаточных сил, а также тыловых путей сообщения. В силу этого румынская армия снова усилилась при содействии французов. Русская же армия, как опасная наступательная сила, перестала существовать. Таким образом, на восточном фронте было достигнуто необыкновенно благоприятное улучшение положения.

Старшие начальники немецкой западной армии полагали, что боеспособность французской и английской армий настолько пострадала в апрельских и майских боях, что нельзя было ожидать нового наступления с их стороны. Это предположение не оправдалось в отношении британской армии. Англичане, прежде всего, задались решительной целью отнять у немцев базу подводного флота, работа которого в течение последних месяцев приняла угрожающий характер как в отношении английского тоннажа. так и переброски американских

войск в Европу. С другой стороны, англичане решили прорвать, если можно, немецкий фронт в Бельгии еще до подхода американских подкреплений. Преследуя эти цели, английские государственные деятели и войсковое командование поступали правильно, как с военной, так и общегосударственной точки зрения. Если бы удалось достичь этих целей, то Великобритания явилась бы фактическим победителем и вершителем судеб мира. Для осуществления поставленных задач маршал Хэг, под давлением Ллойд-Джорджа, но и при его усиленной поддержке, перешел в наступление, длившееся с 31-го июля по грязный фландрийский ноябрь месяц. Это наступление велось с той крайней энергией, на какую способны английская мощь и упорство. В бой были брошены громадные материальные боевые средства, в особенности в отношении снарядов, летательных аппаратов и танков, в общем, всего того, что могла создать в этой области работа всего остального мира. Благодаря всему этому *сражение во Фландрии* 1917 г. явилось для немецких войск наиболее тяжелым сражением всей войны. Каждая немецкая дивизия, участвовавшая в этом бою, была к концу его совершенно расстроена и обессилена; первы значительной части этих дивизий были потрясены на продолжительное время. Этому способствовало в сильной степени и то обстоятельство, что немецкие дивизии должны были оставаться в бою без смены вдвое больше времени, чем дивизии противника. Общее количество немецких потерь убитыми, ранеными и пленными превзошло число потерь, понесенных немцами в любом из всех предшествовавших сражений. Пять раз борьба принимала критический характер. Тем не менее, геройство немецких войск и искусство немецкого командования были причиной того, что противник, несмотря на все свое превосходство в силах, не смог продвинуться вперед больше, чем на часовой переход пехотинца. Немецкие линии не были прорваны нигде. Противник нисколько не продвинулся в направлении минимальной цели своего наступления—Брюгге. Немецкое верховное командование не смогло облегчить положение на этом фронте нанесением контр-удара в тыл английской армии во Фландрии. Такой удар был бы возможен со стороны Лилля в августе—сентябре

месяцах, если бы после успеха у Зборова в конце июля, примерно, 12 дивизий было переброшено с восточного фронта на западный. Это дало бы возможность освободить такое же количество западных дивизий для маневренных целей. Вместо этого немецкое верховное командование стремилось помочь немецкому фронту во Фландрии лишь усовершенствованием тактических оборонительных методов, приспосабливая их к новым, более осторожным, тактическим приемам наступления англичан от рубежа к рубежу. Усовершенствование оборонительных методов задумывалось и испытывалось непосредственно во время боев.

Немецкие войска во Фландрии напряженно ждали иной и более действительной помощи. Немецкое верховное командование сознавало это, но оценивало общую обстановку с иной точки зрения. Как ни тяжело было положение немецкой западной армии, ей приходилось надеяться только на свои собственные силы до тех пор, пока успехи подводной войны не подготовят возможность победы и на западном фронте. Одновременно с этим полное поражение русской и румынской армий должно было создать прочную базу для достижения целей, поставленных на востоке, т.-е., прежде всего, для обеспечения за собой Курляндии. Осуществление этой цели должно было, с другой стороны, обеспечить немецкому верховному командованию свободу применения восточных армий на западном фронте в 1918 г., если бы потребовалось добиваться решения войны наступлением против англичан, французов и американцев. Ослабление подводной войны во вторую половину 1917 г. все более и более указывало на неизбежность такой решительной борьбы на западном фронте. В силу этих причин немецкое верховное командование намечало еще два удара на восточном фронте в августе месяце: один—сравнительно слабый—на Ригу; другой—более сильный—на юг от Черновиц, имея целью нанести удар в тыл румынской армии, сосредоточенной в долине р. Молдавы. Наступление против румынской армии предполагалось начать по улучшении путей сообщения и обеспечении подвоза.

Первый удар—на Ригу—был удачно выполнен в начале сентября. Кроме того, были заняты острова Рижского залива

при помощи совместных действий немецких сухопутных и морских сил. Однако, политическое влияние этого успеха на русское правительство было сомнительно. От нанесения удара румынской армии Людендорфу пришлось совершенно отказаться в сентябре месяце, как ни противоречило это его желаниям. Отказ от этого наступления был вызван тем, что австро-венгерскому фронту, после 11 сражения на Изонцо в августе—сентябре месяцах, грозила полная катастрофа, если бы не была оказана немецкая помощь. С помощью немецких войск Австро-Венгрия была избавлена от русской, сербской и румынской опасностей. Теперь немецким войскам нужно было оказать поддержку Австро-Венгрии с целью избавления ее и от итальянской опасности.

Было ясно, что наиболее решительным средством для этого являлось одновременное наступление в Тироле и на Изонцо. В случае полного успеха этого двойного наступления можно было надеяться нанести такой катастрофический удар итальянской армии, что значительная часть австро-венгерской армии получила бы свободу действий. Кроме того, этим ударом удалось бы отвлечь значительные силы Антанты для оказания поддержки итальянцам. Как то, так и другое могло оказать большое стратегическое влияние на исход решения на западном фронте. Остановка наступления в Рижском направлении, стратегическое значение которого сводилось лишь к улучшению расположения фронта, а также переброска сил с других участков восточного фронта, ставшая вполне возможной в силу создавшейся здесь обстановки в середине сентября, позволили усилить австро-венгерскую армию на Изонцо и тирольскую армию Конрада. Каждая из этих армий была подкреплена 6—7 немецкими дивизиями.

Красивый прорыв у Флича и Тольмеина сбил высокомерие итальянцев. Австро-Венгрия была избавлена от опасности, угрожавшей ей с этой стороны. Добыча пленными и боевыми материалами превзошла всякие ожидания.

Немецкие части 14 армии Белова, выполнившие блестящий прорыв совместно с одним из австро-венгерских корпусов, заслужили новую славу. Тем не менее, достигнутый успех не был использован в полной мере благодаря грубым ошиб-

кам австро-венгерского командования. Разбитая итальянская армия смогла удержать позиции у Граппи, являвшиеся ключом итальянской обороны. С другой стороны, английские и французские дивизии вскоре пришли на помощь итальянцам и дали им возможность удержаться на южном берегу Пьявы. Благодаря этим причинам, этот блестящий успех получил лишь частное значение и не оказал влияния на обстановку на западном фронте. Лучшим доказательством этого является крупный и опасный удар англичан у Камбре в ноябре месяце. Английское командование достигло в начале наступления неожиданно крупных результатов. Но и в этот раз англичане не сумели использовать успеха. Немцы же завершили этот бой успешным контр-наступлением. Таким образом, и на западном фронте 1917 год был закончен по внешности удачно.

Обстановка к концу 1917 года и в начале 1918 г. до мартовского наступления.

1917 год, вопреки всеобщему мнению, не привел к концу войны, как и не дал немецким армиям и народу желанной победы центральных держав. Было две основных причины этого: во-первых, не оправдавшиеся надежды на неограниченную подводную войну, и, во-вторых, неожиданно большая наступательная сила английской армии, проявленная ею в течение последних девяти месяцев войны. Немецкая армия была так скована и потеснена, что она вряд ли могла бы устоять, если бы подводные лодки не повлияли на подвоз оружия и боевых припасов для английской армии.

Немецкий западный фронт стоял, однако, прочно в конце 1917 года, являясь, с одной стороны, оборонительной стеной, а с другой—обеспечивая возможность наступления. Территориальные потери во Фландрии, у Арраса, на Шмен-де-Дам, у Вердена и других местах не меняли общего положения. На востоке же были завоеваны области у Риги и Черновиц; русская армия была почти доведена до состояния разложения; русское и румынское правительства была принуждены завязать мирные переговоры.

Таким образом, угроза на восточном фронте с русской стороны больше не существовала; со стороны же румын эта угроза могла быть лишь очень ограниченной. Положение австро-венгерского фронта в Италии было значительно улучшено; линия фронта была сильно сокращена; богатая итальянская провинция была захвачена. Болгарский фронт также, казалось, был силен и не давал повода к серьезной заботе. Положение же турок в Месопотамии и особенно в Сирии (севернее Иерусалима) вызывало *серьезные опасения*. Но это были второстепенные фронты, хотя и важные сами по себе для Оттоманского государства: даже тяжелые неудачи на этих фронтах могли быть уравновешены удачным исходом борьбы на главном театре военных действий. Что этого решения можно было достичь только на западном фронте, больше ни у кого не было сомнений; точно так же никто не сомневался в том, что быстрого решения можно достичь лишь наступлением, а не обороной. Немецкая армия могла бы начать новое оборонительное «сражение техники» лишь с затаенным озлоблением, т.-е. в общем без надежды на успех; с другой стороны, ни духовные силы Германии, ни ее союзников не смогли бы выдержать такой борьбы в течение 1918 года. Таким образом, стратегия четверного союза значительно упростилась по сравнению с предыдущим годом; длительный спор относительно того, следует ли искать решения на восточном или западном фронте, потерял значение. Но сомнение оставалось в отношении того, правильно ли немецкое верховное командование вело операции в 1917 году, т.-е. была ли создана прочная база для ведения войны в 1918 году в случае неуспеха подводной войны.

Тот, кто более глубоко понял состояние западной армии к концу 1917 года, должен ответить на этот вопрос отрицательно. Славные эпизоды в роде Камбре, успех которых, впрочем, был достигнут ценой введения значительных войсковых сил и больших потерь, не могут изменить этого мнения: 1917 год *глубоко потряс внутреннюю силу западной армии*, несмотря на ее бесспорный успех в обороне. В новейших войнах оборона вообще признается более слабой и сопряженной с бо́льшими потерями формой ведения войны: на долю же западной армии выпала

наиболее тяжелая, богатая жертвами и расшатывающая нервы длительная оборона без больших контр-наступлений, начиная с 1915 и 1916 г.г. и кончая 1917 годом, против противника, все более и более получавшего перевес в оружии наступления. Таким образом, и новое верховное командование переступило границы в этом отношении, несмотря на предостережения с разных сторон (в частности, со стороны немецкого кронпринца) о необходимости соблюдения меры. В общем, западный фронт хотя и не был сломлен, но его лучшая ударная сила была ослаблена. Она была бы сохранена (что и явилось бы действительно прочной базой для ведения войны в 1918 году), если бы к началу сражения во Фландрии на западный фронт была переброшена большая часть восточной армии, что дало бы возможность сменить западную армию и дать ей передохнуть. Кроме того, эта мера помогла бы нанести английским войскам, наступавшим с поразительным упрямством, такой контр-удар, который ослабил бы их боеспособность, по крайней мере, на 1918 г.

Верховное командование отказалось от этого способа действий не по чисто стратегическим, а, главным образом, по стратегическо-политическим соображениям. В основе же всего лежала точка зрения Людендорфа: войну можно считать выигранной Германией лишь в том случае, если на обоих фронтах—западном и восточном—будут созданы такие границы и положение, благодаря которым она могла бы успешно вести и будущую оборонительную войну и обеспечила бы свое дальнейшее экономическое развитие. Этот идеал полной победы (Vollsieg) должна была осуществить восточная армия в 1917 г. в отношении России и Румынии; поэтому эта армия не могла быть использована на западном фронте. В 1918 году об'единенные западная и восточная армии должны были достичь такую же полную победу на западе. Эта программа Людендорфа требовала на востоке военного, политического и экономического присоединения Курляндии, Литвы и Польши, а на западе, кроме небольшой оборонительной полосы западнее Меца, Бельгии с Льежем, как залога. Но эти требования и цели стали невыполнимыми, с военной точки зрения неправильными, а с дипломатической—сомнительными после того, как в войну вступили С.-А. Соединенные Штаты, опасные сво-

им лозунгом «без аннексий», своим политическим влиянием и своей военной мощью. Но генерал Людендорф занял в течение 1917 года выдающееся положение и в политике. Его точка зрения и программа, несмотря на наличие противодействующих государственно-правовых положений, *действовали заманчиво* не только на кайзера и первого парламентского рейхсканцлера графа Гертлинга (неспособного к большой самодеятельности, несмотря на весь его ум и опыт, и шедшего по пути компромиссов), но и на широкие круги немецких народа и армии, в особенности после каждой новой военной победы. Правда, влияние Людендорфа не являлось исключительно руководящим в политике Германии, но все же оно сильно увеличивало сомнительность положения. Кайзер и рейхсканцлер, согласно конституции, являлись ответственными за дипломатическое ведение войны, а следовательно, прежде всего, и за постановку целей войны. Они, конечно, как и всякий другой истинный немец, не могли потребовать в 1917 и в начале 1918 г. от немецкого войскового командования, чтобы оно отказалось от борьбы и предоставило Германию на разграбление и унижение. Но они могли решительно отказаться от присоединения бельгийских и французских областей. Этим они ясно показали бы всему миру и своему народу, что неизбежная последняя решительная борьба ведется не из-за завоевательных целей, а только из-за того, что другими средствами нельзя обеспечить границы Германии и ее великодержавное положение 1914 г. против злой воли Антанты. Эта умеренная, не поддающаяся критике, а потому и скорее достижимая цель соответствовала бы воле и настроению преобладающей массы немецкого народа. Такая постановка вопроса дал бы сильную опору для внутренне-политической и военной работы в предвидении последней решительной борьбы. Вместе с тем такой лозунг был бы наиболее выгодным и во внешне-политическом отношении. Такая военная программа возымела бы свое действие и на войска Антанты, а также и на неприятельские и нейтральные народы. Кроме того, в случае неудачи или частичного успеха, эта программа могла быть единственно подходящей базой для мирных переговоров. Однако, кайзер и канцлер не решились открыто признать ее и последовали на буксире у все более и более опасной

стратегической программы. Эта полумера отняла у них обоих влияние и лишила их прочных устоев.

Всякая полумера влечет за собой вредные последствия; так и в военной сфере существование двух начальников штаба верховного командования выявило свои дурные стороны. 29 августа 1916 г. Людендорф определенно обусловил разделение власти пополам между обоими генералами верховного командования. Как бы незначительно было стремление истолковать в дурную сторону этот факт, все же общественное мнение уже давно говорило о произошедшем будто бы разрыве отношений между этими генералами, попрежнему тесно привязанными друг к другу. В отношении 70-летнего фельдмаршала говорилось, что он был более проницательным и умеренным в отношении оценки военного и политического положения. Генерал-квартирмейстер же предъявлял повышенные требования в области замысла и проведения решений; в отношении целей войны он был более притязательным; его железная голова с сильной, в то же время властной волей тем сильнее начинала доминировать над другими, чем дольше тянулась война и чем больше ей приходилось сталкиваться с менее сильной энергией других. Высокое уважение к Гинденбургу не пострадало из-за этого расхождения характеров обоих генералов; его достоинство вряд ли пало в глазах общественного мнения. Но двойное занятие поста начальника штаба не обеспечило полной авторитетности главной квартиры в отношении старших начальников армии. Оно привело, в частности, к сепаратным сношениям генерал-квартирмейстера с начальниками штабов войсковых соединений по линии генерального штаба. Это вскоре привело к хозяйничанию генерального штаба, что, при наличии и без того сильной централизации в условиях позиционной войны, еще более содействовало проявлению слепого повиновения и преобладанию покладистых элементов.

В силу этого на западе создался ряд начальников, а также частей войск, которые стали менее *восприимчивыми* благодаря продолжительному вмешательству в их действия свыше, а также влиянию бесконечной позиционной войны. К концу 1917 и началу 1918 года создавалась такая обстановка: мирные переговоры в Брест-Литовске были недостаточно подготовлены

в дипломатическом отношении и велись невыносимо медленно и плохо, так что дипломаты в общем портили то, что было достигнуто силой оружия. Честолюбивый представитель Австро-Венгрии забыл ответить должной благодарностью Германии за ее нибелунгову верность. Представители побежденного русского народа были вынуждены призвать немецкий народ и армию к восстанию. Теперь можно было рассчитывать на переброску восточной немецкой армии на западный фронт, но эта армия в значительной своей составной части отвыкла от трудностей боевой жизни и, кроме того, была заражена большевистским духом, так что не несла с собой на запад необходимой жизненной силы. Духовное и физическое переутомление страны (неурегулированность заработной платы, ростовщичество, запрещенная торговля, равнодушие, интернационализм) разлагало пополнения изнутри страны. В общем в моральном отношении в армии все сильнее стали проявляться признаки разложения. Правительственная власть упустила принять меры по улучшению плачевного положения вдов и сирот и поднять настроение войск путем решительных реформ, как в этой, так и других областях. После переброски на западный фронт восточной немецкой армии можно было рассчитывать, что весной 1918 г. получится некоторое превосходство немцев в числе дивизий,—отнюдь не в орудиях, летчиках и боевых припасах. Но эта армия походила в 1918 году только на такой меч, рукоять которого имела трещины, лишь поверхностно скрытые от глаза, а клинок был лишь слегка наточен для нового употребления. Таким оружием можно было нанести только немного ударов; затем оно снова притуплялось или совсем разбивалось.

Поэтому было чрезвычайно важным, чтобы немецкое верховное командование не переоценивало свой боевой инструмент в силу того, что в течение 1917 года уже были случаи разложения частей, а также в виду безуспешности трагической борьбы главной квартиры с внутренней властью в целях поднятия воли к победе. В предстоящем бою с западными противниками, упрямо уклонявшимися от всякого соглашения, оно должно было позаботиться о том, чтобы те немногие удары, которые могла нанести немецкая армия, были смертельными.

И это тем более было необходимым, что никто—в том числе и немецкий морской генеральный штаб—не мог уверенно сказать, в какой степени подводные лодки смогут воспрепятствовать или замедлить переброску американской армии. Это требовало искать решения как можно скорее, во всяком случае до лета. Наконец, сильные и быстро действующие удары были необходимы и потому, что только при помощи их еще раз можно было бы поднять усталое от войны и сомневающееся в успехе общественное мнение страны. Чтобы увлечь за собой даже рядового бойца армии, нужен был выбор соответствующего оперативного об'екта действий.

Таким об'ектом лучше всего была бы французская *столица*, но она была сильно укреплена и находилась в расстоянии 120 километров от немецкого фронта. Кроме того, пространство, на котором пришлось бы вести наступление, было стеснено течением рек Уазы и Марны. К Парижу стекались железные дороги со всей страны, а потому противник мог легко сосредоточить в его районе любые силы и направить их не только с фронта, но и на фланги наступающей немецкой армии независимо от того, удалось ли бы ей лишь вдавить французский фронт или прорвать его. Именно вследствие опасности двойного фланкирования, вообще связанного с прорывами, а также потому, что наступающие массы достигали небывалых по численности размеров—50—60 дивизий на ряду с колоссальными артиллерийскими средствами, предстоящая задача немецкого верховного командования должна быть отнесена к величайшим деяниям военной истории. Чтобы заставить противника проделать всю тяжесть наступления, имелось одно средство—очищение немецких позиций на фронте Аррас—Реймс и вовлечение его за этим фронтом в маневренное сражение. Но эта смелая операция обещала бы большой успех лишь при наличии закаленных и удобоуправляемых армий 1914 и 1915 годов в связи с их превосходной выучкой; при наличии же милиционной армии 1918 года, сильно страдающей от недостатка средств передвижения, лошадей, автомобилей и пр., такая попытка была бы непозволительной азартной игрой. Поэтому немцы *должны были наступать*, несмотря на опасность фланкирования. Но наступление следовало организовать

только в одном направлении, а именно,—с рубежа *Иперн—Ланс* (Lens) чрез *Сант—Омер* (St. Omer) на *Булонь*. Если бы наступление в этом направлении имело успех, то следствием его было бы падение Изерского фронта с Иперном, Дюнкирхеном, Кале и Булонью и, вместе с тем, не возникло бы ни опасных выступов фронта, ни опасности фланкирования, так как наступающая армия немедленно оперлась бы своим правым флангом в море. Одновременно Англия была бы лишена Кале—важного и опасного для нее и ее столицы опорного пункта английского флота и артиллерии. Иперн и британские предмостные укрепления по каналу были бы привлекательной и воодушевляющей целью и добычей, в особенности попутно с лозунгом: «долой англичан», — смертельных и завистливых врагов немецкого влияния и силы и даже вообще немецкого существования, губивших сотни тысяч немецких стариков, женщин и детей дальней блокадой, которую народные массы считали трусливым средством борьбы.

Рассматривая это направление для удара с стратегической точки зрения, можно было с уверенностью рассчитывать, что немецкая наступающая армия встретила бы на тесном пространстве в направлении на Булонь всю английскую армию, как известно, тяжеловесную и сильно пострадавшую и ослабленную в сражениях у Арраса во Фландрии и у Камбре в 1917 году. Нельзя себе представить более выгодную и важную стратегическую цель, чем атака и уничтожение этой армии, потому что в случае достижения этой цели Антанта, несмотря ни на какие переброски американских войск, не могла бы предпринять решительного наступления в 1918 году. И это тем более, что попутно пострадали бы и значительные французские боевые силы, которые были бы поспешно брошены для поддержки этого фронта. Именно здесь, у Сант-Омера, представлялась большая, надежная и быстро достижимая первая цель. Правда, в пространственном отношении она казалась несколько ограниченной, но зато дававшей в процессе ее выполнения дальнейшие возможности, соответствовавшие немецким силам и обстановке, а именно, в виде развития операции от рубежа к рубежу вплоть до линии Соммы, Валери-Амьен. Если бы же Антанта и тогда не пошла на уступки, то насту-

пление можно было бы продолжать до линии Руан—Париж, при чем все эти операции можно было вести без опасного риска даже в случае неудачи первого штурма. Точно так же и чрезвычайно важный вопрос подвоза боевых припасов и продовольствия для войсковых масс был бы обеспечен в этом направлении наиболее верно в силу того, что атакуемый район давал богатую и неразрушенную железнодорожную и вообще дорожную сеть, а также запасы разного рода. Только один недостаток был связан с операцией в этом направлении—ее можно было начать лишь в середине апреля, так как до того времени долина Лис являлась недоступной.

Генерал Людендорф полагал, что нельзя было терять так много времени в виду переброски американских подкреплений. В действительности же от середины марта до середины апреля во Франции были высажены лишь немногие американские дивизии. Он руководствовался при выборе направления для удара главным образом тем требованием, чтобы немецкое наступление возможно раньше выводило на твердую почву и, по возможности, на наименее сильно занятый участок неприятельского фронта,—это казалось ему наиболее важным; таким образом, для него имели решающее значение тактические соображения. Они говорили за наступление в направлении из линии Круазилль—Ляфер на Перонн—Амьен. Это направление вело в тяжелый и невыгодный район Соммы, о котором у немецких солдат сохранилось плохое воспоминание. Этот район был невыгоден вместе с тем и в отношении подвоза вследствие недостатка железнодорожной сети. Наконец, это направление не вело к решительной цели действий. Наоборот, с первых же шагов наступления здесь приходилось считаться с английской и французской армиями, вполне отдохнувшими в течение длительного периода. Как англичане, так и французы именно на этом участке могли быстро усилить фронт благодаря наличию железнодорожного узла Амьен и притом без перемешивания частей, вступая в бой одни возле других.

Впрочем, немецкое ворховное командование отчетливо сознавало большие трудности и ответственность, связанные с принятым решением. Оно не стремилось к чему-либо фантастическому, не рассчитывало также на верный, немедленный и ре-

шительный прорыв. Наоборот, оно предвидело, что потребуется ряд сильных ударов по неприятельскому фронту, чтобы открыть ворота для маневренной войны. Наконец, оно считалось и с возможностью неудачи этой операции, которая в таком случае явилась бы простой вылазкой. С другой стороны, немецкое верховное командование руководилось при выборе направления на Перонн возможностью и надеждой отделить французов от англичан и отбросить последних к северу, к морю. Но основательные причины позволяли сомневаться в том, что немецкая армия 1918 года будет обладать необходимой силой, подвижностью людского и конского состава, а также достаточными средствами подвоза и сообщения для проведения этой многообещающей, но трудной операции, становившейся притом крайне опасной в случае неудачи; в частности, войскам, наступающим на юго-запад на Амьен, нужно было совершить очень трудное захождение левым плечом на северо-запад в направлении на Булонь. Таким образом, сравнивая план наступления Людендорфа и первый приказ о наступлении в 1918 г. с его же операциями в 1914—1915 г.г. на востоке, следует отметить, что между ними была глубокая разница: в плане 1918 г. недоставало не только большой и смелой, но даже ясной, простой и воодушевляющей мысли, которая могла бы увлечь за собой как начальников, так и войска. Этим планом не требовалось прорвать английский фронт до берега моря, бить противника по флангу и уничтожить его, а ставилось целью лишь прорвать фронт противника до Соммы и отбросить его на широком фронте, прежде всего, на линию Бопом—Перонн—Хам, причинив ему возможно крупные потери и частью отрезав (дуга у Камбре). Соответственно с этим, были распределены боевые силы на фронте в 80 клм., но и в этом случае не так, как этого можно было ожидать: на правом фланге были сосредоточены лишь слабые пехотные силы, вместо подавляющих, и без всякого притом превосходства в артиллерийских средствах. В случае успешного хода операции предусматривалось дальнейшее расширение фронта наступления, как на правом, так и на левом флангах. Следовательно, мартовское наступление представляло собой операцию, начало которой было определенно установлено; дальнейшее же ее раз-

вытие и окончание не было предусмотрено даже и в отношении наиболее благоприятного случая, т.-е. при отступлении армий противника на всем фронте наступления. Причину этого нужно искать в том, что верховное командование было поставлено почти перед неразрешимыми задачами и вопросами, связанными с выбором этого направления для наступления. Последующие события должны были вскоре подтвердить это.

До середины марта была закончена подготовка войск для наступления в соответствии с новейшим опытом, особенно после боев у Камбре. Эта подготовка, руководимая верховным командованием, велась с той же заботливостью, что и в предыдущем году, когда требовалось обучить войска обороне. Особое внимание было обращено на снабжение западной немецкой армии орудиями сопровождения—пулеметами, батареями и боевыми летчиками. Снабдить эту армию не только могучей артиллерией и богатыми запасами боевых припасов, но и большими танковыми средствами не представилось возможным. Но в этом нельзя усмотреть крупной ошибки, так как в Германии уже не было материалов для их постройки, в особенности же недоставало опыта по использованию этого сложного боевого средства в противовес армиям Антанты, которые приобрели почти двухлетний опыт в этом отношении. Однако, следует признать, что с немецкой стороны было слишком мало уделено внимания вопросу о танках для оборонительных целей. В данном случае опять приходится оттенить тот факт, что немецкий план войны 1918 г. страдал одним очевидным и роковым упущением, а именно тем, что в нем не была проявлена заботливость в отношении дальнейшего ведения войны в случае неудачи немецкого наступления в целом.

После ряда попыток Антанты прорвать фронт, можно было учесть, что и немецкие войска, несмотря на их образцовую подготовку и храбрость, могут быть вынуждены остановиться в начале своего наступления или после более или менее значительного успеха. Тогда пришлось бы снова прибегнуть к вынужденной обороне, противотанковой борьбе при наличии в данном случае ослабленных, переме-

павшихся и духовно надорванных войсковых соединений на случайных позициях. Относительно же того, что противник приложил усилия к численному увеличению и усовершенствованию танков со времени удачного опыта во время прорыва у Камбре 20 ноября 1917 г., не могло быть сомнения. То, что удалось сделать в отношении противотанковой обороны в последующие за прорывом дни (27—29 ноября), во время оборонительного сражения у Камбре, на позиции Зигфрида, при наличии организованной и сильной укрытой артиллерии—уничтожение огнем неприятельских танков, тогда еще очень неповоротливых—, не могло быть достигнуто при обстановке, вызванной вынужденной обороной; в особенности же в том случае, если танку содействовал наиболее опасный его союзник—туман, во время которого так легко вызывается паника у противника. Длительная оборона на занятых при наступлении позициях делалась немыслимой уже по причине танковой борьбы. С другой стороны, не могло быть уверенности, что отход с этих позиций на позиции Зигфрида может произойти в порядке. Наконец, возникало сомнение в том, можно ли будет удержать позиции Зигфрида, запущенные в течение недель и даже месяцев. Немецкое верховное командование должно было, кроме того, понимать, что, в случае неудачи решительного наступления, исчезала всякая надежда на победоносное окончание войны при наличии противника, силы которого с каждым днем росли за счет американских подкреплений, в то время, как немецкие силы с каждым днем слабели. В данном случае уже не приходилось думать о сохранении чести или достижении полной победы, а только о том, чтобы не допустить враждебные армии на немецкую территорию и не подвергнуть ее разорению, а также, чтобы правительства Антанты не могли наложить на немецкие государства, народ и четверной союз смертельные условия мира. Для этой цели нужно было иметь сильную тыловую позицию, особенно хорошо приспособленную для противотанковой борьбы. Такая позиция представлялась на линии Антверпен — Намюр—Седан—Мец; она находилась большею своею частью еще на территории противника; на значительном своем протяжении она была прикрыта препятствиями в виде рек Шель-

лы и Мааса; ее другие участки были неблагоприятны для танковых нападений вследствие горного характера местности, которую легко было сделать неприступной для танков; вообще, эта позиция была сильна сама по себе в оборонительном отношении и обеспечена, кроме того, тремя крепостями. Поэтому следовало начать усиленное укрепление этой позиции в начале 1918 года, невзирая ни на какие затруднения. Лучше всего было бы поручить эту работу запасным частям, перебросив их во Францию и Бельгию: полезная и напряженная работа, а также учебные занятия предохранили бы их к тому же от вредных влияний внутри страны и позволили бы встретить отступающую немецкую армию надежным образом. Имея такую позицию у себя в тылу, верховное командование могло бы сосредоточить все свое внимание и силы на достижении победы и с этой целью решиться на все. При отсутствии такой тыловой опоры немецкая армия должна была попасть в чрезвычайно затруднительное положение в случае неудачи или приостановки наступления. Ей пришлось бы пережить такие дни, которых не удалось бы избежать также и русскому командованию в 1915 году, если бы оно своевременно не позаботилось о создании сильных тыловых позиций.

Что касается положения союзников, от которых, прежде всего, ожидалось, что они сумеют удержать занимаемые ими позиции, то немецкое верховное командование считало его обеспеченным, во всяком случае, на европейском театре военных действий. На македонском фронте оно считалось даже настолько прочным, что, вопреки предостерегающему протесту болгарского и немецкого командующих войсками на этом фронте, немецкие войска была переброшены оттуда на западный фронт и для поддержки турецкого фронта в Палестине. Что к началу 1918 г. немецкое верховное командование не сумело создать из себя проницательного и влиятельного верховного союзного командования, доказывают лучше всего события в Турции, чему, повидимому, содействовала и дезорганизация в области работы корреспондентов о событиях на турецком фронте. Весеннее наступление турок в 1917 г. с целью обратного завладения Багдадом (Ильдерим), предпринятое с большим шумом и крупными силами, не удалось. От насту-

пления на Суэцкий канал летом 1917 года пришлось отказаться вследствие перехода англичан в наступление. После этого Энвер обратил свое исключительное внимание на завоевания на Кавказе и восточнее, вместо того, чтобы обеспечить себя от все возраставшего превосходства в силах англичан и арабов на Палестинском фронте, единственно важном в стратегическом отношении для четверного союза. Резервы были посланы на Кавказский фронт, а не в Палестину, и немецкое верховное командование оказалось не в силах решительно воспрепятствовать этому. В общем же, народы и армии Турции, Болгарии и Австро-Венгрии с наивным эгоизмом требовали от немцев решительной победы на западном фронте, чтобы таким путем положить конец войне и избавиться от усиливающихся тягот, связанных с ней. Тяжелые орудия Австро-Венгрии поддерживали на немецком западном фронте союзную верность и товарищество по оружию, от чего уже давно отказался втайне австро-венгерский император.

На *востоке* операции западного фронта были обеспечены тем, что в феврале опереточная дипломатическая игра в Брест-Литовске была закончена перерывом перемирия и наступлением немецких, а затем и австро-венгерской восточных армий. 3-го марта была достигнута линия Псковское озеро—Ростов на Дону, и в тот же день был заключен мир с Россией, затем, несколько дней позже—с Румынией, на таких условиях, которые удовлетворили бы почти все политические и стратегические желания центральных держав, *при условии*, что Германия одержала бы победу на западном фронте. До тех пор, пока на западе не была достигнута победа, значительную часть немецких и австро-венгерских войск приходилось держать на восточном фронте в целях проведения условий мирного договора, наблюдения за неразоруженной румынской армией и парализования русского большевистского правительства, вся опасность которого, наконец, была понята. Главным образом, последней причиной об'ясняется и предпринятая немецким верховным командованием операция в Финляндии.

Если мы рассмотрим вкратце военное положение Антанты к концу года, то придем к выводу, что ее правительства и вой-

сковое командование не могли быть довольны, по понятным причинам, боевыми результатами, достигнутыми в 1917 году. Но они считали белго-англо-французский фронт достаточно сильным, чтобы противостоять немецким атакам, даже при условии частичных отступлений, до тех пор, пока переброска и содействие свежих американских войсковых масс не позволит перейти в решительное контр-наступление. Британское правительство торопило переброску американских войск с такой энергией, которая подтверждает крайнюю серьезность положения держав Антанты. С целью ускорения переброски американских войск англичане приняли решительные меры, как по привлечению судов своего флота, так и доступного им нейтрального тоннажа, нарушая в последнем случае, конечно, требования международного права. В отношении об'единения войскового командования, хотя Хэг временно и был подчинен Нивеллю в период весенних боев, а затем осенью был создан общий военный совет, все же единого командования в 1917 г. достигнуто не было. Поэтому и теперь вождение войсками держав Антанты не имело на себе печати единого, крупного стратегического замысла: все выгоды были на стороне противника; взаимная боевая поддержка во Франции и Бельгии подлежала регулированию в каждом отдельном случае. Только в техническом отношении было проведено одно важное мероприятие, а именно: массовое изготовление, в предвидении будущего контр-наступления, быстрых, подвижных танков, представляющих притом небольшую цель.

Когда 21 марта настал день решительного сражения на западе, немецкие войсковые начальники, как и немецкий генеральный штаб, твердо верили в победу. Войска, отдохнувшие тем временем от боев 1917 года, также надеялись на победу и были готовы к наступлению, которое должно было освободить их от ненавистной позиционной войны.—но, однако, с особым оттенком в отношении их готовности на жертвы: на этот раз наступление *должно* привести к скорому и хорошему окончанию войны, в противном случае..... Среди широких слоев населения Германии, надорванного, конечно, нескольколетними лишениями, господствовало скорее лишь желание, чем деятельная воля к победе. Там имелась также—позорное

явление—одна партия, организованная и усилившаяся за счет чужого, большевистского золота, а именно, партия независимых социал-демократов, проникнутая интернациональными, безумными идеями. Она боялась немецкой победы, подкапывалась под нее и ждала момента, чтобы использовать немецкое поражение. К чести немецкого имени может быть сказано, что состав этой партии, в особенности ее вождей, только в очень незначительной своей части был германской крови.

Стратегическая оценка 1918 года.

Сосредоточение огромных артиллерийских и вообще войсковых масс было так заботливо и искусно выполнено, что вся подготовительная работа оказалась скрытой от противника. В силу этого наступление утром *21 марта*, проведенное тремя армиями армейской группы Рупрехта и немецкого кронпринца (17, 2, 18) с необыкновенной силой почти на всем наступательном фронте, явилось полной неожиданностью для противника и дало поэтому соответствующие результаты. В течение 14 дней—до 4-го апреля—в неприятельской позиции была пробита большая брешь; немецкие войска достигли не только первоначально намеченной линии Бапом—Хам, но, вопреки всяким ожиданиям, и линии Альберт—Мондидье. Правда, верховное командование, руководившее операциями из Авень (Avesnes), должно было постепенно перенести центр тяжести наступления с правого фланга на левый вследствие упорного и непреодолимого сопротивления англичан у Арраса и сравнительно более слабого у Хам. Эта сомнительная и вынужденная мера обнаружила в конечном итоге ошибку в первоначальной группировке сил: если действительно серьезно предполагалось достичь большого успеха прорывом на *одном* пункте, а именно, на правом фланге у Аррас—Бапом, то следовало сделать этот фланг с первых же шагов вдвое сильнее и глубже, чем левый, главным образом, учитывая тот факт, что особая тактическая сила сопротивления неприятельской позиции у Арраса была давно известна. Новая перегруппировка

к правому флангу во время сражения не могла иметь надежды на успех, так как она потребовала бы временно оторваться от противника и этим дала бы ему возможность перебросить неограниченное количество резервов в район Арраса. Во всяком случае, две английские армии были разбиты, захвачена богатая добыча пленными, орудиями, материальной частью и продовольствием; вместе с этим было произведено внезапное громадное моральное впечатление на противников и на друзей, что было еще более усилено техническим чудом дальнего обстрела Парижа.

Но этот первый удар, выполненный бережно сосредоточенными главными силами западной немецкой армии, не принес, к сожалению, никаких стратегических результатов. Наоборот, горячая надежда, теплившаяся еще 25 марта, что будет достигнут железнодорожный узел Амьен, соединявший британский и французский фронты, не оправдалась; между тем, Амьен должен был послужить исходным пунктом для дальнейших предприятий. Благодаря этому, окончательно исчезла всякая надежда на счастливое развитие операций на этом фронте. Как и в крепостной войне, при аналогичной обстановке, длительное пребывание на выдвинутых вперед, только что захваченых позициях грозило потерей достигнутого тактического и морального успеха. Поэтому своевременный, добровольный отход на исходные или сперва на ближайшие, захваченные у противника, позиции, при условии вывоза добычи и уничтожения неприятельских сооружений, являлся неизбежным выходом из создавшейся обстановки, тем более, что уже теперь пришлось столкнуться почти с непреодолимыми затруднениями при подвозе боевых припасов к передовой немецкой линии через поле воронок. Верховное командование избежало указания в своих приказах слишком далеких целей для наступления. Поэтому наступающая армия безусловно поняла бы и без ущерба выполнила бы отход с позиций, которые представляли собой мешок, были расположены в районе пустынной Соммы и могли быть удерживаемы только при условии постоянного напряжения и тяжелых жертв. Этот отход был тем более возможен, что в то время имелось еще достаточно резервов, чтобы немедленно предпринять решительный

прорыв во Фландрии. Если бы же верховное командование предпочло удерживаться на достигнутых позициях, чтобы нанести оттуда немедленно новый удар противнику, то необходимо было бы отказаться от стратегии прорывов, заменить ее сознательно стратегией «вылазок» в большом масштабе, поставив второстепенную цель,—не совсем безнадежную при обстановке 1918 года, — бить противника по частям (Stückweise). И это потому, что войска противника, как и немецкие, уже давно стояли не на должной высоте в тактическом отношении. К 4 апреля войсковые части противника были сильно истощены, потрясены и перемешаны. Повторные, быстрые удары, на которые немецкая армия была еще вполне способна, могли бы настолько сокрушить наступательную силу противника, в особенности британских войск, что они были бы неспособны к наступлению в 1918 г.; возможно, были бы разрушены даже надежды государственных деятелей Антанты на достижение победы над немецким народом. Подводная война в то же время продолжала бы итти с удовлетворительным успехом и жизненно угрожала бы Англии на море. Таким путем было бы сделано многое, если вообще не все, чего можно было достигнуть при создавшейся обстановке.

Правда, опасное положение англо-французского фронта произвело на правительства Антанты обратное действие. Под давлением ужасного впечатления, вызванного ходом немецкого наступления, они передали французскому генералу Фошу оборону Амьена. Эта задача была быстро разрешена переброской, а также искусным и решительным применением, главным образом, французских резервов и артиллерийских масс. Вскоре после этого Фошу было передано общее командование всеми сухопутными силами Антанты на западном и, вообще, европейском театре военных действий. Бесспорно, это было удачное решение со стороны Антанты, как в отношении энергичного продолжения и окончания войны, так и в отношении выбора личности; для Германии же это решение имело серьезные последствия. Ллойд-Джордж немедленно привлек многочисленные контингенты из числа горнорабочих и лиц, пользовавшихся отсрочками, и заполнил ими тяжелые потери британской армии. По соглашению с Вильсоном, к которому не-

слись общие заклинающие крики о помощи, он ускорил переброску американских подкреплений в таком размере, который немцы считали невозможным. Для этой цели были насильно использованы суда нейтральных государств, на ряду с тоннажем держав Антанты. В противовес неопределенному и колеблющемуся поведению дипломатов четверного союза, лозунгом государственных деятелей Антанты было и оставалось—победа над врагом и уничтожение его. Этот лозунг усиленно пропагандировался среди народов Антанты; где было нужно, он навязывался им насильно, а также возвещался всему миру.

Понятно, что при такой обстановке немецкому верховному командованию было чрезвычайно трудно решиться на признание своей стратегической неудачи и отказаться от захваченной территории. Вследствие этого, оно решило держаться на занятой территории в надежде, что выдержкой и частными атаками на Амьен удастся приковать в этом районе крупные неприятельские силы и, таким образом, решительно поддержать второй удар во Фландрии, который тщательно подготовлялся. Следовательно, вместо наступательной операции между Аррас и Нуайон, началось сражение на взаимное истребление (Zermürbungsschlacht) — к сожалению, в меньшей степени для англичан и французов, чем для немцев, что должно было вытекать, помимо всех других причин, уже и из одного того, что противник обладал идеальной системой подвоза боевых припасов и материальной части, в противовес жалкому состоянию подвоза у немцев. Но немецкое верховное командование переоценивало духовное состояние и выносливость немецких войск, несмотря на то, что мартовские и апрельские бои ясно обнаружили известные недостатки и границы их боеспособности и дисциплины. *9-го апреля* началось второе наступление—на Армантьер (6 и 4 армии),—которое, однако, благодаря незначительной ширине фронта, а также недостаточной численности и выучке войск, введенных в бой, заранее не давало надежды на достижение решительного прорыва. Тем не менее, это наступление, после 14-дневной упорной борьбы, привело к блестящему боевому делу—взятию горы Кеммель, которую обороняли большие войсковые массы с богатой материальной частью. Но этот местный тактический

успех не улучшил стратегического положения. Командование войсками противника имело достаточно времени, чтобы своевременно подвезти сильные французские резервы на помощь колебавшейся британской иперской армии и при помощи их не дать возможности немецким войскам проникнуть до Кассельских высот, очень важных в стратегическом отношении для неприятельского фронта во Фландрии. Таким образом, немецкая наступающая армия во Фландрии, в глубине долины Лис, попала в такое же тяжелое положение, как у Амьена, имея против себя превосходную и фланкирующую неприятельскую артиллерию. Такое положение было тем более опасным, что во время наступления через Лис часть немецких войск не проявила своей прежней готовности к наступлению, а главным образом, упорства и старой дисциплины.

Итак, немецкое верховное командование было поставлено к концу апреля перед чрезвычайно серьезной обстановкой, требовавшей необыкновенно трудного решения. Двойной удар на Амьен и Кассель, блестящий в тактическом отношении, не был равноценен в стратегическом отношении. Дальнейшие удары в тех же направлениях, сильно занятых противником, не обещали никакого успеха. Новое немецкое расположение между Иперном и Шони, сильно выдающееся вперед в двух местах, представляло собой стратегическую опасность. Генерал Людендорф понимал, имея достаточно для того оснований, что дальнейшее сохранение инициативы в своих руках стало вопросом жизни и смерти, так как в противном случае оборонительное сражение, навязанное противником, явилось бы роковым для немецкой армии. После апрельской перегруппировки, немецкая армия могла произвести новый удар лишь на одном из следующих направлений: на фронте Бетюн—Аррас или Нуайон—Верден. Все данные говорили за наступление в первом направлении, т. е., в общем, на Лан. В этом случае пришлось бы наступать на сравнительно небольшом фронте; наступление можно было бы вести быстро и решительно, угрожая важному узлу Сен-Поль, сильно сковывавшему, следовательно, командование противника и его резервы. Кроме того, наступление в этом направлении в случае успеха представило бы собой прекрасную подготовку для более позд-

него, второго и решительного наступления на Кассель, которое немецкое верховное командование втайне подготовляло. В случае же неудачи наступление в этом направлении не ухудшало общего стратегического положения немецкой армии.

Принимая свое решение, Людендорф и в этом случае, как и 21 марта, исходил из тактических соображений и избрал для наступления фронт между Нуайон—Реймс, как наиболее слабо занятый противником к этому времени. Наступление решено было вести на всей ширине этого фронта. Но для подготовки этого нового большого наступления на фронте в 90 клм., сопряженного с атакой могучих высот Шмен-де-Дам, потребовалось четыре недели. При этом фронт наступления пришлось разделить на два участка вследствие недостатка материальной части. Только *27 мая* началось наступление с ограниченной целью продвинуть немецкие позиции на линию Вель—Компьен—Суассон—Фим, и, таким образом, выпрямить и улучшить в тактическом отношении позиции у Мондидье—Нуайон, представлявших собой мешок. Попутно преследовалась задача нанесения противнику возможно тяжелых потерь, а также отвлечения сильных резервов из Фландрии. Обе наступающие армии (7 и 1) выполнили блестящий тактический прорыв с 27 по 29 мая, взяли высоты Шмен-де-Дам и заняли позиции по линии Суассон—Фим, являвшиеся выгодными в стратегическом и тактическом отношениях. В общем, этим наступлением были достигнуты бо́льшие результаты, чем ожидалось, хотя резервы противника не были отвлечены из Фландрии. Если бы наступление было задержано на линии Суассон—Фим, то можно было бы немедленно перенести центр тяжести немецкого наступления на правый фланг этого участка фронта и захватить линию Компьен—Суассон или Коттере до подхода новых неприятельских подкреплений, использовав порыв первого, блестящего натиска. Таким образом, были бы заняты позиции, составляющие угрозу для Парижа. Это произвело бы не только моральное впечатление на противника, но и оказало бы пользу удару, намечавшемуся во Фландрии, приковав значительные неприятельские резервы для обеспечения направления на Париж. Но немецкое верховное командование слишком поздно ухватилось за мысль направления

главного удара в юго-западном направлении. Этот удар не мог быть осуществлен, потому что тем временем главные силы обеих наступающих немецких армий проникли на *юг* и на *юго-восток*, вплоть до Марны у Шато-Тьери, не будучи задержаны ни противником, ни верховным командованием. Маршал Фош в то же время прикрыл направление на Париж сосредоточением и решительным использованием многочисленных пехотных резервов и батарей так же прочно, как и в направлениях на Амьен и Кассель. Сосредоточение неприятельских сил у Компьен — Куттере составляло, вместе с тем, очевидную и опасную угрозу западному флангу немецкого расположения на Марне, представлявшего собою дугу в 50 клм. глубиною. Удержание этой дуги, сопряженное с крайне тяжелыми условиями подвоза, должно быть чрезмерно напрячь и, наконец, истощить силы группы немецкого кронпринца, подобно тому, как и армейской группы Рупрехта у Арраса. С целью улучшить положение, создавшееся в марнском районе, верховное командование приказало 18 армии перейти в наступление *9 июня* в направлении на Нуайон и западнее на Компьен, но противник быстро остановил это четвертое наступление немцев, не оказавшее, таким образом, никакого влияния на общее положение.

Восемь дней позже, *15 июня*, за этим наступлением последовало *наступление австро-венгерских войск на итальянском фронте*. Это наступление было предпринято по взаимному соглашению немецкой и австро-венгерской главных квартир и под руководством австро-венгерского командования. Во время его выполнения раскрылась ужасающая картина разложения и падения авторитета австро-венгерского верховного командования в лице кайзера Карла и генерала ф. Арц. Вместо того, чтобы нанести сильный и объединенный удар *в одном пункте*, наступление разбилось на три операции честолюбивых войсковых начальников—у Азьяго, Монтелло и на нижней Пьяве. После нескольких дневных боев австро-венгерская армия, понеся потери, разочаровавшись и пав духом, отошла на свои исходные позиции. Ко времени наступления она была усилена, между прочим, военно-пленными, вернувшимися из России. В их рядах и на этот раз нашлись предатели, дви-

нувшиеся, впрочем, бодро в бой и с надеждой на успех. Дух австро-венгерской армии, надломленный уже до того разоблачениями по делу Сикстуса о двусмысленном поведении кайзера Карла, а также внутренними междугосударственными трениями, должен был неминуемо разложиться под влиянием не знающей меры критики внутри страны, в особенности со стороны Венгрии. Усиленная неприятельская пропаганда оказывала тем большее влияние, чем затруднительнее становился продовольственный вопрос. Для немецкого верховного командования полная неудача австро-венгерского наступления, целью которого было облегчить положение немецкой западной армии, явилась новым тяжелым и горьким разочарованием, для противников же—большой моральной поддержкой. С этого времени немецкая западная армия, сражавшаяся за свое существование, не могла больше рассчитывать на стратегическую поддержку своего главного союзника. Тактическая же поддержка ограничилась двумя, позднее четырьмя слабыми австро-венгерскими дивизиями, направленными на немецкий западный фронт.—и то неохотно.

Таким образом, к концу июня немецкому верховному командованию предстояло принять новое решение, еще более трудное, чем все предыдущие. Положение было таково, что немцам ничего другого не оставалось, как только наступать, если они не хотели добровольно уступить инициативу в руки Антанты и перейти к вынужденной обороне, невыгодной ни в стратегическом, ни в тактическом отношениях. С 21 марта прошло ¼ года. Немецкая армия не имела численного превосходства над армиями держав Антанты. Силы противников за это время значительно увеличились за счет американских войск, состоявших из наиболее крепких по возрасту контингентов. Дальнейшее прибытие американских войск должно было происходить еженедельно. В то же время немецкая армия с каждым днем слабела, плохо и однообразно питаемая: она получила на пополнение слабый и малоценный людской состав и была переутомлена непрерывными боями и обучением в тылу фронта. Поэтому четыре наступления, проведенные немецкой армией на общем фронте в 200 клм., явились необыкновенно большим требованием, пред'явленным к ней. Но,

казалось, что этот удивительный боевой инструмент был способен нанести еще один, последний удар. Теперь более, чем когда-либо, было необходимо нанести этот удар всеми силами и в решительном направлении. Немецкое верховное командование пришло, наконец, к решению нанести этот удар во Фландрии и поручило армейской группе Рупрехта произвести подготовительные работы для этого наступления в направлении на Газебрук. Правда, теперь и противник мог перейти в наступление в любой момент, в особенности на фронте Аррас—Амьен—Шато-Тьерри. Он даже должен был перейти в наступление, если до известной степени действовал правильно, тем более, что план и подготовительные меры для этого наступления были разработаны и осуществлялись им давно. Удержать же фронт Аррас—Амьен—Шато-Тьерри, немцы не могли бы, если бы противник повел серьезное наступление сосредоточенными людскими массами и техническими средствами против наиболее уязвимых мест. Следовательно, нужно было или немедленно добровольно очистить этот фронт или подготовить очищение его на случай решительного наступления противника. Последний образ действий более всего соответствовал бы общему плану операции. Все резервы западной немецкой армии были бы направлены для нанесения удара во Фландрии (Лис). Слабые же немецкие силы на Сомме, Уазе, Эне отходили бы планомерно перед наступающим противником на свои исходные позиции от 21 марта, ведя арьергардные бои, сковывая крупные неприятельские силы и удерживая их, таким образом, вдали от пункта решительного сражения.

Но неожиданно немецкое верховное командование решило нанести сильный удар *15 июля* по обеим сторонам Реймса на Эперней и Шалон, имея ближайшей целью отрезать и взять Реймс. Основной же целью этого наступления было желание заставить командование противника оттянуть сильные резервы из Фландрии на Марнский фронт. На основании предыдущего опыта, немецкое командование не сомневалось в успехе этого наступления. Вслед за этим предполагалось спешно перебросить всю массу артиллерии, минометов и летчиков на север с тем, чтобы в начале августа нанести решительный удар во Фландрии армейской группой Рупрехта. Опасность

этого решения заключалась в том, что наступление во Фландрии откладывалась на целый месяц. В связи с отсрочкой наступления возникала необходимость удерживать в течение такого же времени немецкий фронт у Амьен, Компьен, а также случайный фронт на Марне, который даже предполагалось удлинить за Шалон. Таким образом, немецкая армия должна была провести в июле и августе не *одно, а два* больших наступления. Это ясно показывает, что немецкое верховное командование сильно не дооценивало противника в отношении его численности, силы и решительности. С другой стороны, оно, несмотря на многие предостерегающие признаки, не в меньшей степени переоценивало боеспособность немецких войск. Точно так же и предположение, что противник должен будет направить сильные резервы из Фландрии для обороны Реймса и что он не сможет перебросить эти резервы своевременно обратно на север к Лис для отбития немецкого наступления, несмотря на свое блестящее железнодорожное и автомобильное сообщение, лишено было твердой почвы и не могло служить основанием для принятия решения о наступлении тремя армиями (7, 1 и 3) у Реймса на фронте в 70 клм. с целью отвлечения внимания и сил противника. Вероятно, надежды немецкого верховного командования не оправдались бы даже и в случае нормального хода этого трудного и смелого в тактическом отношении наступления на Реймс. Но случилось неожиданное.

Счастье войны перешло к противнику. Благодаря немецкой неосторожности и предательству, генерал Фош узнал содержание приказов немецкого командования еще до 15 июля, а потому мог принять все необходимые контр-меры по отношению к намеченной операции Людендорфа. Он ожидал немецкое наступление, имея слабые передовые части на первой позиции, которая, впрочем, на главном участке фронта наступления была совсем очищена, а главные силы—на второй позиции. Удар 15 июля по первой неприятельской позиции был тщательно подготовлен немецким командованием и войсками. В бой были введены огромные артиллерийские средства. Войска сражались с обычной храбростью и предусмотрительностью. Но в силу контр-мер, принятых противником,

этот удар был нанесен впустую и оказался бесполезным; немецкие же войска, атаковавшие по обеим сторонам Марны в направлении на Эперней, попали даже в опасное положение. Немецкое верховное командование сразу поняло, что случилось стратегическое, тактическое и моральное несчастье, и уже 16 июля приостановило в общем наступление, решив предпринять возможно скорее удар во Фландрии с целью изменения обстановки в свою пользу. Но уже было поздно—противник захватил инициативу в свои руки. 18 июля он потеснил западный фланг 7-й армии, состоявшей из очень слабых и утомленных частей, а также 9 армию у Суассона (последняя была недавно выдвинута правее 7-й армии). Это наступление, выполненное из леса Коттере, было давно тайно и искусно подготовлено. В нем участвовали превосходные силы противника, преимущественно из французских войск. Наступление сопровождалось танковой атакой, которой благоприятствовал густой туман. Следует отметить, что немецкие войсковые начальники неоднократно делали доклады об опасности положения на этом фронте и о слабости занимавших его войск. Французская атака заставила немецкое верховное командование направить резервы, как армейской группы немецкого кронпринца, так и группы Рупрехта, предназначенные для наступления во Фландрии, на фронт западнее Суассона с целью закрыть образовавшуюся брешь, что было выполнено с значительными затруднениями.

Но роковой удар 18 июля не только резко оборвал все дальнейшие немецкие наступательные планы и возможности, но и дал противнику первые и сравнительно точные сведения о внутренней слабости немецких войск, естественно, значительно увеличившейся с весны. Эти сведения побудили противника к распространению его контр-атаки на всю боевую линию. Этому содействовало и то обстоятельство, что численный недостаток армий Антанты был устранен усилением американской армии во Франции до 300.000 бойцов и переброской французских колониальных войск, способных вести наступление. Технические наступательные средства армий Антанты были существенно подкреплены подвозом большого количества танков, которых стали об'единять в целые эскадры. В силу

этого немецкое верховное командование должно было окончательно отказаться от наступления во Фландрии. Точно так же и мысль о наступлении на Эльзас-Лотарингском фронте не имела никакой надежды на успех. Таким образом, для немцев, действительно, наступила неблагоприятная стратегическая обстановка, правда, уже давно угрожавшая, а именно: вынужденная необходимость обороняться на не вполне оборудованных оборонительных позициях, всхолмленных к стороне противника. Недостаток пополнений заставил расформировать ряд немецкий дивизий. Дух других дивизий страдал благодаря непрекращавшимся потерям, напряжению, лишениям и разочарованиям, а также усилившемуся разлагающему влиянию, проникшему изнутри страны и со стороны противника и имевшему целью посеять разногласие между кайзером и офицерским корпусом, армией и народом. Пропаганда была построена на непрерывно фигурировавших ударных словах— империализм, милитаризм, разоружение, вечный мир и лига наций. В том же направлении подействовало и заявление немецкого статс-секретаря ф. Кюльмана о том, что война не может быть выиграна немцами на поле сражения. Это заявление, сделанное Кюльманом в период борьбы, хорошо характеризует послебисмарковское дипломатическое искусство. В общем, заявление Кюльмана оказало разлагающее влияние на боевое воодушевление немецкой армии и ее готовность жертвовать собой. Если бы такое заявление было сделано во Франции, то оно повлекло бы за собой тюремное заключение виновного. Все эти условия говорили за то, что оборона немецкой армии должна была закончиться тактическим поражением.

С целью улучшения тактической обстановки, немецкое верховное командование отвело на линию Суассон—Фим марнский фронт, которому в период с 18 июля по начало августа угрожал двойной охват. Немецкое верховное командование все еще заблуждалось, как в отношении уровня боеспособности немецких войск, так и в отношении возможности поворота стратегического положения. Оно надеялось еще так укрепить и удерживать фронт, что можно было бы не только противостоять натиску противника, но и встретить его успешными тактическими контр-ударами. Далее, укрепив положение на

фронте, верховное командование предполагало склонить правительство сделать новое предложение державам Антанты, чтобы достичь соглашения путем уступок в западном вопросе. Только новая, главным образом, английская танковая атака и глубокий прорыв 8-го августа у Виллер—Бретонне, явившиеся катастрофическими для немцев, как в моральном и тактическом отношениях, так и в смысле потерь, показали немецкому верховному командованию действительное положение вещей на фронте. Оно явилось следствием падения силы сопротивляемости и вообще боеспособности немецких войск, что стало очевидным и для противника. Правда, удалось закрыть и эту брешь, но генерал Людендорф не мог иметь больше сомнений, что с этого времени была исключена всякая надежда на окончательную военную победу. Он возбудил ходатайство об отставке, но оно не было удовлетворено по личным мотивам, вполне понятным каждому мыслящему и честному немцу.

Тем не менее, эта отставка была желательной при создавшемся положении; за нее говорили серьезные конкретные основания. План войны Людендорфа на 1918 г., имевший целью нанести армиям Антанты ряд жестоких ударов и тактических поражений и тем заставить неприятельские правительства и народы пойти на мирное соглашение, не удался ни по замыслу, ни по исполнению. Причину неудачи следует искать не в недостаточной боеспособности немецких войск, которая и в данном случае была необыкновенно высокой, а в стратегических ошибках верховного командования, в особенности же в неправильном выборе направления для первого немецкого наступления и в чрезмерном напряжении обстановки в мае и июне. Как то, так и другое сознавалось немецкими армией и народом. Теперь оставалась лишь *одна* задача: спасти немецкую армию, немецкое государство и четверной союз от военной, а с ней и народной капитуляции. Но эта задача могла быть выполнена только при помощи отступательных боев, большая трудность которых удваивалась еще из-за отсутствия оборудованных тыловых позиций. Разрешение и этой задачи выпало на долю Людендорфа, сосредотачивавшего до сих пор все свои силы исключительно на достижении победы.

на что его побуждало, правда, глубокое внутреннее убеждение. Западная немецкая армия теперь более, чем когда-либо, нуждалась в поддержке всеми боеспособными силами. С этой целью нужно было отказаться от всех предприятий на востоке, за исключением тех, которые безусловно были нужны для поддержания хозяйственной жизни страны. Эта мера дала бы значительное количество (15—20) дивизий, хотя и укомплектованных более старыми контингентами. Эти дивизии можно было бы использовать для постройки и занятия тыловых позиций, а также для усиления болгарского фронта, составлявшего стратегическую опору тыла Германии и Австро-Венгрии и становившегося все более надежным. Но на такую меру Людендорф не мог решиться даже теперь, в силу его предыдущего отношения к восточному вопросу. Он попрежнему держался своих балтийских, финских и польских планов и целей; наконец, он даже надеялся на свержение советского правительства вооруженным давлением. Но, кроме того, Людендорф был известен как внутри четверного союза, так и у держав Антанты не только как солдат с железной волей, но и как политик, который может отказаться от своих западных целей только в крайнем случае. Но о достижении этих целей теперь не могло быть и речи. Таким образом, дальнейшее пребывание Людендорфа в его роли должно было затруднить мирные переговоры. Наконец, четырехлетнее необыкновенное бремя по управлению армиями и верховному командованию должно было расшатать даже железные нервы Людендорфа. В силу всех этих соображений, для разрешения новой и последней задачи немецкого верховного командования, было бы целесообразным назначить нового генерал-квиртирмейстера, свободного от каких бы то ни было военных и политических обязательств. Конечно, и в этом случае требовалось бы выдвинуть человека с непреклонной солдатской волей и неоспоримым авторитетом в тактической и политической областях; в среде высшего состава немецкого генерального штаба имелись такие люди, выдвинутые мировой войной. Одновременно с переменой состава верховного командования нужно было бы произвести смену устарелого рейхсканцлера, также ответствен-

ного за войну 1918 г., заменив его сильной личностью с диктаторскими военными полномочиями, а также диктаторской властью для проведения решительных внутренних реформ. При этом, если нельзя было бы достичь этой смены другим путем, то следовало бы прибегнуть к государственному перевороту. Новый канцлер должен был бы обладать достаточной решительностью, чтобы заставить колеблющуюся страну поддержать армию всеми средствами во имя спасения родины, как это сделали Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон в отношении своих народов.

Новый генерал-квартирмейстер должен был бы предложить генерал-фельдмаршалу немедленно отвести немецкую армию на позиции, наиболее подготовленные к обороне. Такими позициями оставались исходные позиции немецкой армии перед боями с 21 марта по 27 мая, т.-е. позиции Зигфрида с соответствующими удлинениями фронта вправо и влево. Одновременно с этим следовало бы перебросить по железной дороге на линию Антверпен—Маас резервы западной немецкой армии, ее пионерные части и строительные войска, а также тяжелую артиллерию, а с востока—сильные пополнения и возможно большие силы восточной армии с целью ускоренного устройства позиций на указанной линии. Второе предложение генерал-квартирмейстера должно было бы состоять в том, чтобы отвести западную армию на подготовленные позиции на линии Антверпен---Маас с целью ее обороны до последнего предела. Пребывание армии на позициях Зигфрида должно было бы быть кратковременным; оборонять ее следовало бы лишь с целью выиграть время для оборудования позиций Антверпен—Маас. При этом отходе пришлось бы бросить те войсковые материалы, которые не было бы надежды вывезти в силу того, что железные дороги уже давно были перегружены перевозками. С целью же выйти из боя и оторваться от противника нужно было бы совершить несколько форсированных дневных и ночных маршей. Наконец, следовало бы оборудовать и вторую сильную оборонительную линию по реке Рейну, использовав население для работ по укреплению этой позиции. Македонский фронт, приобревший теперь жизненное значение, следовало бы подкрепить немецкими и австро-венгер-

скими войсками. Конечно, это были бы самоотверженные предложения, которые означали бы, кроме отказа от восточных и западных планов, очищение значительной неприятельской территории, добытой немецкой кровью, потерю громадных запасов и весьма вероятное оставление многих немецких раненых, а также необыкновенно тяжелое испытание для армии, страны и союзников. Но если бы эти предложения были выполнены подобно отходу французов к Марне в конце августа или Гинденбурга—Людендорфа на Краков в конце октября 1914 г., т.-е. своевременно, добровольно, согласованно и с определенным крупным замыслом, при условии основательной порчи железных дорог, то они создали бы для верховного командования снова необходимую, прочную базу для осуществления единственно еще возможного плана войны. Этот план сводился бы к тому, чтобы поставить Антанту перед выбором или стремиться к одержанию решительной победы и атаковать и взять сильные позиции Антверпен—Маас и по линии реки Рейн, обороняемые усиленными немецкими войсками, если державы Антанты сочли бы, что их истощенные, не обладавшие уже готовностью жертвовать собою войска способны выполнить эту задачу, хотя бы с тяжелыми потерями и при условии разрушения новых французских и бельгийских важных культурных районов; или удовольствоваться достигнутой бесспорной военной и дипломатической частной победой и ее верными и крупными результатами. С другой стороны, такой стратегически-политический образ действий показал бы также немецкому народу необыкновенную серьезность положения, а также дал бы немецкому правительству право принять все, даже наиболее решительные меры, которые нужны тогда, когда отечество в опасности. Что же касается того, не лучше ли было бы и австро-венгерской армии отказаться от удержания фронта на Пьяве, слабо укрепленного и связанного с последними неприятными воспоминаниями, и отойти на более сильные позиции по реке Изонцо, хотя и более растянутые, а также могли ли бы австро-венгерские армии и народ выдержать и это испытание, то на этих вопросах можно не останавливаться.

Людендорф и Гинденбург рассматривали положение немецкой армии и немецкого верховного командования иначе.

Они думали, что еще можно и следует удерживать немецкий фронт и строили свои предположения на некоторых признаках слабости, замеченных у противника. Полагая, что боеспособность войск противника должна в недалеком будущем пасть, они надеялись еще раз повернуть обстановку в свою пользу, несмотря на поддержку американских войск, которую оба генерала оценивали высоко по численности, но не по наступательной способности. Вследствие этого они были склонны, если потребовалось бы, вести отступление от рубежа к рубежу, но были против того, чтобы прервать бой и выполнить решительный отход. В силу этого решения западная немецкая армия вела отступательные бои с августа по конец сентября. Эти вынужденные отступательные бои составили наиболее тяжелые и богатые жертвами недели войны для немецкого верховного командования и народа. Это вытекало из того, что каждый день, каждый час мог привести с собой прорыв фронта со всеми вытекающими из него тяжелыми последствиями, так как противник вел непрерывные большие и малые атаки на всей колеблющейся боевой линии, растянувшейся на 300 клм. от моря до Мозеля.

В этих боях немецкий милитаризм, сильно порицаемый с разных сторон, дал свои последние результаты: старший и средний командный состав до командиров полков включительно, состоявший исключительно из кадровых офицеров, сумел сохранить цельность фронта и поддержать дух войск в эти страшные дни, зачастую—личным примером. Младший командный состав, состоявший главным образом из офицеров запаса, но воспитанных под руководством кадрового офицерского корпуса, вынес на себе всю тяжесть боев. При нем остались лишь кучки бойцов, сохранивших еще дух 1914 года, после того, как с фронта и этапов дезертировали многие элементы, воспитанные в иной дисциплине. Поэтому эти героические заключительные бои представляют из себя чрезвычайно высокий интерес для настоящего и будущего, как в тактическом, так и в моральном отношениях. Изучение их покажет, что немецкая армия совершила в этот период высочайшее военное деяние, как венец ее предыдущих операций и превосходной подготовки: она сохранила цельность фронта, отступая в течение несколь-

ких месяцев в тесном соприкосновении с противником, превосходившим ее силами, числом и боевыми средствами. В стратегическом отношении в этот период заслуживают внимания лишь следующие два вопроса. Во-первых, насколько наступательная борьба немецких войсковых частей, стоявших фронтом на юг, была облегчена наличием хорошо оборудованных тыловых позиций Гундинг—Брунгильды—Михель и, наоборот, как тяжело сложилось отступление частей, стоявших фронтом на запад, благодаря тому, что за ними имелась лишь незаконченная стратегическая позиция Германа и отсутствовали настоящие тыловые позиции; с другой стороны, насколько немецкому верховному командованию было затруднено выполнение его широких отступательных планов вследствие незаконченности позиций Антверпен—Маас, разведка и постройка которых была начата слишком поздно (в сентябре—октябре) и недостаточными силами. Во-вторых, действительно ли командование противника проявило осенью 1918 г. черты гениальности, высоко превосходившие искусство немцев в отношении вождения войск, о чем французы так много говорят.

Противник обладал численным превосходством, которое росло с каждым днем (ежемесячно прибывало 250.000 американских войск); в его распоряжении имелись богатейшие технические боевые, а также перевозочные средства для быстрой переброски войск. При этих условиях не требовалась, конечно, гениальность, а только дееспособность, крепкая воля и тактическое искусство, чтобы теснить шаг за шагом немецкую армию, переутомленную и потрясенную в своих основах. Эти качества бесспорно проявил организатор ударов у Коттере и Перона. Проникнув в тайники физического и духовного состояния немецкой армии, командование противника, несмотря на все препятствия, правильно поставило и энергично провело цель уничтожения немецкой армии, решительно атакуя ее на всем фронте и не давая ей больше оторваться. Но гений должен был бы сделать больше, а именно: заставить немецкую армию капитулировать и тем добиться полной победы (Vollsieg,), что было возможно при стратегической и тактической обстановке с августа по октябрь 1918 г. С этой точки зрения решение маршала Фоша, имевшее целью захватить немецкую армию в клещи

наступлением с запада и с юга и окружить ее после тройного прорыва, не привело к капитуляции немецкой армии, так как ни один из частных прорывов не удался. Наоборот, немецкая армия с трудом могла бы избежать уничтожения и капитуляции, если бы главнокомандующий войсками противника бросил лучшие французские и английские дивизии и массу тяжелой артиллерии, танков и аэропланов, следовательно, свои главные наступательные силы в район Вердена, а американские дивизии—на фронт Лис—Сомма—Уаза с целью только уцепиться за противника и *удержать его на месте*, а не теснить его западный и юго-западный фронт. Силы же, направленные в район Вердена, должны были бы прорвать фронт противника и нанести решительный удар на север по обеим сторонам Мааса, т.-е. в тыл позиции Антверпен—Маас. Но маршал Фош не действовал так. Поэтому немецкая армия была побеждена не полководческой гениальностью противника; она отступала под давлением превосходных сил противника, подталкиваемых с помощью многочисленных машин, в особенности танков, но не была ни уничтожена ни рассеяна. В этом смысле можно с правом считать, что немецкая армия не была побеждена на поле сражения. Маршал Фош, утверждает, что немецкая армия была 11-го ноября 1918 г. накануне одного из величайших поражений мировой истории, как результат наступления с 19-го июля по 10-е ноября, и спаслась от этого поражения лишь заключением перемирия. Это утверждение, звучащее, правда, и в устах самого Фоша в несколько своеобразно хвалебном тоне, не выдерживает критики. Если бы Фош и Антанта считали положение немецкой армии 11-го ноября столь безнадежным, то нет никакого сомнения, что они предпочли бы ее уничтожение перемирию, затянули бы переговоры о перемирии еще больше и, наконец, отказали бы в нем. В действительности же 11-го ноября никто, ни даже маршал Фош, не мог бы воспрепятствовать немецкой армии отойти своими главными силами за сильную линию реки Рейна, если бы оказалось невозможным удержать линию Антверпен—Маас в силу намеченного Фошем наступления *после* 11-го ноября на лотарингском фронте. В крайнем случае пришлось бы пожертвовать арьергардами и войсковым имуществом. На Рейне же немецкая армия,

правда, не могла бы одержать победы, но добилась бы терпимых условий мира. Это необходимо было высказать из чувства справедливости. Ход политических событий не дал возможности доказать это на деле.

Когда 29-го сентября генерал Людендорф, по соглашению с фельдмаршалом Гинденбургом, предложил немецкому правительству заключить перемирие, как единственное средство, способное убедить противника в готовности Германии заключить мир, немецкая армия все еще вела упорную борьбу на исходных позициях 21-го марта и вблизи них (позиция Зигфрида и ее удлинения). Немецкое верховное командование сделало это предложение с целью сохранить армию от дальнейших бесполезных жертв, а также, чтобы выяснить условия перемирия Антанты. В случае же постановки унизительных условий перемирия, равнозначащих уничтожению, предполагалось вести дальнейшую борьбу. Правда, предложение о перемирии, совершенно не подготовленное ни сообщениями главной квартиры, ни прессой, явилось страшной и опасной неожиданностью для немецких армии и народа. Переговоры верховного командования со своим правительством и с противником тянулись до 27-го октября, т.-е. почти целый месяц. Во время этих переговоров верховное командование не имело прежнего влияния на политическое руководство в виду того, что оно, хотя и могло оспаривать возможность непосредственной катастрофы для немецкой армии, не в состоянии было отрицать возможность такой катастрофы в дальнейшем. Главной же слабостью положения немецкого верховного командования было то, что в силу отсутствия сильных и готовых тыловых оборонительных линий, оно не могло выдвинуть такого стратегического замысла и тактического решения, которые могли бы воодушевляюще подействовать на правительство и народ. Благодаря этому немецкое правительство в лице рейхсканцлера должно было взять исключительно на себя принятие решения по этому трудному вопросу. Но вместо Гертлинга, ушедшего в отставку 30-го сентября, не было назначено лица, обладающего национальной силой и решительностью. Наоборот, его сменил один из наиболее слабых политических деятелей,—человек высоких, но пустых слов: «честный мир или решитель-

ная борьба до конца», слепо веривший притом в 14 пунктов Вильсона. Это и привело к тому, что немецкий народ должен был подчиниться условиям перемирия противника, принятым в принципе Максом Баденским 27-го октября. Эти условия требовали обезоружения немецкой армии, которая, ведя тяжелые бои, достигла тем временем линии Герман—Брунгильда, а также немецкого флота, управляемого твердой рукой адмирала Шера и готового еще раз дать решительное сражение противнику; Германии отказывалось в выдаче ее военнопленных; бесчеловечная блокада оставалась в силе. Таким образом, условия перемирия были таковы, что могли бы послужить наиболее действительным рычагом для призыва немецкого народа на последнее сопротивление, если не на Маасе, то хотя бы на Рейне. Было ясно, что, после обезоружения армии и флота, придется принять самые ужасные мирные условия противника. Итак, судьба Германии была предрешена 27-го октября; война была закончена не только политически, но и стратегически.

Фельдмаршал Гинденбург, как живой символ немецкого военного величия и верности, сохранил единство армии и совершил вместе с ней ее последний страдальческий переход через Рейн; его сотоварищу по оружию, Людендорфу, не пришлось пережить эти дни вместе с армией. Чем выше был под'ем Людендорфа в 1917 и 1918 г.г., тем ниже было его падение. Но не было полководца, который служил бы своему отечеству преданнее, бескорыстнее и решительнее, а также перенес бы более мужественно тягчайшую ответственность, какая выпала на долю Людендорфа. Его несчастьем и ошибкой было то, что он переоценил стратегическую и политическую мощь Германии, а с ней и свою личную, а также, что он стремился достичь для Германии чрезмерно больших, недостижимых результатов. Но эти ошибки Людендорфа вполне уравновешиваются его личными качествами, дающими образец военной решительности. И если ему не удалось достичь окончательной победы, к чему он стремился всеми своими силами, то все же он выиграл, совместно с Гинденбургом, ряд блестящих побед и смелых операций, вытекавших из самых трудных положений, а также обеспечил немецкие границы от неприятельского вторжения. С этой действительно не малой славой его имя, как и Гинденбурга, будет жить и в будущем.

Заключение.

Рассматривая в заключение еще раз стратегические события мировой войны в их общей связи, мы попытаемся ответить на вопрос о том, должна ли была Германия неизбежно проиграть войну, как многие думают, вследствие недостатка расовой спайки и национального чувства у немецкого народа и в силу противоестественного союза с Австро-Венгрией и Турцией, обреченных на гибель, или все же можно было достичь немецкой победы, несмотря ни на эти данные, ни на громадное численное превосходство Антанты в людях, оружии, боевых материальных, денежных средств и вспомогательных ресурсах всякого рода, ни на полную морскую блокаду четверного союза. Мы можем ответить на этот вопрос в положительном смысле. Правда, мировая война 1914—18 г.г. более, чем все предыдущие, была войной масс, материалов и техники, т.-е. механических сил. Но и в этой войне духовные силы, качество управления и войск имели решающее значение. Немецкая армия 1914 и 1915 г.г. обладала такой превосходной подготовкой и силой, что с ней можно было бы одержать победу в 1915—17 г.г., несмотря на неудачный исход первого периода похода на западе в 1914 г., *если бы* осенью 1914 г. генерал Гинденбург был поставлен во главе немецкой армии с сосредоточением в его руках управления всеми вооруженными силами четверного союза, как на суше, так и на море; *если бы* затем без колебаний действовали по определенному плану, имея целью разбить *одного* из важнейших противников—западного или восточного, потом другого и т. д.; и, наконец, *если бы*, сберегая боеспособность немецких и союзных войск, поставили конечной целью решительную победу, а условием мира не увеличе-

ние, а сохранение положения, как мировой державы, и территории 1914 г. Все эти «если» могли быть осуществлены. В действительности же эти предпосылки не были проведены в жизнь, и в 1918 г. сила немецкой армии оказалась недостаточной, чтобы одержать решительную победу. Но немецкая армия была достаточно сильна, чтобы предотвратить поражение и добиться терпимого мира, *если бы* был учтен тот факт, что немецкий боевой аппарат потерял к тому времени свою прежнюю дееспособность. При такой обстановке следовало сосредоточить все наличные силы на достижение одной стратегической цели и обеспечить свои операции, как бы ни были они смелы, подготовкой тыловых оборонительных позиций на случай неудачи. Кроме этих стратегических предпосылок, необходимых для достижения победы, правительственная власть, а также руководимая и воодушевляемая ею страна должны были энергично поддерживать верховное командование на протяжении всех четырех лет. В действительности же эта поддержка постепенно слабела и, наконец, совершенно перестала проявляться в силу слабости государственной политической власти, а также упадка духовных сил народа, что было вызвано блокадой. Такое положение уменьшало шансы немцев и вообще четверного союза на победу, увеличивая их в той же мере у Антанты, благодаря обратному поведению ее государственных деятелей и народов. Несмотря на это, командование четверного осюза боролось всеми своими силами за первенство победы и, по отзыву даже противника, не раз было близко от цели. Даже побежденный народ, каковым является немецкий народ, обязан быть благодарным такому ревностному стремлению своего верховного командования; только глупость и злостность может говорить об их вине за неудачный исход войны.

Ныне всем известно, что ни кайзер, стремившийся к поддержанию мира из-за религиозных убеждений, ни так же настроенный немецкий канцлер, ни начальник генерального штаба 1914 г., ни вся масса немецкого народа не несут на себе «вины» за стремление вызвать войну. Непростительным преступлением Германии был ее слишком большой, быстрый и заметный экономический рост. Ее тяжелой политической ошибкой была утрированная до самоотречения союзническая верность

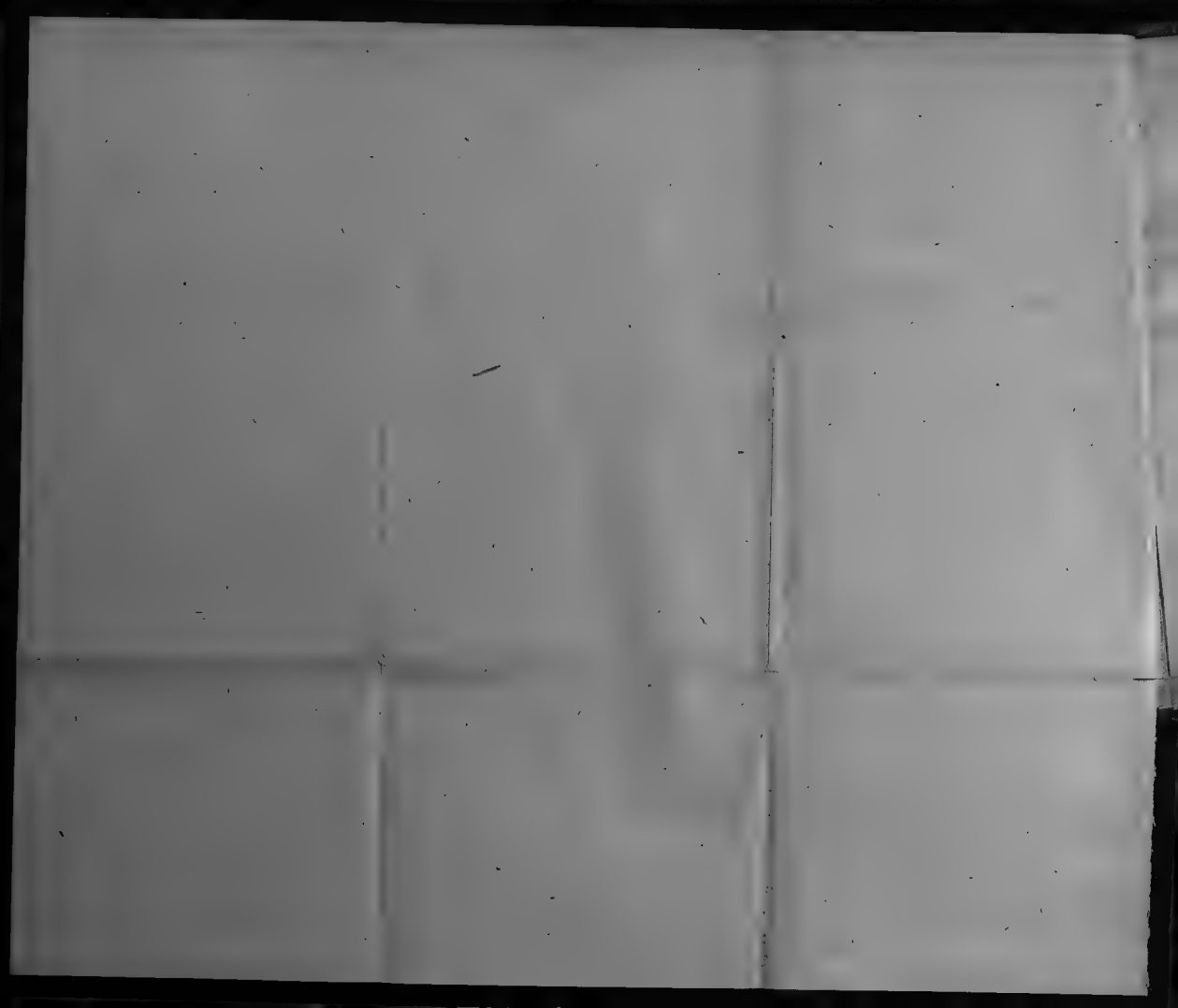
и щепетильность в отношении Австро-Венгрии. В военном же отношении Германия совершила большую ошибку, недостаточно использовав свои людские резервы, несмотря на очевидное и жизненно опасное окружение. Если мировая история является высшим судом, то немец может ожидать его решения с более спокойной совестью, чем русский, француз, англичанин и даже серб, итальянец и румын. С таким же спокойствием могут ждать решения мировой истории и немецкие вооруженные силы. Только выдающейся храбростью войск и таким же искусством управления можно об'яснить такое длительное и героическое сопротивление немецкой армии против армий и флотов всего мира. Ни в одном случае боевые силы Антанты, при всем их стремлении, не смогли победить в наступательном бою немецкую войсковую часть такой же силы по численности и боевым средствам, а тем более превосходящую силами; немецким же войскам это удавалось часто и на всех фронтах. Но и в оборонительных боях немецкая армия вынесла на себе вдвойне и даже втройне больше тяжести, нужды и работы, чем ее противник, несмотря на то, что она никогда не была вполне удовлетворена в продовольственном отношении и не имела полного отдыха. В таком же соотношении были и стратегические задачи немецкого командования: от начала и до конца войны они были не только многостороннее и обширнее, но и бесконечно труднее, чем у противника.

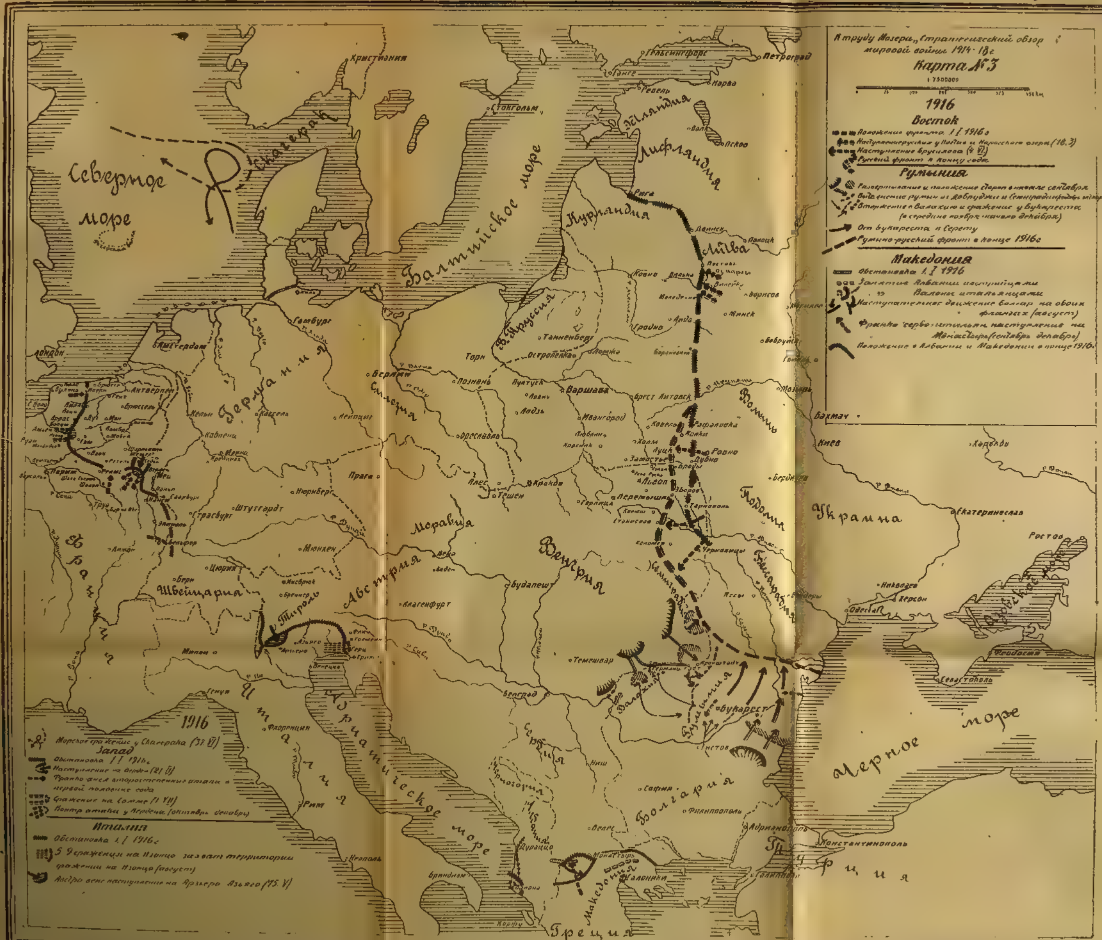
Если бы внутренне-политическая работа по организации немецкого государства до мировой войны шла тем же темпом, что и его экономическая жизнь и, таким образом, во всех слоях населения было бы пробуждено чувство непоколебимого национального единства, как высшего блага, вытекающего из удовлетворения своей государственной жизнью, то немецкий народ был бы так же непобедим, как и его армия. После необыкновенных страданий и жертв немецкий народ поддался соблазну, который искусно сеял противник, и был побежден. Он повален на землю, ограблен, связан по рукам и ногам и удерживается в таком положении бессердечным и высокомерным противником,—он обезоружен, но не лишен чести. Правда, Версальский мир хотел лишить немецкое имя и чести; но этот мир сам по себе является не только актом насилия, но и нару-

шением данного слова, а потому бесчестным. Неблагородно мстительный француз, который своими силами нигде не смог победить немцев в честном бою, издевается над немецким народом при помощи английской жестокосердечности, эксплоатирует его и грозит расчленением и порабощением. Нельзя предсказать, как долго это позорное зрелище будет продолжаться на глазах у всего мира, в особенности же северо-американского народа, втянутого в губительную войну против Германии при помощи гнусной лжи. Но каждый новый удар по лицу нашей дорогой Mutter Germania изгонит из ума и сердца ее подрастающих сынов мечты о всеобщем братстве, в которое они одни только и верили серьезно, и заставит покрыться их щеки краской стыда и гнева. Пусть помнят же они тогда великие деяния их отцов и братьев, проявленные ими в величайшей из всех войн, как залог для нового высокого под'ема Германии после глубокого падения.

Северное море
Скагерак
Германия
Франция
Швейцария
Тироль
Австр
Италия
Лондон
Антверпен
Кассель
Кобленц
Майнц
Штутгарт
Страсбург
Берн
Милан
Генуя
Флоренция
Рим
Неаполь
Триест
Труа
1914.
Запад
Наступление обеих сторон
Немецкий фронт 12 IX
Бои в районе Иперна
Положение к концу 1914 г.
Сербия
Наступление обеих сторон
Позиция сербов в конце 1914 г.

К труду Мозера, Стратегический обзор Мировой войны 1914-18 г.
Карта № 2
Восток
Сербия
Дарданеллы
1915
Запад
Италия
Северное море
Балтийское море
Черное море
Адриатическое море
Германия
Австрия
Венгрия
Румыния
Болгария
Сербия
Греция
Италия
Франция
Швейцария
Турция
Литва
Курляндия
Лифляндия
Эстляндия
Восточная Пруссия
Силезия
Моравия
Тироль
Волынь
Подолия
Украина
Бессарабия
Македония
Петроград
Нарва
Псков
Рига
Ковно
Вильна
Гродно
Минск
Варшава
Лодзь
Брест Литовск
Пинск
Ровно
Луцк
Тарнополь
Гамбург
Берлин
Познань
Бреславль
Прага
Мюнхен
Вена
Будапешт
Белград
Ниш
София
Бухарест
Констaнтинополь
Одесса
Херсон
Николаев
Севастополь
Феодосия
Генуя
Триест
Неаполь
Валона





Карта №3
1:7500000
1916
Восток
Положение фронта 1 I 1916 г.
Наступление брусилова (4 VI)
Русский фронт к концу года
Румыния
От Букареста к Серету
Румыно-русский фронт в конце 1916 г.
Македония
Обстановка 1 I 1916
Положение в Албании и Македонии в конце 1916.
1916
Запад
Италия
Северное море
Балтийское море
Черное море
Германия
Австрия
Венгрия
Румыния
Болгария
Греция
Македония
Украина
Подолия
Бессарабия
Волынь
Литва
Курляндия
Лифляндия
Эстляндия
Швейцария
Моравия
Силезия
Сербия
Петроград
Христиания
Стокгольм
Гельсингфорс
Ревель
Нарва
Псков
Рига
Ковно
Гродно
Минск
Варшава
Брест Литовск
Ковель
Ровно
Дубно
Луцк
Львов
Перемышль
Краков
Берлин
Познань
Бреслау
Лейпциг
Кассель
Гамбург
Антверпен
Лондон
Прага
Нюрнберг
Штутгардт
Страсбург
Мюнхен
Цюрих
Берн
Вена
Будапешт
Клагенфурт
Темешвар
Белград
Бухарест
София
Филиппополь
Адрианополь
Константинополь
Салоники
Монастырь
Флоренция
Рим
Неаполь
Бриндизи
Милан
Генуя
Корфу
Киев
Харьков
Екатеринослав
Ростов
Николаев
Херсон
Одесса
Севастополь
Феодосия
Бахмач
Мозырь
Бобруйск

К труду Мозера. Стратегический обзор мировой войны 1914-18 г.
Карта № 4
1: 7500000
Восток
Обстановка с 1. I. 1917 г.
Наступление Керенского 1. VII. 1917 г
Прорыв немцев и ав.-венг. у Зборова 19. VII
Взятие Риги, Эзеля и Даго.
Положение фронта с октября
Македония
Обстановка с 1. I. 1917 г
Удлинение фронта через Албанию
(Охридское озеро - Валона)
Северное море
Балтийское море
Скагерак
Германия
Франция
Швейцария
Австрия
Венгрия
Италия
Адриатическое море
Сербия
Болгария
Румыния
Черное море
Азовское море
Украина
Македония
Греция
1917
Запад
Обстановка 1. I. 1917 г.
Сражение у Аррас (9. IV)
Двойное сражение на Эне и в Шампани (16. IV)
Бои во Фландрии с июня по ноябрь
Франц. атаки у Вердена в августе
Бои у Камбре (ноябрь - декабрь)
Италия
Обстановка с 1. I. 1917 г.
Новый фронт на Пьяве.

К труду Мозера „Стратегический обзор мировой войны 1914-18 г.
Карта № 5
1:7500000
Восток
Обстановка до 18 II
Территория занятая немецкими и ав.-венг. войсками
Македония
Обстановка к середине сентября
Прорыв болгарского фронта (15 IX)
Нем. австро-венг. отступление
Западный фронт
1918 г.
Италия
Обстановка в октябре 1918 г.
Северное море
Скагерак
Балтийское море
Лифляндия
Эстляндия
Курляндия
Литва
В. Пруссия
Германия
Силезия
Франция
Швейцария
Австрия
Моравия
Венгрия
Семиградия
Бессарабия
Подолия
Волынь
Украина
Азовское море
Черное море
Румыния
Сербия
Черногория
Албания
Болгария
Македония
Греция
Турция
Адриатическое море
Христиания
Стокгольм
Гельсингфорс
Петроград
Ревель
Рига
Двинск
Полоцк
Поставы
Молодечно
Минск
Гродно
Бобруйск
Гомель
Барановичи
Брест Литовск
Варшава
Ковель
Холм
Луцк
Ровно
Дубно
Броды
Львов
Тарнополь
Черновицы
Яссы
Одесса
Николаев
Херсон
Екатеринослав
Ростов
Феодосия
Севастополь
Гамбург
Берлин
Познань
Торн
Кассель
Лейпциг
Прага
Вена
Мюнхен
Амстердам
Антверпен
Брюссель
Париж
Версаль
Мец
Страсбург
Бельфор
Цюрих
Берн
Милан
Генуя
Клагенфурт
Толмейн
Герц
Триест
Темешвар
Белград
Ниш
София
Бухарест
Кронштадт
Систово
Филиппополь
Адрианополь
Константинополь
Галлиполи
Салоники
Монастырь
Рим
Неаполь
Бриндизи
Корфу
Валлона

К труду Мозера „Стратегический обзор мировой войны 1914-1918 г."
Карта № 6.
Армения - Персия
Положение в 1914-15 г
Турки в Персии в 1915 г
Русское наступление и положение турок в 1916 г
Положение в 1917 г
Отступление русских в 1918 г, области занятые турками (1 нем. див. в Тифлисе)
Месопотамия
Положение турок и англичан в 1914 г (Персия Аравия)
Новое англ. наст-ие до Кут-эль Амара 1916 г
Багдад в 1917 г. (11. III)
Англ. наст-ие по Тигру и Евфрату в 1918 г
Палестина - Сирия
Положение сторон в 1914-16 г
Турец. наст-е на Суэц в 1915/16 г
Англ. наст-е в 1917 г до Иерусалима
" " в 1918 г (до Алеппо)
Нейтральные области
Территория центр. держав
Английская территория
Француз.
Россия
Сербия и Черногория
Бельгийская террит.
Румыния
Итальян. террит.
Португал. "
Либерия
Греция
Второстепенные театры военных действий в мир. войну
1914-1918
1:40000000
Положение фронтов в Европе в 1917 г
В немецких колониях
Того
Камерун
Немецкая юго западная Африка
Немецкая Восточная Африка
Обстановка в 1917 г. (Восточная группа Леттова)
Операции Леттова в 1918 г
Москва
Петроград
Архангельск
Берлин
Лондон
Париж
Вена
Будапешт
Одесса
Бухарест
София
Константинополь
Мадрид
Рим
Мальта
Батум
Тифлис
Карс
Баку
Эрзерум
Тавриз
Решт
Мосул
Алеппо
Дамаск
Иерусалим
Багдад
Тегеран
Испагань
Басра
Каир
Суэц
Мекка
Аден
Турция
Марокко
Алжир
Тунис
Триполи
Египет
Геджас
Персия
Афганистан
Абиссиния
Либерия
Нигерия (Брит)
Франц. Конго
Камерун
Гос. Конго (бельг.)
Брит. вост. Африка
Нем. вост. Африка
Табора
Занзибар
Дар-эс-Салаам
Линди
Ангола (порт)
Родезия
Беджуания
Мадагаскар
Немец.
Африка
Китовая-бухта
Виндгук
Азорские о-ва (португ)
о-в Мадейра (португ)
Фарерские о-ва
Шетландские о-ва
Оркнейские
Захвердийские о-ва (португ)

ИЗДАНИЯ

Высшего Военного Редакционного Совета.

Наставление для ухода за сѣдельными уборами.
Инструкция для приема 3-х лин. винтовок обр. 1891 г.
Наставление для ведения занятий с гренадерами, изд. II.
Руководство для сл. при 76 м/м. 3-х дм. короткой пушке обр. 1912 г. Отд. I. Устройство пушки.
Руководство для сл. при 76 м/м. 3-х дм. противоштурмовой пушке. Отд. I. Устройство пушки.
Изменения в основной инструкции для приема 3-х лин. винтовочных боевых патронов.
Наставление для обучения молодых красноармейцев пехоты.
Церемониал приведения Красной армии к Красной присяге.
Наставление для ведения стрелковых занятий с командным составом РККА.
Инструкция осматривающим оружие в войсках.
Полные таблицы стрельбы из 107 м/м. 42 лин. пушки обр. 1877 г. заряд. бездымного пороха.
Наставление к строевому обучению Красной конницы, ч. I. Подготовка всадника-бойца.
Изменения в инструкции для приема 3-х лин. винтовки обр. 1891 г. при изготовлении винтовок при ненормальных условиях.
Временные правила о порядке выполнения воинских перевозок.
Руководство службы полевой тяжелой артиллерии 107 м/м. 42 лин. скорострельной пушки. Отд. V. Боевые припасы.
Наставление для стрельбы по воздушным целям.
Руководство службы тяжелой артиллерии. Отдел V.
Инструкция для приема боевых винтовочных патронов обр. 1908 г.
Инструкция для применения зенитной артиллерии.
Описание употребления лекал и приборов к 3-х лин. винтовкам обр. 1891 г.
Руководство службы полевой артиллерии 76,2 м/м. полевой скоростр. пушки. Отд. V. Боевые припасы.
Руководство для службы при 76 м/м горной скоростр. пушке. Отдел I. Устройство пушки и уход за нею.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ.

(Пособия, руководства, наставления).

Башинский, Р.—Необходимые сведения и пособия пользования таблицами стрельбы из 76,2 м/м. французской полевой пушки.
Луцинин, В.—Руководство для ведения военной игры со старшим и высш. комсоставом в войск. частях М. В. О.
Башинский, Р.—Пособие для стрельбы при 76,2 м/м французской полевой скорострельной пушке. Описание материальной части.
Унтилов, В.—Руководство по всем видам личного и денежного довольствия РККА.
Трунов, К.—Краткое учебное пособие по воздушной артиллерии.
Пособие для практического ведения занятий с мл. комсоставом артиллерии.
Базаревский.—Руководство для ведения военной игры.
Ростовский. Прибор пантограф.
Спутник красного командира.
Морозов, Г.—Стрелковые занятия на перспективном плане.
Зеленин.—Наставления по строевому курсу ВУЗ.
Архангельский—Краткое руководство для заведующих оружием в полку.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.

МОСКВА
1923 г.